

СМЕТС

ISSN 0131-6656

№ 14 июль 1983

ПОГРОСТКИ
В ЗОРОГЕ

В Пензе более 500 тысяч жителей, в их числе несколько десятков тысяч подростков в возрасте от 13 до 17 лет.

В городе открыто 115 подростковых клубов, в которых занимается 15 тысяч ребят.

Игорь МИНУТКО.
Фото Сергея ВЕТРОВА.

Специальные корреспонденты
«Смены»

Сначала о проблеме. Проблема острой, тревожной, которая не может не вызывать нашей озабоченности. «Трудные» подростки в больших городах. Впрочем, следует добавить: не только в больших. С этим социальным явлением все чаще сталкивается общественность в районных центрах, в рабочих поселках, даже в крупных селах: стихийно возникающие компании подростков, через которые во дво-

ЗАСЕДАНИЕ КООРДИНАЦИОННОГО СОВЕТА ПОДРОСТКОВЫХ КЛУБОВ ПЕНЗЫ ВЕДЕТ ЕГО ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ ГК КПСС Ю. С. ВИНОГРАДОВ.

СТАРШИЙ ДРУГ ВСЕГДА РЯДОМ. ТРЕНЕР АЛЕКСАНДР ЗУЕВ СО СВОИМИ ВОСПИТАННИКАМИ ИЗ КЛУБА «ЛУЧ».

рах и подъездах, в укромных уголках парков и скверов, вечером на пустынной улице незримо проходит та роковая черта, преступив которую подросток становится неуправляемым.

Нам надо обязательно понять все, что связано с жизнью и устремлениями молодых, понять и осмыслить истоки возникновения отдельных негативных явлений в их среде. И тогда решать.

Вот здесь как раз уместно обратиться к опыту города Пензы, опыту эксперименту, явлению уникальному и пока единственному в нашей стране.

...Вы приезжаете в незнакомый город и, если у вас не пропал интерес к жизни и к людям, наскоро устроившись в гостиничном номере, отправляетесь на прогулку: любопытно, чем этот город отличается от других, не потерял ли он—в многомасштабном строительстве последних десятилетий—свое лицо?

Центральная часть Пензы—историческая. Она покоряет вас бережно сохранными зданиями XIX века, целыми кварталами «старинки», в которую ненавязчиво вкраплены архитектурные ансамбли нашего динамичного

ПОДРОС

В ГОРОДЕ

ОБ ЭТОМ ГОВОРИЛОСЬ НА ПЛЕНУМЕ ЦК КПСС

**НАПУТСТВИЕ ПЕРЕД СТАРТОМ
ЮНОМУ КАРТИНГИСТУ ИЗ КЛУБА
«СТРОИТЕЛЬ».**

«А МЫ СИЛЬНЕЕ!..»

времени; вы не спеша пройдетесь по гранитной набережной Суры и постепенно поймете, что и в центре уцелели островки прошлого: деревянные дома с резными наличниками на окнах, высокие заборы с надписями «во дворе злая собака», сады, запах древесного дыма... Новые жилые массивы широки, просторны, строительство здесь ведется продуманно и рационально и

ТЖИ

подчинено главному тезису: все для человека, для его счастливой жизни. Еще Пенза — в любое время года — поразит вас чистотой улиц и обилием скверов и парков.

Вот так внимательно вглядываясь в лицо города, вы обязательно заметите еще одну характерную его черту: на старинных домах и новых зданиях красочные, с любовью выполненные вьюшки подростковых клубов: «Камертон», «Серебряные спицы», «Смена», «Сурские клинки», «Олимп», «Энергетик» и «Радар», «Автомобилист», «Радуга», «Золотые перчатки», «Орленок», «Ринг», «Богатырь». Всего, как вы знаете, в городе сто пятнадцать подростковых клубов — составная и значительная часть духовной жизни города.

И ЗАСОХШИЕ ДЕРЕВЬЯ И БЕСФОРМЕННАЯ ГЛИНА ОЖИВАЮТ В УМЕЛЫХ РУКАХ РЕБЯТ ИЗ КЛУБА «ЮНЫЙ СКУЛЬПТОР».

И его особенность.

Сто пятнадцать клубов для подростков в городе с полумиллионным населением... В это следует вдуматься. Поскольку история этих клубов началась совсем недавно, а налицо уже реальные результаты, можно говорить о пензенском эксперименте в многотрудном деле воспитания подростков.

Но о конкретных результатах — чуть ниже.

Сейчас же немного истории (хоть она и коротка), ибо в истории заключается опыт, ценный и полезный для всего общества.

Есть в пензенском эксперименте, безусловно, своя специфика. До начала шестидесятых годов Пенза, за исключением центра, была «деревянным» одноэтажным городом. Подавляющая часть населения жила в своих маленьких домиках с садом, огородом, сложившимся бытом. Это означало: в каждой семье дети на виду, обязательно заняты домашней работой — ната-

скать воды, вскопать огород, наколоть дров, то есть жизнь подростков во многом была похожа на деревенскую. Не возникало стихийных сообществ—дворовых компаний, не контролируемых и не предсказуемых в своих поступках, подросткам просто невозможно было затеряться в «каменных джунглях», они почти всегда, исключая часы пребывания в школе, были на глазах родителей. В течение последних двух десятилетий произошли огромные, разительные перемены: началось бурное жилищное строительство, город почти удвоил население; выросли новые жилые микрорайоны, а такой, как Арбеково, превзошел по численности жителей старую Пензу. С проблемой, которая в иных крупных городах вызрела как бы исподволь, постепенно, и стала, увя, давно привычной, Пенза столкнулась внезапно, почти врасплох. Это проблема подростков, «трудных» детей, образующих стихийные компании больших дворов, и как экстремальное, крайнее ее проявление—детская преступность: драки, бессмысленная и жестокая порча жилого фонда (выбитые дверные стекла, выведенные из строя лифты, пожары в подвалах и на чердаках), мелкие квартирные кражи...

Да, перед общественными организациями города во всем своем драматизме и обнаженной сущности встала именно эта проблема—детские правонарушения. Надо было проанализировать, понять ее истоки и заняться профилактикой. Ведь «трудными» дети не рождаются, ими становятся.

Почему? Сто пятнадцать подростковых клубов в Пензе возникли не по чьей-то воле свыше, а явились результатом конкретного опыта. Первый детский клуб в Пензе—по принципу клубов, уже существовавших в других городах,—был открыт в 1974 году, назывался он «Семицветик». И очень скоро обнаружилось удивительное явление: вокруг клуба постепенно создалась микроатмосфера—вечерами стало спокойно на улицах, ребята с радостью и интересом спешили на занятия кружков и секций. Есть над чем подумать!

Была проведена работа по двум направлениям: изучали, пока небольшой, опыт работы внутри клуба и занимались статистикой. Да, да! Статистикой! Получалось: из жилого квартала, в центре которого был расположен «Семицветик», каждый второй школьник, начиная с пятого класса, посещал свой клуб.

Естественно, думая о создании большего количества подростковых клубов, все, кто занимался этим вопросом (прежде всего горком КПСС и горком комсомола, горно), имели в виду предупреждение детской преступности. Но не может же каждый второй подросток превратиться в «трудного», опасного для общества! И задача подростковых клубов усложнилась, стала и социально и политически более насыщенной: да, не только предупреждение детской преступности и обращение «трудных» детей на путь истинный, но и—главное!—помощь подростку в его становлении, возмужании, гражданском росте.

...Два с половиной года назад, в январе 1981 года, было принято совместное решение горкома партии и горисполкома о создании в Пензе ста подростковых клубов. Записали в решение и одно из обязательных условий предстоящей работы: каждый второй подросток в возрасте от 13 до 17 лет должен быть вовлечен в клуб.

«Должен»... В этом слове есть некий подтекст со знаком минус. Но об этом чуть позже.

Итак, приезжая сегодня в Пензу, вы застаёте в городе уже сто пятнадцать функционирующих подростковых клубов. И никто не удивится, если вы зададите вопрос:

— Так что же это такое—подростковые клубы в Пензе?

Главные принципы их организации: по месту жительства и по интересам.

Предположим, в городе есть прекрасный Дворец пионеров. Или в каждом районе (их в Пензе четыре) свой Дом пионеров со всевозможными кружками, спортивными секциями, культурно-массовыми мероприятиями. В них ведется работа с детьми, освященная многолетним опытом. Добавим: опытом несколько канонизированным и окаменевшим, достаточно часто, увя, отравленным бациллами формализма. К тому же далеко не каждый подросток имеет возможность ездить во Дворец пионеров из одного конца города в другой на занятия кружка или на тренировку в спортивной секции.

Подростковые клубы в Пензе—совсем другое дело. Все они рядом со школой и домом. Во-первых, всегда можно выбрать дело или вид спорта, к которым имеется склонность. Во-вторых, в этих клубах особая атмосфера: там не бывает скучно. Среди таких же ребят, как он сам, подросток ощущает себя личностью или постепенно проникается этим ощущением. Главное—принципиально главное!—в работе пензенских подростковых клубов, во всех их делах исключен формализм—эта разрушительная, рутинная антисила. Вот почему неточной представляется фраза: «каждый второй подросток «должен» быть вовлечен в работу клуба» (в глаголе «должен» присутствует принуждение...)—пензенские подростки сами стремятся в свои клубы.

В Пензе подростковые клубы делятся на четыре категории: спортивные—52, многопрофильные—28, технические—25, эстетические—10. Необходимо привести и еще одну цифру: в клубах культивируется около 450 различных видов занятий (наверно, имея в виду эмоциональную сторону проблемы, следует сказать, увлечений), особенно популярных у ребят: спорт, искусство, музыка, техническое творчество, туризм...

Теперь о самом важном, самом главном в пензенском опыте. Подростковые клубы в городе—кровное дело всех. Кровное, заинтересованное, творческое, среди причастных к нему людей нет равнодушных и инертных. Во всяком случае, сейчас дело обстоит именно так. Город, пройдя через трудности, непонимание, даже сопротивление отдельных руководителей, осознал: подростковые клубы—это так же важно, как полноценная семья, как хорошая школа, когда в ее классы дети спешат, будто на праздник.

Руководит всей работой подростковых клубов в Пензе специальный орган, который называется так: «Городской координационный Совет по организации деятельности подростковых клубов по месту жительства». В него входят девятнадцать человек—партийные и комсомольские работники, руководители предприятий, спортивные деятели и педагоги, заведующие подростковыми клубами. Председатель Совета—секретарь горкома КПСС Юрий Сергеевич Виноградов, человек, глубоко преданный делу воспитания юношества. Для него слова: «От того, каким вырастет молодое поколение, зависит завтрашний день планеты»,—не просто слова, а руководство к ответственной и целенаправленной деятельности.

Итак, основополагающий тезис, главная задача, которая поставлена перед подростковыми клубами в Пензе: вовлечь в клуб каждого мальчика и каждую девочку при обязательном условии, чтобы им было там интересно. Иначе клубы попросту будут пустовать. Но на это условие накладывается принципиальная сверхзадача, которая должна стоять за всеми интересными делами подростковых клубов, быть их доминантой, конечной целью: из клуба должен уйти в самостоятельную жизнь человек с твердым нравственным стержнем в душе. «...Надо твердо

проводить курс на то,—подчеркнул в речи на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС Генеральный секретарь ЦК партии Ю. В. Андропов,—чтобы прививать школьнику привычку и любовь к полезному труду. Это может быть труд физический или умственный, но обязательно настоящий труд—производительный, нужный обществу».

...С позиции этой задачи и заглянем внутрь подросткового клуба, попытаемся создать его обобщенный образ.

Возьмем многопрофильный клуб. Это значит: в нем регулярно работают спортивные секции—футбол (весной и летом), хоккей (зимой), лыжи, волейбол, легкая атлетика, настольный теннис и т. д. Регулярно идут и занятия в кружках: танцевальном, кройки и шитья, гимнастике, автомобильном, театральном и др. Клуб распахивает свои двери вечером, в шестнадцать-семнадцать часов—предполагается, что ребята, придя из школы, отдохнули, сделали уроки и вот теперь им как награда—любимое дело. Это надо особенно подчеркнуть: любимое!

В многопрофильном клубе занимаются от трехсот до пятисот детей: в этой массе растворены и «трудные», те, кто состоит на учете в инспекции по делам несовершеннолетних. Причем этим мальчикам и девочкам никто и никогда не напомнит в клубе, что они «трудные», что состоит на учете. Они здесь равные среди равных.

Итак, занятия любимым делом или видом спорта. Но этим не ограничивается работа подросткового клуба. Все кружки и спортивные секции продуманно, целенаправленно объединены планом культурно-воспитательной и политической работы: походы в кино, в театры и музеи; читательские конференции, встречи с деятелями искусства и науки, всевозможные конкурсы и т. д. Мероприятия подчинены непрелюбому правилу: должно быть инте-

ресно, долей скуку и формализм! А это значит: сломать привычный штамп, разрушить рутину, устранить принуждение (оно просто немислимо). Это прекрасное правило утверждают в подростковом клубе сами ребята. Они хозяева здесь: всей работой клуба руководит его совет, который выбирают на общем собрании члены клуба. Ребята самоуправление! В совет обязательно входят и взрослые, как правило, двое: директор клуба или главный тренер и комиссар, осуществляющий всю политико-воспитательную работу. Они рядовые члены совета, и надо обладать немалым тактом и педагогическим чутьем, чтобы без нажима, не задевая детского самолюбия (так легко ранимого), корректировать и направлять работу совета, а значит, и всего клуба.

Итак, самоуправление, которое превращает подростковый клуб в ребята республику, в «детское сообщество», по словам выдающегося педагога Станислава Теофиловича Шацкого, еще в 1911 году организовавшего первую в России детскую летнюю колонию «Бодрая жизнь».

Пожалуй, обобщенный образ клуба станет более понятным, если подтвердить его конкретным примером.

Многопрофильный клуб «Орленок». Он «старейший» в городе, и опыт его работы в определенном смысле—методологическая основа всех клубов.

Шефствующее предприятие—промышленное объединение «Электромеханика». Шефы целиком профинансировали строительство и оборудование клуба. Он размещен в одном из административных зданий, которые сейчас строятся в новых микрорайонах для ЖКО, товарищеских судов, добровольных народных дружин, и занимает половину этого двухэтажного строения.

Любовно, рационально оборудован-

ный спортивный зал, который может превратиться в зрительный — для концертов, встреч, праздников; комната, где проходят занятия кружков; фотолаборатория; подсобки для спортивного инвентаря; в маленьком фойе, рядом с раздевалкой, несколько столов для настольного тенниса — это любимая игра для многих подростков, которые, наверно, не будь клуба, искали бы развлечения в других местах...

Работают в клубе восемь человек: руководители кружков, воспитатели, тренер, уборщица, а возглавляет этот маленький коллектив Светлана Максимова Попова, педагог-организатор. Вместе с Поповой тут трудятся люди, естественно, разные, непохожие друг на друга, но объединенные одним: любовью к детям. Например, тренер Владимир Анатольевич Белоножкин, который буквально днюет и ночует в клубе, вкладывая в дело всего себя без остатка, ребята души в нем не чают. Или воспитатель Евгений Савельевич Юмаев, который возглавляет «Клуб интересных встреч», — это уже работа, объединяющая всех детей, приходящих в клуб (а их 450), — концерты для родителей, встречи с артистами, писателями, художниками; «день открытого письма», когда на встречу с детьми приглашаются руководители промышленных предприятий. Да, это своего рода профориентация.

И еще есть внутри «Орленка» «Клуб выходного дня». Работает он по воскресеньям. С нетерпением ждут его ребята: всем нравятся коллективные походы в кино или театр (потом обязательно обсуждение фильма, спектакля, дискуссия, где столкнутся разные мнения, возникнет спор); прогулки в парк, зимой — лыжные походы, летом — на Суру или в лес с костром, с песнями, с приготовлением обеда, конечно же, силами самих ребят.

Это общественно-воспитательная

программа клуба, культурная. Не на каждый день. А каждодневная...

Шесть часов вечера. Распахнуты двери клуба «Орленок». Начинаются занятия 18 кружков. В тот день, когда меня познакомили с работой клуба, шли занятия в танцевальном кружке, в хоровом (кстати, он основан на группе продленного дня, и здесь надо сказать об огромной помощи школы № 16, где завучем по внеклассной работе трудится Алевтина Николаевна Ермолаева, — клуб «Орленок» и школа — единое целое); занимались ребята в театральном кружке (шла подготовка концерта для майских праздников); в авиамодельном — он только для мальчиков — создавались конструкции новых «самолетов» (впереди областная выставка-конкурс). А на спортивной площадке при клубе Владимир Анатольевич проводил разминку с футболистами — городские соревнования юных спортсменов не за горами. Всего же у тренера В. А. Белоножкина шестьдесят питомцев, которые занимаются футболом, хоккеем, легкой атлетикой, а специально для девочек — мини-баскетбол и волейбол.

В этот же вечер собрался совет клуба. Вопрос обсуждался важный: летние дальние экскурсии. В предыдущие годы такие увлекательные поездки уже состоялись: в Тарханы, на родину Лермонтова, в город Белинск; побывали ребята в Москве, на Украине — во Львове, в Трускавце, в Дрогобыче. Куда поехать нынешним летом? Члены совета клуба сами выберут маршрут, сами обсудят кандидатуры, — кто поедет?

И тут надо вернуться к обобщенному образу подросткового клуба в Пензе. Да, весь план культурно-массовой работы в нем составляет «сам» совет. А взрослые его члены лишь рекомендуют и корректируют, и можно не сомневаться: будут учтены все желания,

стремления ребят, в план попадет лишь то, что им интересно. Теперь становится вполне очевидным, какую ответственность на себя берут «взрослые» члены совета, прежде всего комиссары.

Во всех подростковых клубах Пензы комиссары — представители комсомола. Вот теперь настало время рассказать о той огромной работе, которую проводит Пензенская городская комсомольская организация в подростковых клубах.

Первый секретарь Пензенского горкома ВЛКСМ Вячеслав Шайкин, являющийся членом городского координационного Совета по организации деятельности подростковых клубов по месту жительства, рассказывает:

— С появлением в городе первых подростковых клубов комсомол активно включился в эту работу. Из числа лучших комсомольцев шефствующего над клубом предприятия мы предлагаем комиссара, который утверждает координационным Советом. Один из секретарей каждого из четырех райкомов ВЛКСМ города обязан контролировать работу подростковых клубов, а это значит — два-три в неделю посещать все клубы, решать на месте возникающие проблемы, поддерживать постоянный контакт с руководителями кружков, тренерами, директорами клубов. Наши первичные комсомольские организации сейчас бьются над нелегкой задачей: каждому клубу — спортивную площадку. Особенно трудно ее решать в старых городских районах: попросту нет «свободного пространства». И все-таки с каждым месяцем у все большего числа подростковых клубов появляются, пусть небольшие, спортивные площадки — с хоккейным полем, с минимальным набором спортивных снарядов.

Еще одна наша прямая забота. И боль, добавил бы я. Семья «трудных» детей. Горький опыт показывает, да об этом свидетельствует и статистика: самые «трудные» подростки, состоящие на учете в инспекции по делам несовершеннолетних и совершившие свои первые преступления, в девяносто восьми процентах из ста живут в семьях, пораженных алкоголизмом. Профилактическая работа с такими, с позволения сказать, «родителями» трудна и далеко не всегда эффективна. Но все равно ее надо вести. Тем более что в последнее время мы замечаем все чаще: для ребят, посещающих подростковые клубы, они превратились во второй, а для некоторых в первый — родной, любимый дом. Забудьте, не семья, не школа, а именно клуб стал родным домом...

Этими словами Вячеслав Шайкин выводит нас на разговор, чрезвычайно важный для понимания проблемы «трудных» подростков, для вскрытия причин, порождающих эту проблему.

Для того чтобы разговор этот был конкретным, приведем здесь одно письмо. Его написала директору пензенского подросткового клуба бывшая «трудная» девушка. Изменены только имена. Вот оно, это письмо:

«Здравствуйте, Клавдия Васильевна!

Спасибо вам за письмо. Расскажу о себе. Вроде бы уже привыкла к новой обстановке. И к Почелме привыкла. Вы говорили, это город. Совсем не город, а большое село, после Пензы — скучновато. Но ничего. Ведь я деревенская. Мать говорила, что я родилась в деревне Кресты, на печке. Свекровь у меня вполне, пока не ругаюсь. И Наташку нянчить помогает. Борька работает в «Сельхозтехнике», вчера принес аванс — 93 рубля. Сказал, что отдал все до копеечки. У нас с ним отношения нормальные, даже, можно сказать, хорошие. Знаете, Клавдия Васильевна, ночью Наташка заплачет, накормлю ее и уже заснуть не могу. Все думаю: если бы

не вы, не наш клуб, не ребята... Женится бы на мне Борька? Помните, на совете обсуждали его. Или, лучше сказать... разговаривали с ним, старались понять, объяснить? А он, дурак, расплакался, как мальчишка. Отец, называется. Сказал: «Люблю». А вы сказали: «Раз любишь — женись». И еще, Клавдия Васильевна, вспоминаю собрание в школе незадолго до того, как вы в клубе нас с Борькой «поженили». Вспоминаю, и выть хочется от злости. Историю наша говорила: «За порогом школы вас ждет дорога в светлое будущее!» Вот мое будущее — восемнадцатилетняя мать, все время спать хочется, без конца стирать пеленки, а за водой ходить к колодезю в конце улицы, горб наломаешь, будь здоров. Только, Клавдия Васильевна, не думайте, что я ною. Свою Наташку я люблю больше всех на свете. Что я хочу сказать? А то, что зря нам учителя твердили про всякие розовые замки. Как они не понимают, что жизнь есть жизнь и не розовые замки нам нужны, а нормальная, интересная работа, хорошая семья и настоящая любовь близкого человека. Знаете, за что я люблю вас, Клавдия Васильевна? За то, что вы всегда говорили с нами честно. Обо всем. Ничего не утаивали. И никогда не врала. Если бы вы знали, как мне не хватало здесь, в Почелме, нашего клуба!

Пишите, не забывайте. Остаюсь всегда ваша — Лариса.

Это максималистски суровое письмо наводит на многие размышления.

Прежде всего оно вскрывает общественное значение подростковых клубов. В них подростки находят то, чего, увы, часто нет в школе и чего страстно жаждет юная душа: правды о жизни и о себе, отсутствия казенщины с неприменным уставом «от сих до сих, а это не велено...». И еще — в подростковых клубах их ждет любовь своих наставников. По такой истинной любви взрослого человека они зачастую тоскуют в школе.

Кстати, в Пензе многие школы и подростковые клубы в сложнейшем деле нравственного воспитания детей трудятся рука об руку. Как пример можно привести школу № 47, где директором работает Валентина Ивановна Рачевская. Школа расположена в микрорайоне — там живут в основном железнодорожники. Вокруг нее — подростковые клубы имени Гайдара, «Луч», «Сурские клинки». Для них школа — центр всей работы: она предоставляет клубам библиотеку, литературный музей, кинозал, спортивный зал, в ней проходят занятия многих клубных кружков.

...Новое дело — это всегда опыт, раскрываемый через возникающие проблемы. Пензенский опыт создания подростковых клубов — с расчетом вовлечь в них каждого второго подростка — не может не заинтересовать другие города.

Итак, вот проблемы, с которыми столкнулась Пенза, создавая сто пятидесятитри подростковых клубов.

Первая из них — финансовая. Дело новое, и приходится констатировать: в Пензе пока в организации подростковых клубов нет единой финансовой основы. Хотя главный принцип был найден самой практикой. В каждом районе города есть одно или два крупных промышленных предприятия. Они — шефы двух, трех, а иногда и большего числа клубов и поэтому добровольно и заинтересованно берут на себя материальную ответственность за них. Нет в районе крупных предприятий, обязательно есть мелкие, есть НИИ, им — по одному клубу. Короче говоря, у каждого подросткового клуба есть свой шеф. Его забота: найти и отремонтировать помещение, закупить оборудование, спортивный инвентарь, все необходимое; взять на свой баланс финансирование.

Вторая проблема — штатное распи-

ИМ СТРОИТЬ НОВЫЕ ГОРОДА.

**ХОРОШО ПРОКАТИТЬСЯ С ВЕТЕР-
КОМ ПО РЕКЕ СУРЕ.**

ПЕРВЫЕ ТРУДОВЫЕ НАВЫКИ.

**«ОТ УЛЫБКИ В НЕБЕ РАДУГА
ВЗОВЬЕТСЯ...» КЛУБОМ «КАМЕР-
ТОН» РУКОВОДИТ МИХАИЛ
КУЗЬМИН.**

сание. Ставки выделяет горону. Но, чего греха таить, есть и подпольные ставки. Человек, скажем, на заводе числится инженером, там получает зарплату, а на самом деле он — тренер в подшефном подростковом клубе. Или кружок ведет. Нарушение? Нарушение... Короче говоря, пензенский опыт в вопросах финансирования вряд ли может служить образцом для подражания. Он лишь свидетельствует о том, что эту проблему надо решать на четкой и единой юридической основе. Но уже сейчас, чтобы не остановить важное дело, спортивным организациям, прежде всего ДСО, следует, очевидно, больше выделять средств подростковым клубам из своего бюджета: опыт показал, что клубы — отличная кузница спортивных кадров и будущих чемпионов во всех видах спорта.

Следующая проблема... Попав в Пензу, вы обязательно обратите внимание на то, что подростковые клубы размещены в самых разных зданиях, а иногда и просто в подвалах. И так, проблема помещений для подростковых клубов. Перед шефами ставится задача: найти помещение для такого подросткового клуба. Находят. Это может быть здание, которое подлежит сносу. Или объединяются несколько квартир в новом доме, убираются стены, словом — полная перестройка.

Иначе обстоит дело в новых жилых массивах. Там уже построено несколько специальных помещений для подростковых клубов. Например, клуб «Строитель» в Арбеково. Строили по проекту, над которым сами трудились. И тут необходимо подчеркнуть одно обстоятельство: сейчас в Пензе нет ни одного хозяйственного руководителя, который не понимал бы важности подростковых клубов. Больше того: клуб для каждого директора завода или, скажем, НИИ стоит в первом ряду среди прочих главных задач, таких, как выполнение плана. Например, для ТЭЦ-1 подшефный клуб «Энергетик» считается цехом предприятия. Молодое поколение, выражаясь языком пензенских хозяйственников, самая ответственная продукция общества. И самая бесценная.

Теперь о проблеме кадров. В клубах Пензы работают самые разные люди: педагоги с высшим образованием, спортсмены-тренеры, инженерно-технические специалисты. Но есть одно, общее качество, объединяющее этих людей... Точнее — в Пензе стремятся подбирать в подростковые клубы тех, кто наделен этим — обязательным! — качеством: любовь к детям. Не любит человек детей (а такая любовь, во всяком случае вначале, достаточно часто бывает без взаимности — ответное чувство возникает у ребят постепенно) — нечего ему делать в подростковом клубе. «Их надо любить», — сказал в беседе со мной Юрий

Сергеевич Виноградов. И тогда будет результат. Вывод этот можно сделать уже сейчас из трехгодичного опыта Пензы.

Да, здесь работают с детьми замечательные люди — ими гордится город. В клубе «Штангист» с ребятами занимается Геннадий Григорьевич Севостьянов, в прошлом лучший штангист города — для своих питомцев он и пример силы и образец благородства. Супруги Еремины, Валентин Николаевич и Светлана Александровна (он — комиссар клуба, она — руководитель его), превратили клуб «Снайпер» в настоящую ребячью республику, живущую по законам добра и справедливости. Николай Барашкин, студент педагогического института, кандидат в мастера спорта СССР по самбо и дзюдо, руководит спортклубом «Богатырь», и правило его — любого трудного подростка спорт сделает настоящим человеком (в «Богатыре» обрели себя многие мальчишки, считавшиеся «опасными» для района, где расположен клуб). Ирина Морозова после окончания пединститута пришла в клуб «Строитель» и сразу нашла тот контакт с ребятами, когда у подростков нет никаких секретов от педагога: к Ирине Михайловне приходят они и со своими радостями, и горестями, и с тайнами, которые и родителям не доверят...

Перечислены лишь несколько славных имен — для примера. Пусть не обидятся не названные, но не менее достойные: о каждом из них можно

ЮНАЯ ХУДОЖНИЦА ЛИЛЯ АХЛЮСТИНА.

писать очерк. Просто тема этой статьи—другая: эффективность подростковых клубов города Пензы.

Так в чем же эта эффективность заключается?

Посев и жатва... Момент, когда зерна брошены во взрыхленную землю, и время сбора урожая разделены месяцами. А здесь—годы... Сейчас в сто пятнадцать клубов для подростков в Пензе пришли ребята, которые через пять—девять лет окончат школы и ПТУ и покинут клубы. Тогда будет виден налицо и реальный результат эксперимента. Но уже и сейчас можно подвести его первые итоги. Сейчас в Пензе состоят на учете в инспекции по делам несовершеннолетних 323 человека; в начале 1982 года их было 476... Эти цифры, думаю, говорят сами за себя.

И еще следует сказать об одном реальном, сегодня уже, сейчас ощущаемом результате пензенского эксперимента. Помните, выше говорилось о благоприятном микроклимате, который возник вокруг первого подросткового клуба «Семцветик»? Сейчас это духовный, нравственный климат всего

города. На улицах, площадях, в подъездах и подворотнях вы не увидите «опасные» компании с гитарами, транзисторами и бутылками. В любой вечерний час ваш слух не осквернит площадная брань или нецензурная песня. Вечерами в Пензе спокойно. Потому что широко распахнуты двери ста пятнадцати подростковых клубов...

Итак, пензенский эксперимент говорит нам, что уже сейчас в каждом городе могут быть открыты клубы с расчетом: в них приходит один подросток из двух в возрасте до семнадцати лет,—нужны только такая же инициатива, энергия и любовь к детям, которые проявили жители Пензы.

Но мы смотрим в будущее. И если в триаде, формирующей личность подростка,—семья—школа—клуб,—подростковому клубу отводить такое же ответственное место, как и первым двум, то на весь комплекс проблем, связанных с работой этих клубов, следует взглянуть с государственных позиций.

...Закладывается новый город или поселок городского типа; сооружается новый жилой массив, и среди общественных зданий (школы, детские сады, магазины, служба быта и т. д.) по

специальному проекту возводится подростковый клуб. Он на государственном бюджете, с узаконенным штатным расписанием, и работают в нем воспитатели и педагоги со специальным образованием. Для них выпускается литература: учебники, наглядные пособия, разработки, в которых обобщается, анализируется опыт всех подростковых клубов страны. В каждом областном городе есть свой координационный совет (как сейчас Совет в Пензе), только созданный не на общественных началах, а тоже с государственным штатным расписанием. Представители этих советов есть во всех организациях и ведомствах, причастных к воспитанию молодого поколения, к работе подростковых клубов.—в ЦК ВЛКСМ, Министерстве внутренних дел, в спортивных федерациях...

Потребуется ли это немалых материальных затрат? Безусловно! Но—окупится! Ведь речь идет о будущем и нашей страны и всего человечества—молодом поколении, которому принадлежит завтрашний день.

ЛЮБИТЕЛИ ПОХОДОВ И ТУРИСТСКИХ ПЕСЕН ИЗ КЛУБА «КЕНТАВР».

К 80-летию II съезда РСДРП

ЗНАМЯ

Марк МИТИН,
академик, член КПСС с 1919 года,
делегат III съезда РКСМ

Идут дни, бегут годы, летят столетия... Как измерить движение Времени, куда спешит оно?

Миллионы лет шумит, бурлит, волнуется жизнь под солнцем, и два тысячелетия нашей эпохи — не более чем штрих на полотне вечности, а век двадцатый — лишь капля в океане Времени. С чем тогда сравнить всего один год XX века? Неужели и он мгновение, не различимое будущим?

Но если этот год — 1903-й, год, когда на арене политической борьбы появилась новая сила — партия российских большевиков, которая впоследствии изменит судьбу мира?

«Большевизм», — отмечал Владимир Ильич Ленин, — существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года».

Значит, не мгновением стал на заре нового века 1903 год, а великой вехой нашей Истории!

И в этой великой вехе большевизм обозначил свое отношение к молодежи, приняв на своем Втором съезде специальную резолюцию, в которой четко определены задачи революционного воспитания подрастающего поколения.

Колесо истории то мчалось вперед, то катилось назад, повторяя часто события в виде фарса, как однажды заметил великий провидец судеб человечества, указавший ему путь желанный и реальный. — Карл Маркс.

Но вот листок календаря перевернулся — грянул 1917-й. Всего четырнадцать лет — что значит четырнадцать лет в масштабах Истории?! — понадобилось российской партии большевиков во главе с Лениным, чтобы подготовить и совершить Революцию! С тех пор колесо истории уже больше никогда не катилось назад — только вперед, к светлому будущему.

А врагов было кругом хоть отбавляй: белогвардейцы и интервенты, мироеды-кулаки, шкуродеры-капиталисты, банды всех мастей — вся эта нечисть обрушилась на молодую республику.

И встали пленом к плечу с большевиками молодые парни и девушки — комсомольцы. Им тоже трудно было, как и всей стране. Но они решительно и твердо шли рядом с большевиками.

Трудно, мучительно, в разоренной, голодной и холодной, измотанной блокадными тисками стране начинали мы строить новую жизнь. Из техники под руками — тачки до лопаты. И все-таки первая пятилетка была выполнена досрочно! Прекрасными памятниками стойкости поколений и поныне являются Днепротэкс и Турксиб, Сталинградский тракторный и Комсомольск-на-Амуре.

Что это — загадка? Чудо? Да нет, никаких чудес и загадок тут не было — была самоотверженная деятельность Коммунистической партии, всех ее старых и молодых членов, больших и малых ячеек, была беззаветная, нечеловечески трудная, иногда на пределе сил, исполненная пафоса работа всего народа.

Пройдут годы, и словно миф развеются сразу побасенки западных «пророков» о том, что коммунисты, дескать, не умеют ни управлять, ни строить. Оказалось, умеют, да еще как! Всему миру продемонстрируют они умения не только разрушать старый, эксплуататорский строй, но и создавать новый.

У большевиков слова никогда не расходятся с делом. Это подтверждается всем опытом жизни нашего государства. Пройдут десятилетия. Под руководством Коммунистической партии будет преобразен лик страны, разгромлены фашистские полчища, поднята из руин страна. Советские искусственные спутники и космические корабли устремятся в межзвездное пространство. Сама Коммунистическая партия превратится из небольшой организации сплоченных вокруг Ленина революционеров в многомиллионный, передовой отряд советского общества.

«Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки» — так в начале века писал о коммунистах Владимир Ильич Ленин.

Сейчас в рядах Коммунистической партии Советского Союза более 18 миллионов коммунистов. Убежденных и стойких борцов. Вот почему мы, 271 миллион советских людей, чувствуем в себе такую могучую силу и убеждены в торжестве великой идеи коммунизма.

Жизнь — словно родник, она не терпит застоя. Ее беспрерывно питают живительные соки: наша глубокая убежденность в социальном прогрессе современности, наши мечты о будущем. А корни — в нашем героическом прошлом, в бесценном творческом опыте народа, в том духе единения и сплоченности, с которым вместе со старшим поколением советских людей идет младшее — молодежь и комсомольцы, образуя плодотворный союз многолетнего опыта и задатки и неиссякаемого юношеского энтузиазма.

Советская молодежь с ее воистину киплящим жизнелюбием сделала уже не один полновесный взнос в ту борьбу за социальное и политическое обновление планеты, которую начинала 80 лет назад «тесная кучка» большевиков, объединенных на II съезде РСДРП в крепкую и цельную революционную партию.

Точно радугой, что одним концом ушла в далекий 1903 год, а другим упирается в день нынешний, незримо связаны судьбы большевиков, боровшихся за установление Советской власти, и молодого поколения 80-х. Сегодня особен-

но зримо прослеживается преемственность и развитие славных традиций—революционных, трудовых и боевых—накопленных за прошедшие годы. Энергия молодежи, ее пламенность, ее вера в счастливое будущее и неукротимое стремление приблизить его внушают нам, представителям старой гвардии большевиков, великие надежды и ожидания.

Разве инициатива молодых рабочих дело Москва-3, разработавших скоростной график ремонта локомотивов, не перекликается со славным «великим почином» коммунистов дело Москва-Сортировочная в 1919 году?

Неизвестно, кто первым из солдат и офицеров Великой Отечественной произнес слова: «Хочу идти в бой коммунистом!»—но они, эти простые и очень ответственные слова, закономерно вошли в историю нашей партии.

Разве только презрение к смерти и беспредельная ненависть к врагу руководили коммунистами в битве за свободу и независимость нашей Родины? Нет, их звала на подвиги сама Жизнь, они дрались с полчищами захватчиков во имя ее торжества, во имя осуществления великих ленинских идеалов, которые и сегодня воодушевляют весь наш народ.

А не сродни ли незабвенному Павле Корчагину одержимый характер рязанского паренька Ивана Смирнова, который вопреки медицинскому заключению, обрекавшему его на полную неподвижность, преодолел тяжелый недуг и стал известным дояром, кавалером орденов Ленина и Трудового Красного Знамени?

Таков сегодня советский характер нашего молодого современника, закаля-

А о повседневных житейских трудностях, о большом физическом и умственном напряжении, которого часто требует от человека его работа, мы иногда стыдливо умалчиваем. Конечно быть рабочим в белом халате хорошо. Но не способствует ли такая наша однобокая «профорентация» появлению белоручек, ищущих легких путей в жизни? Таких путей в жизни нет. Молодой человек убеждается в этом с первых же самостоятельных шагов.

Вот, например, как судит о сегодняшнем упорстве молодых и стоящих перед ними задачах техник одной из научно-исследовательских лабораторий Людмила Зименкова.

«...Очень обидно слышать, когда говорят: вот комсомолцы двадцатых годов—это да! Мы, конечно, не можем быть точно такими же, как ребята ну, допустим, двадцатых годов. Время другое, и, естественно, люди другие. А когда нас начинают упрекать, многие ребята говорят с сожалением: «Во время гражданской войны все было ясно: вот тебе враг, вот тебе революция, и воюй за нее. В годы пятилеток надо было создавать свою промышленность. И это была своего рода война, в которой тоже было все ясно. Опоздали мы немножко родиться!»

Я с ними не согласна. Ведь строительство коммунизма—величайшее революционное преобразование общества. Значит, революция продолжается, и наши дни—время, когда можно проявить свой характер».

Вот, по-моему, очень точные и верные слова, сочетающие в себе повседневную реальность, труд и борьбу с тонкими волнениями души и романтикой.

Да и сегодня есть место в жизни для

революционной романтики—романтики борьбы, подвига, первооткрытия. В свете этой романтики все: и труд, и учение, и весна, и любовь. Большевики—старая ленинская гвардия—были именно такими романтиками, и потому подавляющее большинство их никогда, в самых трудных испытаниях не падали духом и до самой седины донесли страстность восприятия мира и неиссякаемую активность ума и сердца.

И пусть никогда не забывает наша прекрасная молодежь один из важных заветов, которыми жили да и сейчас живут их старшие товарищи—коммунисты:

Учитесь всю жизнь, как студенты, и трудитесь, как пахарь!

Я вижу сегодня нашу планету, объятую великим стремлением к миру. Здравомыслящее человечество в эти дни бдительно следит за происходящей на Западе опасной эскалацией гонки вооружений, с особенной ясностью представляя себе всю разумность курса разрядки и мирного сосуществования, который отстаивают наши партия и правительство.

Нам нужен прочный мир, чтобы строить новые города, растить детей, устремляться к далеким планетам Вселенной, сочинять музыку, любить.

Такова наумолимая логика Времени! И прогресса, за который борются коммунисты.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 14 (1348) ИЮЛЬ 1983

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Фото Сергея ВЕТРОВА

Наша обложка: юный спортсмен из подросткового клуба Пензы.

1 «ПОДРОСТКИ В ГОРОДЕ». Фотоочерк Игоря МИНУТКО и Сергея ВЕТРОВА.

6 К 80-ЛЕТИЮ II СЪЕЗДА РСДРП. Марк МИТИН, академик. «ЗНАМЯ ВЕКА».

8 СИЛУЭТЫ. Владимир ЦЫБИН. «МАЯКОВСКИЙ».

11 А ЧТО У ВАС? Информационная страница «Смены».

12 ЖИЗНЬ СЕМЬИ. Виктор ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ, кандидат экономических наук. «МУЖ И ЖЕНА».

14 Стихи Эдуардаса МЕЖЕЛАЙТИСА «КЛАВИШИ ГОР».

15 «ИНСТРУМЕНТ ВРЕМЕНИ». Фоторепортаж Валерия ОРЛОВА и Алексея ФЕДОРОВА.

16 Роман Сергея ВЫСОЦКОГО «АНОНИМНЫЙ ЗАКАЗЧИК».

20 ТВОЙ СОБЕСЕДНИК—ЧЕМПИОН. «НАУКА ПОБЕЖДАТЬ».

21 ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА.

22 Рассказ Олега МИХАЙЛОВА «НЕ ОТПУСКАЙ ЕЕ В СТУЖУ».

25 Олег ДЗЮБА. «КАМЧАДАЛЫ ОПЕРЕДИЛИ КОЛУМБА?»

26 Николай ЯКОВЛЕВ. «ПУТЬ ВНИЗ».

28 «ЦВЕТЫ ПОНИМАЮТ, КТО ИХ ЛЮБИТ».

30 КОНКУРСЫ «СМЕНИ».

32 КЛУБ «МУЗЫКА С ТОБОЙ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: Б. Л. ДАНИУШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН (заместитель главного редактора), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Е. М. Ульянова. Технический редактор А. В. Исаева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1983 г.

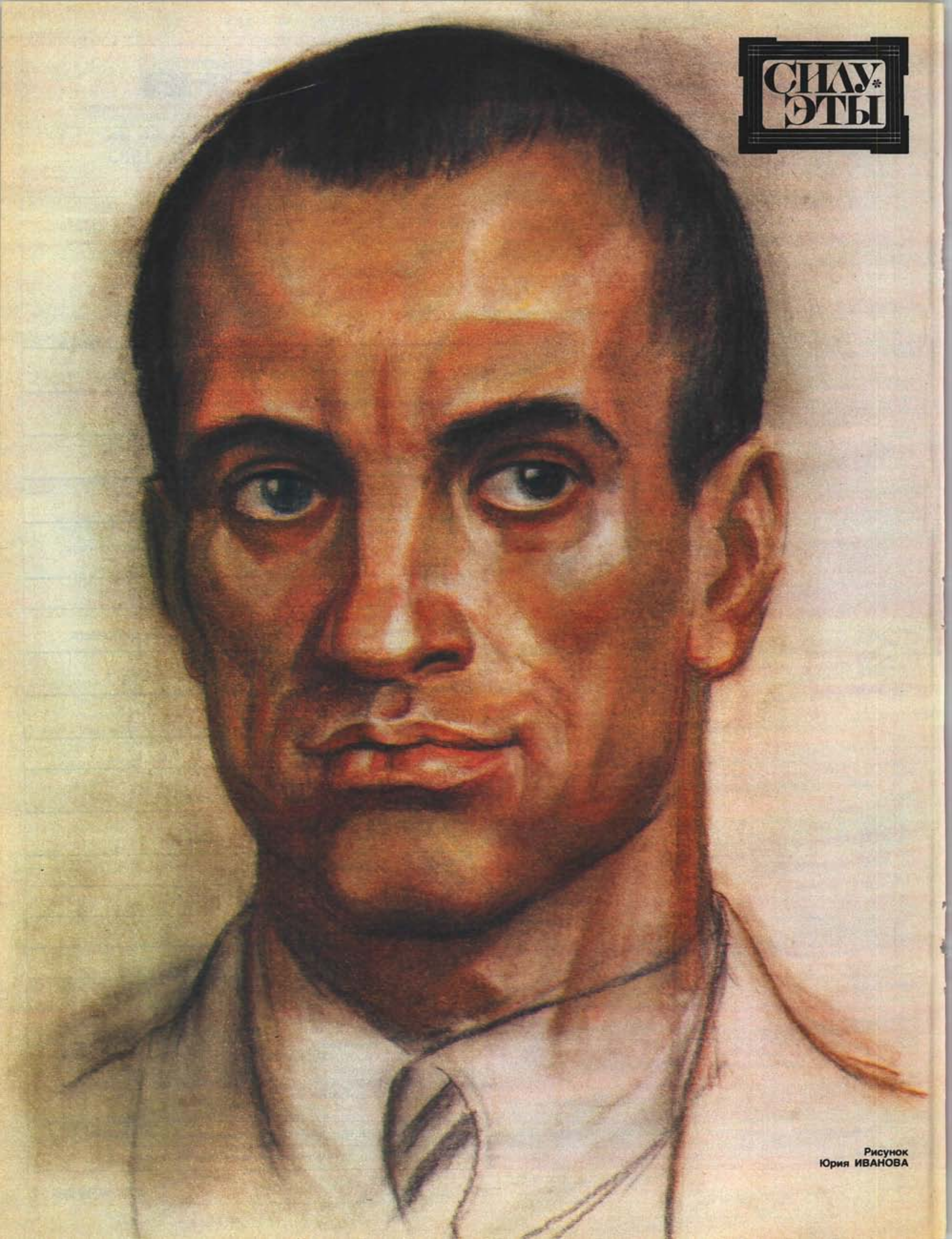

ющийся в борьбе и труде, в мечтах и свершениях, в трудностях и радостях. Образ Времени создавали и молодые строители Братска—покорители нерукотворной природной стихии, и парни и девчата трудной и благородной целинной эпопеи, подарившие стране отвоєванные у десятилетиями заброшенной полупустыни богатейшие земли, равные по площади нескольким европейским государствам. Юрий Гагарин и другие советские космонавты, заставившие удивляться мир, когда первыми проложили человечеству дорогу в космос.

А на какую небывалую высоту подняли авторитет советской молодежи ее самоотверженные представители, что построили КамАЗ и ведут уже к завершающей стыковке последние сотни стальных километров БАМа!

Нет, не уступают молодые в труде ветеранам!

Владимир Ильич Ленин не случайно называл наше государство республикой труда. Отношение к труду—главное мерило достоинства человека, его профессионализма, его способностей, сознательности и патриотизма. И не надо закрывать глаза на то, что настоящий, творческий труд не всегда бывает легким и приятным. Так почему же мы, рассказывая нашим ребятам в школе, в ПТУ об их будущем, говорим чаще только об «умных машинах», которыми им предстоит управлять в белых халатах нажатием кнопки?

МАЯКОВСКИЙ

Владимир ЦЫБИН

Есть в поэзии школы, которые образуют и оставляют после себя крупные, как правило, поэты на одно-два поколения. Мы знаем школы: некрасовскую и ахматовскую, знаем школу Пастернака. Это течение лирической, нескончаемой реальности. С каждым новым временем «школы» обновляются.

Но подлинно великие образуют душу народа, дают ему направление. Так было у Пушкина. Так было и есть у Маяковского.

У костра греются. Возле пожара греться нельзя: либо сгоришь, либо ослепнешь. Бушующий огонь магмы — огонь Маяковского. Тот самый, подземный, о котором герой одной народной легенды сказал: «Страшен огонь на земле, но его можно остановить, но бессмертен тот, что под землей, — им дышит земля».

Вот этим исконным, ископаемым огнем была обожжена вся корневая система стиха Маяковского. У него — не жар, не пламя, а плавка. Все крупно, но не чрезмерно:

*Бросьте города, глупые люди!
Идите голые лить на солнцепеке
Пьяные вина в меха-груди,
Дождь-поцелуи в угли-щеки.*

Просто во всем, даже в начальном Маяковском, иная, гулливерова мера.

Новое время, которое рождалось прежде всего в таких поэтах, как Маяковский, уже в своем детстве, в первых стихах, чувствовало себя повеликаны. Пламя будущего уже обжигало сердце. Землетрясения раньше всего чувствуют птицы и поэты. Будущее уже сильно и громко отдавалось в сердце поэта. У человека, который слышит грядущее, нет прошлого. Маяковский как поэт родился без прошлого. Даже свое, личное, найтвое он не отправлял в память, а бросал навстречу новому.

Так родился в русской поэзии поэт, у которого не было ни пяди прошлого. Все ресурсы личности и души были обращены вперед вместо вчера, немного — сегодня. И все остальное — громадная территория «я» обращена в прорыв, в завтра, которое не как прошлое — никогда не кончается и уже поэтому бессмертно. И, значит, учиться у Маяковского — учиться не столько стиху (он неповторим), а этому чувству предбудущего и будущего.

Какой-то мудрец говорил, что у человека смерть находится всего на шаг впереди сердца. В этот шаг, значит, умещается вся жизнь. Но если шагнуть на два шага вперед сердца? Тогда — нечто другое, иная реальность, иной мир — оттуда приходили стихи к Маяковскому. В этом и есть чудо его поэзии. Подумать только, какие еще небывшие столетия дозвучались до него, укрупнились в нем, принесли в его сердце изобилие, переизбыток чувств:

*Пройду,
любовицу мою волоча.
В какой ночи,
бредовой,
недужной,
какими Голиафами я зачأت —
такой большой
и такой ненужный?*

Эти стихи из раннего, я бы сказал, первоначального Маяковского, который смело почувствовал в себе время — вспять: «Крадусь, приглядыва-

юсь — и опять! Люблю и вспять иду в любви и в жалости».

Он в своих стихах, особенно раннего периода, создавал какое-то другое время, не как отсчет, а как внутреннее состояние, насыщенное тем, чего не было и может и не быть. Вечность наяву. Каждая пауза между пульсом — тысячелетия.

Это чувствование жизни — только «сегодня» и только «завтра» — явление уникальное в мировой поэзии. Уитмен мыслил пространствами. Маяковский — устремленностью. Там — линии космических территорий. Здесь — неозримое, вместимое в душу стиха.

Тело времени. Голиаф борется с тяжестью этого тела, признаваясь: «Гремят на мне наручники, любви тысячелетия».

Много писали и говорили, что Маяковский в революцию и особенно после нее стал каким-то другим, якобы изменил себе, а вот они — я говорю об идущих в затылок — нет. Он ни в чем не изменил своему пророческому дару, объему своего лирического дыхания. Революцию он слышал в самых первых своих стихах, ибо она — кровь будущего. Он не столько приближался к ней, сколько ее приближал, придвигал к себе.

В реальном он многое не любил. Еще бы! И без того маленькие страстишки Гулливеру кажутся вовсе никчемными. У него все — огромно и поэту катастрофично. Даже любовь у Владимира Маяковского насыщена катастрофой. А революция — созидательная катастрофа. Нет, это не боль, не трагедия — жаждать великой любви и остаться, в сущности, навеки без любви. Любить человечество, весь мир и быть обреченным видеть в каждом одного себя. Жить в вечном опережении самого себя — это и есть подлинное величие. Бегущий впереди, всех впереди видит только цель, только победу. В этом смысле чувство одиночества — чувство победителя.

Революция для многих в то время была — стихия, взрыв, разрушения. У Маяковского — созидание, переплав:

*Последние пушки грохочут
в кровавых спорах,
последний штык заводы гранят.
Мы всех заставим рассыпать порох.
Мы детям раздарим мячи гранат.*

Как современно звучат эти стихи, написанные еще в 1917 году. Поэт услышал не только февраль семнадцатого, но и наше время. Такова глобальная акустика мысли Владимира Маяковского. Он уже тогда предчувствовал, что человечество будет так страшно испытываться на войну и мир. От этого прозрения, которое овеществлялось в нем в великую боль, и родились такие поэмы, как «Война и мир», «Человек».

Вся его поэзия — Атлантида наоборот. И сам он, словно выходец оттуда, — атлант. Так и должен жить поэт — ногами утвержденный в твердь, а головой касаясь неба. Земля — подробности, сюжет, слово; небо — воображение. Вот отчет голос у Маяковского, когда он читал стихи, гудел. Ему нужно было там, вверху, в немислимой вышине перекричать и грома и немоту отмирающего времени.

Он навлекал на свою жизнь катастрофу, вызывая ее на себя. Есть перенапряжение цивилизации, есть перенапряжение сердца. Перенапряжение пульса. Иначе откуда это «улица корчится безъязыкая»? Это жизнь на Голгофе какой-то, страшно сосредоточенной в одном направлении души. И так, в нем, может быть, сильнее всех проявился

максимализм русского характера, требующего от жизни всю вечность и правду будущего. И вообще мы как-то мало, а порой очень застенчиво говорим о национальной мощи Владимира Маяковского. Прямой потомок запорожских и терских казаков, по отзывам близких родных, хорошо знавший и любивший народные песни и легенды, он по рождению и воспитанию вобрал и уродил в себе волевое начало и подвижническую силу южнорусского народного творчества.

Он всю свою жизнь прожил на своем переднем рубеже, на своей богатырской заставе, «охраняя» новый день от прошлого. Я лично так понимаю и оцениваю «Клопа» и «Баню». Затхлое прошлое не должно пролезть в «коммунистическое далеко». Его надо теперь, немедленно остановить. Отсюда и раблеанский смех Маяковского, максимализм его иронии, такой редкий в русской поэзии начала этого века. Две драмы о том, что может быть и что не должно все-таки случиться. С богатырской заставы это уже было видно Владимиру Маяковскому. Он понимал, что такое социальные и психологические «гены» тысячелетий, создающих человечество и работающих в нем. А пока — боль настоящего, боль ясновидения:

*Ох, эта ночь!
Отчаянье стягивал
ту же и ту же сам.
От плача моего и хохота
Морда комнаты выкосилась ужасом.*

И эта боль — максимальная, чрезвычайная, в ней нет умеренности и успокоения. В ней среднего он не принимал: только — революция, только — мир, только — жизнь.

Воля у него выступает как проекция всего мира. Человек, по Маяковскому, должен собирать себя в одно могучее единое. И в этом тоже проявилась одна из основных черт русского характера — преклонение перед силой, перед богатством, будь оно на поле брани или в чувствах. Есть мера и в чрезмерности. Мера избытка. Он был поэтом и созидателем своей Атлантиды и ее разрушителем — этим я объясняю смерть поэта. Ни Атланта, ни Ильи Муромца никто убить не может. Над ними властна лишь их собственная сила.

Он озирает тысячелетия, как степь, — признак молодости и сердца, и думы, и крови, — искал в них волю к воплощению и не мог смириться перед их громадностью. Он возвращался к себе из грядущего, как из кругосветного путешествия...

Маяковский был не только человеком с удивительным чувством жизни, но он и сам создавал в себе ту лирическую личность, которая не могла уместиться в поэтическом «я». Нужно было иное, всемирное вместилище этому «я». И оно нашлось. «Я» перелилось в «мы». Единичное стало всеобщим. Произошла своеобразная коллективизация поэтического «я», но растворения не произошло, наоборот, оно еще более усилилось и стало жить и болеть за всех:

*У лет на мосту
на презренье,
на смех,
земной любви искупителем значась,
должен стоять,
стою за всех,
за всех расплачусь,
за всех расплачусь.*

Маяковский создавал эпос своего «я»

как эпос всего своего времени и народа. Обычно эпос поглощает лирическую личность, растворяет ее в событийном потоке. Но у Маяковского «я» приравнивалось к событию, «я» и эпоха во всем уравнились. Вместе с эпохой и лирическая личность становится бессмертной. «Я» и эпоха — взаимно акустичны, там, за лирическим, звуковым барьером — будущий человек, так похожий на самого поэта, который «всей нынче изгой».

Когда сейчас иные артисты читают Маяковского, то стараются басовито кричать. Нет, он никогда ни словом, ни голосом не кричал. Он окликал. Окликнул то, что будет, — пусть оно вздрогнет и оглянется. Окликнул свое время. Своего читателя. Но докричаться было трудно. Нужно было, чтобы эхо заморозилось, как у Распа, и однажды зазвучало. Но поэт не мог и не хотел замораживать эхо, ему нужно было, чтобы звук сохранил тепло дыхания, терпкую дрожь вдоха. Звуку нужны были движение, скорость, чтобы стать словом, стихом и песней.

Я много раз слушал голос Маяковского в грамзаписи, читал и расспрашивал его современников, и у меня сложилось впечатление, что Маяковский не произносил, не декламировал свои стихи, а пел их, пел без распева, пел дыханием. Так, должно быть, пели-произносили былины древние гусли и былинщики... А знаменитая лесенка Маяковского — как своеобразные ноты стиха...

Мир и земля — это тоже одна из тематических раскидистых амплитуд поэзии Владимира Маяковского:

*Чтоб мог
в родне
отныне
стать
отец,
по крайней мере, миром,
землей, по крайней мере, мать.*

И опять отец из будущего — это мир, мать — всегда данное — земля. Значит, в родню должен быть зачислен весь мир и вся земля. Маяковский слышал в себе силу и тягу родовых корней. На них он опирался. Их он чувствовал под ногами, но лоб его — мыслителя и поэта — касался, как я уже говорил, неба.

Особенно страстные и противоречивые отношения были у Маяковского с Пушкиным и, конечно с Сергеем Есениным.

По-моему, отношение Маяковского к Пушкину никогда не менялось. Он не мог его отвергать, потому что Пушкин был в нем, как в каждом русском человеке. Он отвергал не Пушкина, а тех, кто присвоил себе Пушкина — и читатель бывает маленьким...

Пушкин Маяковского — из будущего, поэт, которому предстоит много рождений без смерти...

Что касается Есенина, то опять-таки, и по стихам Маяковского и по отзывам современников, он боялся в себе есенинского, боялся и казнил в себе Есенина. Это и означает «наступать на горло собственной песне».

Маяковский как поэт прошел мимо школ и школ. Многочисленные его последователи и некрепкие ученики не в счет. Есть во многом из их продукции (вспомним хотя бы Третьякова) что-то от провинциального, потому что снижение высоты — это и есть провинциализм.

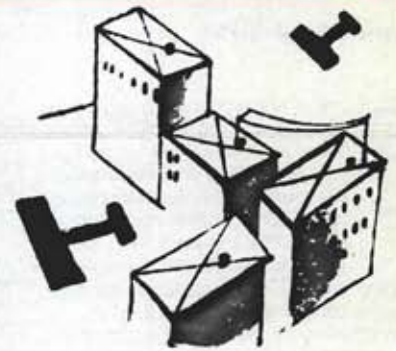
У Маяковского учатся не поэты, у Маяковского учатся и слову и духу сама эпоха.

МАЯКОВСКИЙ
«Смена», 1925 г.

КРАСНАЯ ЗАВИСТЬ

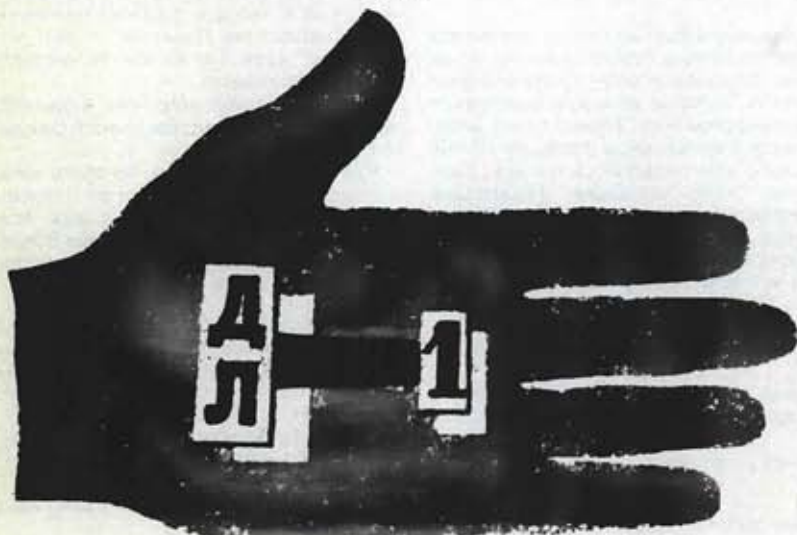
В. МАЯКОВСКИЙ, иллюстрации ДЕНИСОВСКОГО

Я еще не лыс и не шамкаю,
все же дядя рослый с виду я.
В первый раз за жизнь малышам,—как я,
барабашшим, позавидую.
Наша жизнь— в грядущее рваться,
оббивать его vorog.
Вы-ж грядущее это в двадцать
расшигаете громом ног.
Нам сегодня карежит уши
громыхавши теплушечных ржа.
Вас, забывших в ния теплушек,
разлетит на рабфак дирижабль.
Мы, пергаменты текстами саля,
подписываем договора,—
вам забыть в границы Версаля
на борту самолета-ковра.
Нам— трамвай. Попробуйте. Влезьте.
Полья. Как в арифметике — цифр.

Вы-ж в работу будете ездить.
самолет вывода под удлим
Мы сегодня двугривенный потный
отчисляем от крох, от жалований—
чтобы флот взлетел заработанный,
вам за юность одну пожалованный.
Мы живем, как радио-зайцы,
телефонные трубки крадя,
чтобы музыкам в вас врезаться,
от Урала до Крыма грядя.
Мы живем только тем, что тоши.
Чуть полней бы и в комнате— душно.
Небо будет ваша жлплощадь—
не зажмет на шври воздушной.
Мы от сознша от снега зависим.
Из-за дождика с богом— судится--

вы-ж дождем раскропите выси
как только заблагорассудится!
Динамиты, бомбы, газы,—
самолетов наших фарш.
Вам смертями не сыпать на-земь.
Разлетайтесь под звонкий марш.
К нам известье идет с почтовым
проплывает радость— год.
Это глупое время— на что вам.—
Телеграммой проносится год.
Мы в камнях проживаем весны,
нет билета и денег нет.—
Вам не будет пространств поверстных.
Сам себе проездной билет.
Превратится не скоро в ягоду
словоцветы О. Д. В. Ф
Те, кому по три и по два годка—
вспомни нас, эти ягодам с'ев.

АЧТОУВАС?

НОТЫ—
ДЕТСКИЕ ЗАБОТЫ

Полиглот
из Тарту

Нить Елены

География...
по букварям

У НАШИХ ПОДШЕФНЫХ

МУЗЕЙ Оруджева

Оказывается, среди всех многочисленных наград, которых был в свое время удостоен один из пионеров тюменской нефти и газа, Сабит Атаевич Оруджев, впоследствии министр газовой промышленности СССР, была медаль «За отвагу на пожаре». Ведь он тридцать раз принимал участие в укрощении взбунтовавшихся нефтяных фонтанов!

На снимке: у истоков газовой реки.

Этот и другие факты из биографии С. А. Оруджева установили юные историки из второй новоруренгойской средней школы. Именно здесь комсомольцы решили организовать и открыть первый в городе музей человека, который столько сил и энергии отдал освоению тюменского Севера. Ребята побывали в Москве, где в Министерстве газовой промышленности СССР встретились с людьми, близко знавшими Сабита Атаевича.

Комсомольская организация министерства взяла шефство над будущим музеем, обязалась всячески помогать его инициаторам. Ребята побывали и на квартире С. А. Оруджева, встретились с его близкими, получили для музея ценные фотодокументы, дипломы, книги. Музею передана также подробнейшая биография ученого, копии его трудов.

Виктор МЕЛЬНИКОВ.
Фото Петра НОВИКОВА

Когда доцента Тартуского университета Пента Нурмекунда спрашивают, на скольких языках он может говорить, ученый обычно пожимает плечами: «Не знаю, не считал...» Однако, уступая настойчивым просьбам гостей, останавливается, как правило, когда они называют цифру между пятьюдесятью и сотней.

Родился будущий полиглот в глухой эстонской деревушке Пярнумаа. В деревне жил солдат, участник русско-

УВЛЕЧЕНИЯ

Его богатство

японской войны, знавший десяток слов по-китайски. Маленький Пент с видимой легкостью выучил не только китайский в предложенном объеме, но и русский. Через несколько лет он поступил на романо-германское отделение Тартуского университета. Здесь он выучил некоторые индоевропейские языки, а попутно, отдыхая как-то летом

среди ливов (угро-финская народность), еще и ливский и латышский языки.

С 1953 года Пент Нурмекунд заведует кабинетом ориенталистики Тартуского университета, где, помимо всего прочего, факультативно преподает студентам древнеиндийский, японский, тюркский, суахили, хауса, африкаанс, арабский классический, древне-

грузинский, итальянский, румынский...

Недавно этот ученый — крупнейший специалист в области востоковедения — полгода провел во Фрунзе, изучая дунганский язык. А самое последнее его увлечение — креольский язык в том варианте, на котором говорят жители острова Гаити.

Многие ученики старого лингвиста, теперь уже сами учителя, преподают в разных местах нашей страны.

Георгий МАКАРОВ

...МАСТЕРА!

СУДЬБЫ ПРОСТОЕ ПОЛОТНО

Тканые работы кишиневской старшеклассницы Елены Гангурян с удовольствием покупали гости Московской Олимпиады. Студия народного творчества городского Дворца профсоюзов не раз посылая ее работы на выставки.

Так что вопрос «Кем быть?» Елена Гангурян решила давно и твердо: «Ткачихой. Как мама». В семье Гангурян, кстати, ткать умеют все шестеро детей — пятеро девочек и сын. Мама, Мария Николаевна, готовит эскизы. Папа, Тимофей Иванович, мастерит станки. Получается это у них красиво и прочно, так как и мама и папа — признанные в округе мастера по узорному тонкому ткачеству.

С занятий в школьном кружке «Мика господинэ» («Маленькая хозяйка») начинали свой ткацкий путь все их дети. Однако, по мнению специалистов, работы Лены могут стать образцом для подражания многим взрослым мастерам. Поэтому в день совершеннолетия Мария Николаевна передала юной художнице вышитое полотенце, которому более ста лет. Его выткали предки семьи Гангурян и передавали по наследству лучшей в роду мастерице.

Михаил ПАЛАРИЯ

В семье старого колхозника Кузембая Елеманова семеро детей. Среди старших членов семьи есть чабан, учитель, железнодорожник, культурработник. Но стоит узнать Елемановым о начале очередного смотра художественной самоде-

ВРЕМЯ ПОСЛЕ РАБОТЫ

Музыка — Абая

тельности, как они собираются вместе. Семейный фольклорный ансамбль — непременный участник всех колхозных праздников в поселке

Байнеу Мангышлакской области.

На последнем из праздников ансамбль выступил с премьерой. Слова и музыку песни «В краю родном» написал шестилетний Абай.

Александр МИХАЙЛОВ

ТРАДИЦИИ

Пароходу и человеку

Новому теплоходу, построенному молодежным коллективом Находкинского судоремонтного завода, присвоено имя «Григорий Подшивайлов». Г. Т. Подшивайлов — известный сахалинский нефтяник. Он участвовал в гражданской войне, громил бас-

мачей в Средней Азии. В 1932 году Григорий Трофимович переехал на Сахалин, работал буровым рабочим. А через шестнадцать лет ему, первому из нефтяников Сахалина, было присвоено звание Героя Социалистического Труда. В эти дни новый теплоход уже доставляет в море, к вышкам вахты молодых нефтяников — учеников старого мастера.

Николай ФИЛИПЕЦКИЙ

НОВОСТРОЙКИ

РАБОЧЕЕ МЕСТО — ВЫСОТА

Комсомольцы Виталий Побережский и Юрий Касаров работают на Всесоюзной ударной комсомольской стройке — Рогунской ГЭС. На высоте птичьего полета скалолазы-монтажники «чистят» склоны гор, нависшие над разворачивающимся внизу строительством, предотвращают осыпи и обвалы. Причем Виталия и Юрия смело можно назвать потомственными гидростроителями. Оба они родились в Нуреке, кото-

рый в свое время строили их родители.

Фото Александра ЗЕМЛЯНИЧЕНКО

КОЛЛЕКЦИИ

От «А» до «Я»

Коллекция букварей бывшей учительницы русского языка и литературы из города Красный Луч Ворошиловградской области Марии Михайловны Козьминой числилась одним из самых дорогих экспонатов. Свой букварь отдала бабушке внучка Анюта.

А самый древний экспонат собрания — русский букварь Ивана Федорова, изданный в 1574 году во Львове и переизданный недавно в факсимильном исполнении. Всего же дома у Марии Михайловны стоят на полках около полусотни букварей разных времен, стран и народов. В этой своеобразной энциклопедии познания мира первоклассниками — книги из всех союзных республик, в том числе буквари народов, не имевших до Октября своей письменности, буквари из стран Азии, Африки, многих социалистических стран Европы.

Иван КОВАЛЕВ

Фото Владимира ЛЮБУШКО

Стране нужно больше детей. Но дело, понятно, не только в этом. Удачная любовно-брачно-семейная жизнь — главная составная счастливой жизни вообще.

К сожалению, как показывают новейшие демографические исследования, в стране примерно с 1970 года не обеспечивается простое воспроизводство населения. Это означает, что рождающихся детей не хватает для простого количественного замещения родительского поколения. Когда нынешние дети сами станут взрослыми людьми, их окажется меньше, чем родителей сейчас. Длительное сохранение такого положения неизбежно приведет к уменьшению населения страны. Кроме того, это население будет старым, то есть в его составе будет весьма большая доля тех, кому за 60, и соответственно мала доля детей и молодежи. Ясно, что такая демографическая ситуация неизбежно оказывает неблагоприятное воздействие на экономическое и социальное развитие страны. Необходимо возвращение к умеренно-расширенному воспроизводству населения, то есть такому положению, когда детей несколько больше, чем людей родительского поколения. Остается надеяться, что благоприятная тенденция 1982 года найдет продолжение и в будущем и что неблагоприятные тенденции последнего двадцатилетия будут успешно преодолены.

Уже много писалось и говорилось о том, что стране нужна трехдетная в среднем семья. Фактически же все более широкое распространение получает семья однодетная.

Стране нужна крепкая, полноценная семья, в которой воспитанием детей занимаются оба родителя. Однако резко возросло число разводов (до одной трети от числа браков в том же году) и число неполных семей, а следовательно, и «безотцовщина».

Стране нужна семья счастливая, с гармоничными отношениями между супругами, между родителями и детьми.

То же самое, естественно, нужно и отдельным людям и семьям, так что здесь — широкое и гармоничное сочетание общественных, групповых и личных интересов.

Эпицентр демографических проблем — семья, точнее, молодая, начинающая семья. Именно от того, как складывается эта семья и отношения в ней, в решающей степени зависит все остальное.

В нашем журнале уже были статьи о семье. Напомним, что в них рассматривался широкий круг проблем начинающей семьи: жилищные, взаимоотношения со «стариками», распределение домашних обязанностей и т. д. Сейчас же мы хотим поговорить о личностях молодых супругов, об их совместимости, о круге интересов, о культурной однородности и т. д. Кто же

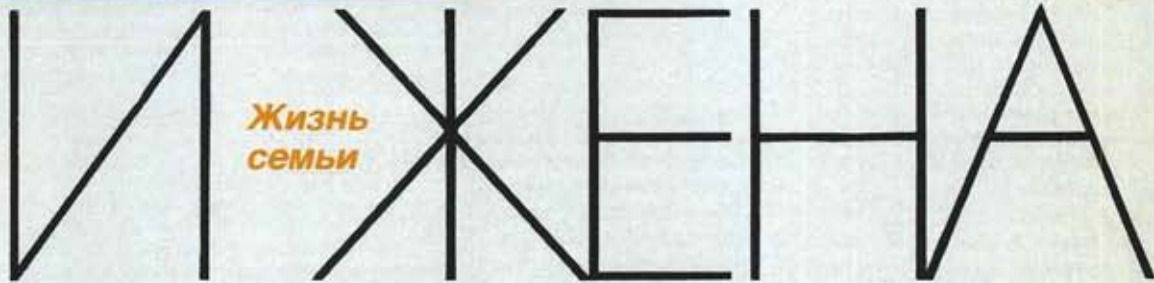
Год назад в нашем журнале (№ 13) была опубликована статья В. Переведенцева «Жених и невеста», в которой на материалах анкетного обследования анализировались взаимоотношения молодых людей, вступающих в брак. Тогда основное внимание обращалось на объективные условия существования молодой семьи (жилье, доходы и т. д.).

В публикуемой в этом номере статье того же автора «Муж и жена» рассматриваются психологические проблемы, с которыми сталкиваются молодые супруги, вопросы личностной совместимости.

Виктор ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ,
кандидат экономических наук

Отметим прежде всего, что в 1982 году демографическая ситуация в стране несколько улучшилась. Так, число рождений на 1000 жителей составило 19 против 18,5 в 1981 году.

Главное здесь, конечно, в том, что в возрасте наивысшей способности рожать (22—25 лет) теперь находится самое многочисленное в нашем населении поколение, появившееся на свет в конце пятидесятых годов. Сказались и меры для повышения рождаемости, принятые XXVI съездом партии и осуществляемые в этой пятилетке. Напомним некоторые из этих мер: установление частично оплачиваемого отпуска для матерей до достижения ребенком возраста одного года и неоплачиваемого — до полутора

лет; введение единовременных пособий при рождении, начиная с первого ребенка; увеличение вчетверо пособий на детей для матерей-одиночек; дополнительные трехдневные оплачиваемые отпуска матерям, имеющим двух и более детей до двенадцати лет, и т. д. Кроме того, усиленно развивается помощь семьям с детьми традиционными для нашего общества средствами: расширяется сеть детских дошкольных учреждений, увеличивается число школ и групп «продленного» и «полного» дня и т. д. Объективные условия жизни молодой семьи улучшаются, что создает благоприятные предпосылки для демографического развития страны, для преодоления той неудовлетворительной демографической ситуации, о которой шла речь на XXV и XXVI съездах партии.

Однако, кроме объективных условий, очень многое в жизни молодой семьи зависит от личностных качеств самих супругов, от их психологической совместимости.

не знает, что именно это играет громадную роль в жизни семьи, в самочувствии ее членов, в ее стабильности, в «личном счастье», к которому все стремятся, но которого далеко не все достигают. Возьму на себя смелость сказать, что проблема совместимости личностей в браке не менее важна, чем совместимость у космонавтов, — тут ведь надо суметь ужиться не на несколько дней или месяцев, а на десятилетия, на всю дальнейшую жизнь.

Есть одно общее и очень широкое правило: чем ближе личностные качества супругов, тем удачнее, прочнее, гармоничнее брак. Разумеется, при «прочих равных условиях». И наоборот.

Приведу выдержку из длинного горького письма молодой женщины, семья которой распалась.

«Год назад я вышла замуж. Была свадьба — шумная, веселая и праздничная. Но прошел праздник, и наступили серые будни. Своего мужа я знала достаточно много времени и, казалось, изучила его доско-

нально... Но вот прошел год нашей совместной жизни. Что он мне принес? Ничего, кроме разочарования. Муж мой по натуре своей человек добрый, мягкий, душевный. Он не пил, помогал мне по хозяйству, предупреждал каждое мое желание. Но семьи не получилось. Почему? Я очень часто задаю себе этот вопрос в последнее время и не могу найти ответа. Эти, казалось бы, прекрасные черты характера постепенно стали меняться, мельчать и обретать другую окраску. Его мягкость превратилась в вялость, скользкость, однообразность. Он заки... Его ничто и никто не интересует. Он живет, как механический робот, совершенно ничего не думающий робот. Попыталась увлечь книгами — не хватает терпения, новой работой — не хватает усидчивости. Наставила на его дальнейшей учебе — безрезультатно. И все это привело к тому, что наша жизнь стала скучной, однообразной, мы потеряли друг в друге интерес. Он уже давно забыл все те хорошие, добрые и ласковые слова, которые говорил мне до свадьбы. Он видит во мне жену — она должна стирать, убирать, варить и боже упаси думать о чем-нибудь «лишнем и постороннем». Он очень хозяйственный, деловой. То, что происходит вне дома, — его это не касается. Первое время его еще как-то чем-то можно было расшевелить. Сейчас я его не трогаю. Он стал очень нервным, раздражительным. Его жизнь — это работа и хозяйство, хозяйство и работа.

Прошел год, а кажется — целая жизнь. После всего этого на сердце остались боль, тяжесть и обида. Обида на человека, которому верила, но который обманул. Да, не скрою, тяжело было терять его. Мама говорит: «Что тебе еще надо! Дом, муж хозяйственный, «не закладывает» и т. д. и т. п. Все так. Но то немногое, чего не хватало нам и на что мы вначале не обращали внимания, выросло, превратилось в большую зло и привело к разрыву. И, несмотря на все видимое благополучие, семьи не получилось. Я хочу жить, дышать свежим воздухом, смеяться, бегать, танцевать. Я хочу жить полно и ярко!»

Разумеется, это «показания» лишь одной стороны. Выслушать другую сторону, у которой есть, вероятно, «своя правда», мы не можем. Несомненно, однако, что в данном случае в брак вступили люди явно несовместимые. Однако несовместимость эта стала явной не сразу. Известный специалист по проблемам любви, брака и семьи Юрий Рюриков справедливо говорит в своих работах «о двойной оптике любви»: достоинства любимого человека в громадной степени преувеличиваются, а недостатки преуменьшаются и притупляются. Разглядеть даже близкое семейное будущее и поведение в нем своего партнера чрезвычайно трудно, если вообще возможно.

Итак, молодая женщина, как видим, предъявляет своему мужу сравнительно высокие требования, которые тот не отвечает.

Если бы такой случай был единственным в своем роде, то об этом на страницах журнала не стоило бы и говорить. Дело, однако, в том, что мотив недовольства личными качествами мужа очень часто — и все чаще! — повторяется во множестве писем о семейной жизни, которые приходят в редакцию. При этом уровень претензий становится выше: от требований типа «не пей», «не изменяй» и т. п. (которых, конечно, больше) происходит заметный сдвиг в сторону требований душевной широты, высоких интересов и стремлений. Если обобщить пожелания, оценки, требования женщин, то можно сказать, что значительную их часть не удовлетворяют душевные и духовные качества их мужей, что, говоря попросту, «с мужем неинтересно». Несомненно, что это обстоятельство все чаще становится основным или, во всяком случае, достаточно весомым мотивом расторжения брака.

Известно, что подавляющее большинство заявлений о разводе поступает от женщин, хотя они ценят семейную жизнь больше мужчин и возможностью вступления в повторный брак у них существенно меньше, чем у мужчин. Несоответствие значительной части мужей требованиям женщин к уровню духовной жизни, к душевному облику мужчин все более существенно влияет на процесс распада молодых семей. Вот почему сугубо личные вопросы, затронутые в цитированном выше письме, приобретают существенный общественный интерес. Говоря обобщенно, речь идет о проблеме значительного культурного отставания молодых мужчин от своих спутниц жизни. И о необходимости преодоления этого отставания.

Кое-что можно заметить, как говорится, невооруженным глазом. Если вам, читатель, приходится бывать в концертных и театральных залах, то вы, конечно, знаете, что в них решительно преобладают женщины. Кстати, те самые женщины, которые сильно перегружены на производстве и дома, у которых свободного времени куда меньше, чем у мужчин. Дело тут, очевидно, в большей эмоциональности женщин, в особенностях женской психики.

Прочитав множество писем, подобных тому, что процитировано выше, я стал обращать внимание на читающих пассажиров московского метро. Если ехать не в час пик, когда подавляющему большинству пассажиров не до чтения, то обычно читателей в

вагонах немало. Легко видеть, что женщины читают преимущественно книги и толстые журналы, а мужчины — газеты, причем обычно — последнюю страницу, то есть спортивные новости. Надо ли разъяснять, что это не только разнонаправленные, но и весьма различные по уровню интересы!

Перейдем от поверхностных личных наблюдений к статистике. Так как статистики духовной культуры, разумеется, не существует, обратимся к некоторым ее заменителям. Существует тесная связь между уровнем духовной культуры и уровнем образования. Сразу же признаем, что в отдельных конкретных случаях бывают высококультурные люди с невысоким формальным образованием и, наоборот, некультурные — с высшим образованием.

Так вот, уже к 1970 году молодые женщины, которые в прошлом всегда сильно уступали своим сверстникам в уровне образования, очень сильно обошли последних. В возрасте от 20 до 30 лет образовательные преимущества женщин были столь велики, что мужчины этого возраста уже не могли догнать своих сверстниц. Теперь значительные преимущества женщины в формальном уровне образования распространились на людей примерно до 40 лет.

Формальные данные, конечно, не точно отражают фактическое положение дел в этой области. Хорошо известно, что девочки в среднем учатся лучше мальчиков. Поэтому в старших классах средней школы девочки численно преобладают, ибо школы стараются направить в ПТУ менее успевающих учеников. И хотя сейчас практически все молодые люди получают среднее образование, те и другие стартуют в дальнейшую жизнь с различным багажом знаний.

Отметим далее, что девочки более склонны к гуманитарным знаниям, в то время как мальчики — к техническим.

Заметим, наконец, что из каждых десяти специалистов народного хозяйства (то есть работников с дипломами высших и средних специальных учебных заведений) шестеро женщины и только четверо — мужчины; и это, кстати, при том, что мужчины работают до пенсии в среднем примерно на пять лет больше женщин. Меняется и состав студентов вузов и техникумов — доля женщин все повышается, значит, преобладание женщин среди специалистов будет возрастать.

Все это приводит к тому, что молодые женщины в среднем существенно образованнее своих мужей. У нас много семей, где у жены — высшее образование, а у мужа — среднее специальное или среднее общее; у жены — среднее, у мужа — неполное среднее. Обратное соотношение — когда муж образованнее жены — встречается куда реже. Статистика свидетельствует, что Советский Союз — единственная в мире страна, где молодые женщины образованнее своих сверстников, где стремление к повышению образования у женщин больше, чем у мужчин, где женщины преобладают среди специалистов, где жены образованнее мужей.

В 1978 году научные работники СССР, ГДР, Польши, Чехословакии, Венгрии и Болгарии провели большое обследование молодых рабочих и служащих — в возрасте до 30 лет — по единой программе, методике и анкете. Оно показало, что только в СССР молодые работающие женщины образованнее своих работающих сверстников, только у нас работающие женщины более ориентированы на дальнейшее образование, нежели мужчины. Так, согласно обследованию, у нас хотели бы продолжить образование 63 процента работающих мужчин и 69 процентов женщин, в то время как в Венгрии, где анализ выявил наиболее низкие показатели, из каждой сотни мужчин дальше хотели бы учиться 50, а из сотни женщин — 44 процента опрошенных.

Данное явление — одно из естественных социальных достижений нашего общества. Однако культурные преимущества женщин (или, другими словами, культурное отставание мужчин) создает одновременно дополнительные внутрисемейные трудности, дополнительные межличностные напряжения. Традиционное стремление мужчины к главенству в семье часто уже не подкрепляется ни образовательными, ни должностными, ни экономическими его преимуществами, как это было раньше. Часть мужей на утерянное лидерство реагирует болезненно, стремится сохранить традиционное главенство мужчины в семье «силовыми» методами, с чем современная образованная, квалифицированная, материально и духовно независимая, самостоятельная женщина мириться не может.

Мне уже не раз приходилось писать о том, что современные молодые городские жены стремятся к полному фактическому равенству в семье. Вот передо мной письмо молодой москвички, посвященное именно этому вопросу. Она, в частности, пишет:

«Женщина не равна в браке. В силу старых представлений она одна несет тяжкое бремя семейных забот. А в силу новых жизненных условий работает на производстве, причем нередко интенсивнее, чем мужчина. Женщина или смиряется, затаив надежду на перевоспитание мужа, или разводится. Но есть еще выход — создание таких представлений в сознании

мужчин, когда в семье вся домашняя работа делится поровну.

Стиль взаимоотношений между супругами лучше всего такой, когда работа по дому не делится на «мужскую» (это когда нужно в стену вбить гвоздь) и «женскую» (а это все остальное)».

В семьях более образованных и квалифицированных супругов домашние дела распределяются более равномерно, чем у менее образованных, однако в целом пока тоже далеко не поровну. Несомненно, что рост образования и культуры — особенно у мужей — важный путь к равенству супругов в семье.

Вернемся, однако, к собственно культуре, которая все же не сводится только к образованию. Вот пример, связанный с различием представлений о жизни «городской» и «сельской» личности.

Если горожанин женится на сельской девушке, то разногласий по поводу распределения домашних дел между ними не будет, по крайней мере до тех пор, пока бывшая сельская девушка не адаптируется в городе и не воспримет городские понятия и образцы поведения. Если же, наоборот, горожанка выйдет замуж за сельского человека, то конфликты по этому поводу начнутся немедленно.

Это, понятно, лишь один и наиболее простой аспект.

Вероятно, лучший для брака и семейной жизни вариант, когда личности во многом подобны и в какой-то мере друг друга дополняют. Если основные жизненные понятия, вкусы, привычки, стереотипы поведения одинаковы или близки, если на определенные события данные люди реагируют одинаково, если нравятся одни и те же писатели, одна и та же музыка, одни и те же формы проведения досуга, если к тому же определенные крайности поведения одной личности смягчаются или нейтрализуются поступками другой, то скорее всего (разумеется, при прочих равных условиях) брак будет успешен, семейная жизнь удастся.

Приведу выдержки еще из одного письма — счастливой молодой жены.

«Мне 21 год. Вышла замуж два года назад, когда была студенткой третьего курса отделения психологии Саратовского университета. Муж мой в то время оканчивал Новосибирское высшее военно-политическое общевойсковое училище.

Мы счастливы. В чем секрет нашего счастья? Попробую проанализировать.

Во-первых, мы очень подходим друг другу. И семьи наших родителей очень похожи. В школе я и он учились хорошо, были активистами — отсюда много общих черт в нашем воспитании.

Во-вторых, близость интересов. С детских лет любовь к театру, книгам, стихам. Почти одни и те же любимые писатели, поэты, художники.

В-третьих, противоположность темпераментов. Я — холерик, он — флегматик почти в том же виде, то есть мы дополняем друг друга. Я быстро вспыхиваю, бываю, из-за мелочи, муж своим спокойствием и рассудительностью останавливает меня.

В-четвертых, на пороге женитьбы у нас обоих было стремление создать семью на полном взаимопонимании, без недомолвок и обид.

У нас нет проблемы, кому что делать по хозяйству...

Выходя замуж, надо быть готовым не только к радостям и праздникам, но и к прозе жизни: к грязным тарелкам, к стирке белья в двойном-тройном количестве. Нужно быть готовым к постоянному самовоспитанию, к пониманию любимого человека, к уступкам, прощению недостатков и ошибок. Семейную жизнь нельзя пускать самотеком, нужно ее строить самим...

О чем мы мечтаем? Муж собирается в академию, а я все-таки обязательно окончу факультет психологии. Хочу работать с людьми, помогать им познать самих себя, научить понимать окружающих».

В этом письме, по существу, профессиональный психологический анализ условий счастливой семейной жизни. Наверное, у подавляющего большинства счастливых семей есть те же или примерно те же условия. Над вопросами, поднятыми автором, было бы, вероятно, полезно задуматься всем, кто только собирается вступать в брак: «А есть ли эти условия у меня, у нас?»

Хочется особое внимание обратить на слова из письма: «Нужно быть готовым к постоянному самовоспитанию». Очень важные и правильные по своей сути слова. Мы действительно больше любим воспитывать других, мечтаем, чтобы Он или Она стали другими, наивно твердим страшноватые, если вдуматься в их смысл, слова: «Стать таким, как я хочу!»

Как настоящее образование — это самообразование (учиться — это, по прямому и точному смыслу, учить себя), так и настоящее воспитание — это постоянное самовоспитание. А одно из качеств воспитанного человека — это уважение к другой личности, к такой, какова она есть, отсутствие желания непременно переделать ее.

Неумение молодых супругов ладить между собой, стремление постоянно одерживать верх, не уступать — одна из самых тяжелых сторон жизни многих семей. Несколько лет назад в Москве было проведено специальное обследование молодых семей, цель

КЛАВИШИ ГОР

Барельеф Мадара

Сивый конь,
храбрый всадник маячат,
Как раскаты пальбы, они скачут.

Конь, что сказочной полон отваги,
Быстр и ярок, как молний зигзаги.

Конь, на взмах острой сабли похожий,
Отзовется в душе моей дрожью.

В наши дни конь со всадником эти
Из девятого мчатся столетья.

Защитить виноградные горы
И стада от огня и разора.

Это небо, что камни венчает,
Они тысячу лет защищают.

Конь бы вырвался из барельефа,
Чтоб направо взглянуть и налево,

Чтоб по нивам, садам, огородам
Погулять, как Пегас с Гесиодом.

Но врагов отражать им удары
Суждено в барельефе Мадара.

Конь и всадник на камне маячат,
И с войны на войну они скачут.

Аккорды натюрморта

1
Когда и персик со стола
Сам в руки лезет, и взросла
Гвоздика, и, красна, светла,
В бокале хрупком поплыла,—
Когда, текуча, как смола,
Трепещет зноя полумгла,
Дымится от жары скала,
И ты промолвишь: «Ну, дела!»

Вся сила лета в раж вошла
И закусила удила,
Рука, проворна и смела,
Так все плоды бы и сняла!

2
Гроздь свесил виноград янтарный,
Солнцу и заботам благодарный.
В кувшине играет злая влага,
Летний шут, яви свою отвагу!

Гроздь потрескивает мощью спелой,
Взял—и сердце,
как огнем, вскипело.
Но пожар души гашу я смело
Влагой, что танцует тарантеллу.

Сердце бьется, всей дышу я грудью.
Винограда гроздь—труда орудье.
Гроздь со стола рука хватала,
Как у Дионисья с пьедестала.

3
Грызет минут зубами время
Всю грушу—мякоть, стебель, семя.
А яблоки под ритм минут
Пока что зелено поют.

Но винограда сок веселый
Струны скрипичной грянет соло,
И зазвенит в голубизне
Вивальди опусом во мне.

И яблоко в зеленой коже
Напев свой замурычет тоже,
И груша мягко подпоет,
Кругла, как очертанья нот.

От Витоши и до Пирина
Здесь было свинцово и винно.

Гнал пули прицел пулеметный,
Как гроздь, и густо и плотно.

Хватало и лоз виноградных,
Хватало и пуль беспощадных.

От Витоши и до Пирина
Все было свинцово и винно.

И кровь здесь рекою обильной
Текла, как вино из давилни.

Алела от ягод свинцовых.

1
Кому отчизна—камня горы,
В том сердце—нежность золотая.
Суровый камень стал опорой
Для добрых птиц, сведенных в стаи.

Плоды, что возвращены на скалах,
Как бархат, мягкостью известны.
Я и срывал их и вкушал их
Под сенью гор в тени древесной.

Здесь, где, как мышцы,
камень твердый,
А виноград—как сладость рая,
Где Крум-король извлек аккорды
Из клавиш гор,—и я играю.
Здесь звуки в воздухе—

как крылья,
А ствол лозы—
как ключ скрипичный,
Здесь гроздь нот
над камнем плыли,
Плодов и звуков изобилье!
И мне игралось тут отлично!

Как сок виноградин пунцовых.

От Витоши и до Пирина
Маршрут пролегает орлиный.

Мечты свои сделал крылами,
И люди тут смотрят орлами.

Здесь ягод патроны, в которых
Вино, словно взрывчатый порох.

Ударит он в голову, знаю,—
Но боль не страшна головная:

От Витоши и до Пирина
Снега—порошком аспирина...

Мелодические пейзажи

2
О камни древние Балкан,—
Здесь небо держит великан.

О камни древние Балкан—
Отвесный облачный экран.

О камни древние Балкан,—
Как письма античных стран.

О камни древние Балкан,—
Как янычарский ятаган.

О камни древние Балкан—
Зеленый виноградный стан.

О камни древние Балкан,—
Дар лирики вам небом дан!

3
Вино ль мне сердце одолело
Иль бурей грянул небосвод,—
Но помню я, как закипело
Вдруг море Черное. Из вод
Возникли мраморные боги,
На берег шли, упившись вдрызг,

Но спотыкались на пороге
И расшибались вихрем брызг.

Пустились боги врассыпную
И закачались на волнах,
Как чайки, явно знаменуя,
Что пьянство даже и в богах
Рождает слабость. Я не спорю:
Куда тягаться с ними мне!
Из берегов выходит море,
Как сердце, взмокшее в вине.

Всю в пене поднимаю чашу
Я моря Черного—и пью
За душу солнечную вашу,
Что в солнечном взросла краю,
Чтоб Черноморье не чернело,
Чтоб мир справлял в нем торжество,
Чтоб в нем плясали вольно, смело
Все боги белые его!

Перевел с литовского
Лазарь ШЕРЕШЕВСКИЙ.

которого—выяснить характер отношений между супругами. Оказалось, что у большинства супругов возникают столкновения по разным вопросам. При этом три четверти как мужей, так и жен, по их собственному признанию, не уступают другому, ведут себя по принципу «нашла коса на камень». Разумеется, ничего хорошего от такого стиля взаимоотношений ожидать не приходится. С психологической малограмотностью супругов надо бороться, и помощь профессиональных психологов в «познании самих себя» и «понимании окружающих» тут может быть как нельзя кстати.

Демографическая ситуация восьмидесятых годов своеобразна и в том отношении, что впервые за многие десятилетия среди людей тех возрастов, когда большинство вступают в первый брак, образовался существенный избыток женихов, или, другими словами, недостаток невест.

До недавнего времени положение было прямо противоположным. Дело в том, что до 1960 года число ежегодных рождений постоянно увеличивалось (начиная с 1943 года, когда оно было наименьшим). А средний возраст мужа был примерно на три года выше, чем жены. Поэтому на «брачном рынке» женихам 1951 года рождения противостояли невесты, родившиеся в 1954 году, женихам 1954-го—невесты 1957 года рождения и т. д. С учетом этого трехлетнего срока всегда был некоторый женский перевес. Значит, и выйти замуж было куда труднее, чем жениться. А это, несомненно, понижало запросы женщин к «уровню» возможных партнеров, снижало разборчивость невест. И оказывало противоположное влияние на женихов.

Теперь положение меняется коренным образом. С

1961 года по 1969-й—резкое уменьшение числа рождений. Если в трехлетие 1958—1960 годов ежегодно появлялось на свет по 5,3 миллиона детей, то в 1967—1969-м—всего по 4,1 миллиона. На каждую сотню мужчин рождения 1960 года приходится 87 женщин рождения 1963 года, на 100 юношей 1963-го—85 девушек 1966 года и т. д. Заметим, что средний возраст вступающего в первый брак мужчины сейчас около 23 лет, то есть наиболее активно вступает в брак сейчас самое многолюдное в населении страны поколение мужчин. И, повторяем, сейчас страна переживает переход от недостатка к избытку женихов.

А это означает, что невесты станут более разборчивыми, что некоторой части молодых людей придется ожидать, когда подрастут более юные девушки, что некоторая часть молодых людей, может быть, останется без жен. И нет никакого сомнения в том, что «пострадают» прежде всего юноши, отличающиеся от других в том или ином отношении в худшую, с точки зрения невест, сторону (любители выпить, недообразованные, недоевшие и т. д.).

Говоря о важности психологической совместимости супругов, я ни в коем случае не хочу умалять значения материальных условий жизни молодой семьи. Конечно же, и отдельная квартира, и хорошая зарплата важны, и автомашина была бы не лишней, и...да мало ли еще можно назвать других полезных и приятных вещей.

Но важно тут вот что: одни всего этого добиваются сами, другие собираются получить готовеньким.

Мне уже приходилось писать о том, что некоторая часть нашей молодежи заражена иждивенческими настроениями: «Хорошо бы получить ключ от отдель-

ной квартиры вместе со свидетельством о браке! Вот бы иметь такую зарплату, чтобы жена могла не работать!»... и т. д.

А ведь и квартиры и доходы зависят прежде всего от наших с вами усилий. Знакомство со многими письмами читателей приводит к выводу, что у тех, кто полагается преимущественно на себя, трудности и совместное их преодоление вызывают сплочение супругов, укрепление семьи. А у тех, кто надеется на «стариков» или государство, те же трудности семью разрушают. Вот почему, размышляя о жизни молодой семьи, никак нельзя обойти трудовую, производственную жизнь супругов. Работе мы отдаем лучшие годы нашей жизни. Работа должна быть тем остоном, вокруг которого строится вся остальная жизнь. Нетрудно заметить, что у тех, кто увлечен работой, кто превыше всего ценит профессионализм, семейная жизнь складывается куда лучше, чем у тех, для кого работа—лишь средство заработка.

Разумеется, отмеченное выше статистическое соотношение между юношами и девушками касается прогнозов по стране в целом. А в отдельных местах положение может быть существенно иным. Так, перепись 1979 года показала, что в сельском населении ряда областей Нечерноземья очень велик перевес числа молодых мужчин над сверстницами, а в Москве, например, значителен женский перевес в молодых возрастах. Диспропорции вносят существенные осложнения в демографическую ситуацию. Эти диспропорции можно и нужно устранить социально-экономическими мерами. В целом же улучшить демографическое положение страны может лишь молодежь, только молодая семья.

Кто занимается вопросами взаимоотношения поколений? Психологи, писатели, педагоги — инженеры и академики человеческих душ. Но не об этом сейчас речь. Отметим лишь любопытную особенность нашего стремительного века: желая придать весомость представителям самых гуманитарных профессий, мы вводим в свой лексикон сугубо техническое слово «инженеры». В свою очередь, слова, издавна характеризующие процессы человеческой жизни, ныне вполне свободно употребляются в областях, далеких от гуманитарных. Например, то же слово «поколение». Сегодня мало кого поразит словосочетание — машины третьего поколения. Большинству людей это определение вполне доступно без особых на то пояснений.

Ну, а все ли смогут назвать срок жизни «машинного поколения»?

В Минском производственном объединении вычислительной техники на этот вопрос ответит любой ученик. Не так давно на торжественном вечере, посвященном 25-летию головного завода объединения, участники агитбригады спели песню, в которой были такие слова:

*Столетия становятся минутами
В переплетеньях интегральных схем.
У пульта управления компьютера
Неразрешимых нет для нас проблем.*

История предприятия, где делают машины, ставшие любимцами и одним из символов века НТР, красноречиво подтверждает песенные строки. В 1959 году с конвейера Минского завода сошли первые четыре электронные цифровые вычислительные

Валерий ОРЛОВ.
Фото
Алексея ФЕДОРОВА

ИНСТРУМЕНТ ВРЕМЕНИ

машины «М-3», собранные на электронных лампах. Сейчас они кажутся примитивными, но тогда скорость их вычислений поражала: 30 операций в секунду. Костяные счеты и арифмометры, смутившись, начали свое планомерное отступление. Но недолго царствовали ламповые чудомашины. Всего через пять лет им на смену пришли ЭВМ второго поколения — полупроводниковые. Нет, первые компьютеры еще продолжали исправно служить людям, но балом на электронной арене правили уже не они. Производительность полупроводниковых счетоводов увеличилась в тысячу с лишним раз. ЭВМ «Минск-2» и созданная на ее основе машина «Минск-22» стали широко известными не только в нашей стране, но и за рубежом.

Прошло еще несколько лет, и в столице Белоруссии уже приступили к серийному изготовлению ЭВМ третьего поколения, собранных на интегральных схемах и воплощающих в себе последние достижения целого ряда наук.

ЭВМ третьего поколения — штука настолько сложная, что даже голова идет кругом, когда пытаешься представить себе ее возможности. Например, выпускаемые сейчас в Минске машины серии ЕС в секунду производят 1 300 000 операций. Человеку, чтобы просто досчитать до такой цифры, потребуется более полумесяца без сна и отдыха.

И все же на заводе, где делают ЭВМ, с доброй улыбкой говорят: «Что машина! Она не Сократ. Ее чему научишь, то она и делает».

Интересно, чему научат люди следующее поколение компьютеров?

Анонимный заказчик

Сергей ВЫСОЦКИЙ

РОМАН

«Если хотят знать, по какому праву я вменяюсь в это прискорбное дело, я отвечаю: по великому праву первого встречного. Первый встречный — это человеческая совесть».

Виктор ГЮГО

1

Ночь была душная, и Колокольников почти не спал. Нудно гудели комары. От них не спасала ни марля, набитая на окно веранды, ни приторный одеколон «Гвоздика», которым Леонид Иванович, просыпаясь каждые полчаса, мазал себе шею и лоб. Часа в два пошел ленивый дождь. Мерно барабанили по железной крыше редкие капли, собирались в струйки и гулко стекали по желобу в пустую бочку. Колокольников почувствовал, что наконец-то засыпает, но надо было уже вставать: он твердо решил выехать сегодня на залив, на рыбалку. Осторожно, чтобы не разбудить жену, он оделся, взял приготовленный с вечера сверток с едой и вышел на крыльцо. Поежившись от охватившей его сырой прохлады, Леонид Иванович натянул на голову капюшон куртки, взял из сарайчика весла и удочки и двинулся по лесной тропинке к заливу. С нарастающим гулом набирала от станции скорость первая электричка. «Или последняя?» — усмехнулся Колокольников.

Снова стало тихо, и Колокольников услышал, что впереди кто-то идет. «Николай Николаевич меня опередил, что ли?» — подумал он. — Вот ведь, злодей, и не предупредил!» Николай Николаевич, его приятель по рыбалке, снимал на лето дачу рядом, метров на триста подальше, в глубине леса. Колокольников прибавил шаг, но человек впереди шел быстрее. Было слышно, как грузно перепрыгивает он через кочки и сосновые корни. Шум идущей по шоссе машины заглушил шаги. «Ну вот, на шоссе-то я тебя и перехвачу», — улыбнулся Колокольников в предвкушении того, как выговорит Николаю Николаевичу за отсутствие рыбацкой солидарности. В это время раздался глухой удар, а потом резкий скрип тормозов. Ночной лес утробно ухнул, повторил эти звуки, и затих. В наступившей тишине Колокольников услышал, как резко хлопнула дверца машины, и понял, что случилось несчастье. Бросив весла и удочки, он побежал к шоссе.

Он выскочил из кустов на шоссе слишком поздно. Белая машина — Леонид Иванович машинально отметил, что машина белая, «Жигули», и что у нее погашены огни, — набирая скорость, уходила за поворот. Темным пятном на мокром асфальте распластался человек. Колокольников бросился к нему и чуть не упал, наступив на какой-то блестящий металлический предмет. Нагибаясь к лежащему, он еще подумал: «Вот ведь как стукнул, подлец, машина чуть не развалилась».

Это был не Масленников. На асфальте лежал большой, грузный мужчина. Колокольникову показалось, что пострадавший — негр, но он тут же понял свою ошибку. Лицо было темно-багровым от удара. «Надо его перевернуть», — решил Колокольников, запоздало вспомнив, что в таких случаях до приезда «Скорой» и милиции лучше все оставить на своих местах. «А если он жив? Пусть умирает?» — Он с трудом перевернул человека на спину, опустив, почувствовал неестественную мягкость, словно это был не человек, а набитый тряпьем манекен. Ни стопа, ни звука. Леонид Иванович долго держал остывающую руку в надежде, что сможет уловить хоть слабое биение пульса, но человек был мертв.

«Какая же сволочь!» — со злой тоской подумал Колокольников об удравшем водителе. «Сволочь! Сволочь!» — повторил он громко и оглянулся. Шоссе было пусто. Ни машин, ни людей. Метрах в двух от потерпевшего валялся маленький чемоданчик. Видать, от удара он отлетел в сторону и раскрылся. В

чемоданчике, каждый в своем гнезде, лежали аккуратно разложенные инструменты. «Наверное, какой-нибудь слесарь-водопроводчик», — решил Колокольников. Он встал с мокрого асфальта, взял чемоданчик, закрыл и, пройдя десяток шагов по шоссе, поставил его на попа, чтобы предупредить водителей об опасности. Ближайший телефон был в санатории «Приморский», в километре от места аварии.

Еще раз взглянув на мертвеца, Колокольников побежал по шоссе к санаторию.

Первым он набрал милицейский номер. «Милиция», — тут же отозвался приятный девичий голос.

— На пятьдесят пятом километре Приморского шоссе человека сбили, — сказал Колокольников.

— Соединяю, — деловито сказала девушка.

С минуту в трубке были длинные гудки, потом уже отозвался мужской голос:

— Дежурный отделения ГАИ...

Выслушав Колокольникова, дежурный спросил:

— Кто говорит? Назовитесь!

Колокольников назвал себя. Потом прибавил:

— Я живу на Лесной, сто двадцатая дача.

— «Скорою» вызывали?

— Нет еще.

— Сами вызовем, — сказал мужчина. — Сейчас выедем патрульная машина.

Колокольников повесил трубку, вышел на шоссе и медленно побрел назад.

Он подходил уже к повороту, за которым все произошло, когда сзади послышался шум приближающегося автомобиля. Колокольников отступил к обочине, оглянулся и увидел милицейский «уазик». Он замахал руками, «уазик» затормозил, сидевший справа милиционер открыл дверцу.

— Это я вызывал милицию, — сказал Колокольников.

— Далеко? — спросил милиционер.

— Рядом. За поворотом.

Милиционер обернулся, сказал кому-то сидящему на заднем сиденье:

— Подвинься, Буряк. Возьмем гражданина.

Это «возьмем гражданина» не понравилось Колокольникову. Усаживаясь на продавленное сиденье, он подумал с обидой: «Вот и старайся, бегай по дождю, вызывай милицию, а они тебя «гражданином». Но, подумав так, он тут же застыдился: «Милиция-то тут при чем? Разве для милиции я бегал?»

— Вы водитель? — прервал его размышления милиционер. Теперь Колокольников уже разглядел две звездочки на его погоне.

— Водитель? — не понял Колокольников.

— Ну да! Виножник наездка вы?

— Да что вы! Я на рыбалку шел. И вдруг удар...

— Рыбалка — дело хорошее, — мечтательно произнес мужчина в штатском, сидевший рядом с Колокольниковым на заднем сиденье. Тот, кого назвали Буряком.

— Притормаживай, Федя, — сказал лейтенант шоферу и повернулся к Колокольникову: — Ну, так где это произошло?

— Вот! — протянул руку Леонид Иванович, показывая на шоссе. — Именно здесь. Вот он... — Последние его слова словно повисли в воздухе. Шоссе было пусто. Ни погибшего, ни чемоданчика...

— Что за черт! — выругался Колокольников. — Это же место! — Он оглянулся назад, увидел знакомый поворот. — А может, не доехали? — Он сказал так на всякий случай. Он знал, что не мог ошибиться, что именно здесь произошло несчастье.

— Федя, подъезжай еще чуток, — приказал лейтенант.

Они проехали метров триста. Лес тут был реже, совсем другой, справа сквозь сосны синел залив.

— Да что я! — в сердцах сказал Колокольников. — Каждую кочку тут знаю — столько лет живу! Там же, конечно, там, где я сразу показал. От наших домов тропинка там выходит. Я на ней весла и удочки оставил.

Шофер молча, теперь уже не дожидаясь команды начальства, развернулся. Никто не проронил ни слова.

Колокольников показал, где остановиться, первым

выехал из машины. Накинув плащи, выбрались из нее лейтенант и Буряк.

Леонид Иванович подошел к тому месту, где узкая тропка выныривала из кустов к шоссе.

— Вот она, дорожка! Он шел впереди — я его слышал. Потом удар, я побежал, а машина уже к повороту приближается.

— Какая машина? — спросил лейтенант.

— «Жигули». Белые «Жигули». Огни, подлец, погасил. Номер было не разглядеть...

— А модель?

Колокольников пожал плечами:

— Я в них не очень разбираюсь.

— Ну, а дальше что? — с ехидцей спросил Буряк. — Пока голову искали, ноги встали и пошли?

— Да что вы! Так не шутят! — растерянно сказал Колокольников. Он был совсем сбит с толку. Куда действительно мог подеваться этот человек?

— Ты, Буряк, полегче. Для шуток время слишком раннее, — спокойно сказал лейтенант и уставился на Колокольникова.

— Вот здесь он лежал. Здесь, — показал Леонид Иванович. — Я подбежал, опустился на колени. Лицо... — Он безнадежно махнул рукой. — Пульса не было. — Колокольников вспомнил про чемоданчик и рассказал милиционерам.

— Чемоданчик, чемоданчик, — проворчал лейтенант. — куда человек делся?! Вас как зовут? — спросил он неожиданно.

— Леонид Иванович.

— Вы не обижайтесь, Леонид Иванович, а может быть, вам все это... — он покрутил рукой, — показалось?

Колокольников хотел сказать в ответ какую-нибудь резкость, но вместо этого горько усмехнулся:

— Действительно, можно подумать невеста что.

— Вот именно, — значительно сказал лейтенант. — У нас, конечно, разные случаи бывают. Произойдет наезд на человека, а он вскочит, отряхнет — и бежать. Шок. А потом окажется — весь переломан. Месяцами в больнице лежит. Бывает и по-другому... — Он опять впился своими желтыми глазами в Колокольникова, словно хотел убедиться, можно ли ему доверять.

— Вы, может, думаете, что я пьян? — обиделся Леонид Иванович.

— Не думаем, но... — Милиционер пожал плечами.

— Всяко бывает, — вставил Буряк. — Иной раз такого наслушаешься! — и добавил: — Но вы на свой счет не принимайте.

— Давайте еще раз по порядку, — сказал лейтенант. — Откуда вы на шоссе вышли?

Колокольников сошел с обочины в канаву, показал на просвет среди зарослей.

— Ну-ну! — подбодрил его милиционер. — А потерпевший?

— Я выскочил... — Колокольников в два прыжка преодолел канаву и остановился. — Он лежал там... Где вы стоите. Я кинулся к нему. — Тут он вспомнил, что чуть не упал, наступив на какую-то железку, и наклонился, разглядывая асфальт. — Железка здесь валялась, наверное, из чемоданчика выпала...

— Где же ваша железка? — спросил Буряк.

— И железки нету, — пожал плечами Колокольников. — Да ведь какие-то следы должны остаться? Кровь?

Лейтенант вздохнул:

— В такой дождь? Ладно, — наконец, решил он. — Сейчас кусты обшарим. — И, повернувшись к Буряку, кивнул на машину. — А ты пока с отделением свяжись, пускай они обзвонят больницы. Может, пока товарищ бегал до санатория, кто-то подобрал да в больницу отправил.

Буряк забрался в «уазик», стал дозваниваться по радиотелефону.

— Ну, показывайте, Леонид Иванович, откуда вы шли, — попросил лейтенант.

Колокольников спустился с шоссе, пошел по тропинке первый. Лейтенант двинулся за ним.

— Тут я и шел от дома. Услышал удар — весла и удочки сюда бросил. — И опять, как на шоссе, встал как вкопанный — ни весел, ни удочек не было. Он

нагнулся, пошарил в траве, раздвинул кусты — ничего. Прошелся дальше по тропинке. Весла и удочки словно корова языком слизнула.

— Да-а-а... — многозначительно крикнул лейтенант и, видя растерянность Леонида Ивановича, добавил: — Ладно. С удочками вы потом разберетесь. Давайте пострадавшего искать.

За кустами на шоссе послышался шум подъезжающего автомобиля. Скрипнули тормоза, хлопнула дверца.

— «Скорая» приехала, — сказал лейтенант. Он рванулся было к дороге, но тут же остановился и махнул рукой: — Ладно, Буряк им все объяснит.

Часа два они прочесывали окрестности, расспрашивали дачников. Никто не слышал ни скрипа тормозов, ни удара. Никаких следов сбитого машиной человека не было.

Когда они снова подошли к «уазу», Колокольников расстроено сказал:

— Так же не может быть! Ведь мертвый он был, мертвый!

— Был да сплыл. Подождем, может, сам объявится.

«Объявится!» Колокольников вспомнил темное от удара, словно расплющенное лицо сбитого мужчины и с тревогой спросил:

— Что же теперь делать?

Лейтенант пожал плечами и, забравшись в машину, молча захлопнул дверцу, а Буряк, высунувшись из «уазика», тихо, со злостью бросил:

— Была б моя воля, посадил бы тебя на неделю за ложный вызов.

«Уазик» умчался, а Колокольников в полной растерянности остался стоять на обочине.

«Посадил бы за ложный вызов...» — прошептал он сердито. — Тоже мне, пень порядочный! Лишний раз его потревожили! Да если б напрасно. Что же они, решили, что я шутки шучу?! — с запоздалой обидой подумал Колокольников. — Зря тут бегаю под дождем!»

Он вдруг почувствовал, что промок до нитки — не спас и старенький плащ. Мокрые штаны прилипали к ногам, в ботинках хлопало.

«Не-е-ет, я вам больше не помощник, — пробормотал Колокольников. — Духи! Надо скорее домой, в тепло.»

Он прошел метров сто по шоссе, до тропинки, которая вела к поселку. По дороге уже мчались машины, большие пригородные автобусы стремительно катили по асфальту, оставляя за собой облака выхлопных газов, перемешанных с мелкими каплями воды.

На том месте, где он оставлял весла и удочки, Колокольников задержался еще раз, ощупал каждый куст: а вдруг они с лейтенантом недоглядели?

«Собаку надо было пустить, — подумал Колокольников, выбираясь на тропинку из мокрых зарослей. — Она бы нашла». Но мысль о собаке, ищущей удочки, и самому ему показалась вздорной, и Колокольников с каким-то даже удовлетворением поду-

мал: «Не моя забота! Не хотят, пусть не ищут. Потом все равно откроется, и будет этот Буряк иметь бледный вид». Он был особенно зол на Буряка, наверное, за угрозу.

«Ничего-ничего, — думал Колокольников, чуть-чуть разогреваясь от быстрой ходьбы. — Ничего-ничего! Удочки куплю новые. С первой полочки. Пока из березы вырежу. Весла вот жаль. Но тоже ничего. Кажись, у Николая Николаевича в сарае какое-то старенькое веслишко валяется. А сейчас приду домой, в теплую постель нырну. Валюша мне чайку горячего даст... Э-э, да что чайку — после такой встряски можно и водки! А Буряк пускай злится, пускай думает, что я его разыграл...»

Валентина еще спала. Услышав, что открылась дверь, она спросила сонным голосом:

— Лень, ты?

— Я.

— Чего так быстро? Клева нет?

— Еще какой клева! — бросил Колокольников. — Такого клева у меня за всю жизнь не было.

— Лодку, что ли, украли? — Валентина никак не хотела верить в удачный клева. Ее многолетний опыт говорил совсем о другом.

Колокольников скинул с себя мокрую одежду, натянул пижамные штаны, Валентинин махровый халат.

Жена, наконец, совсем проснулась и спросила:

— Ты почему так суетишься? Стряслось чего? Колокольников не ответил. Он достал из буфета бутылку водки, налил полстакана, потом отломил большую корку хлеба, положил на нее кусок сыра. В кургузом халатике, со стаканом в одной руке и бутербродом в другой он появился перед женой.

Увидев его в таком одеянии, да еще с мокрой лохматой головой, Валентина ахнула:

— Перевернулся?!

Дурашливо постукав зубами о стакан, Колокольников выпил водку и, жуя бутерброд, принялся рассказывать.

Время от времени жена перебивала Колокольникова, переспрашивала, возмущалась удравшим водителем. Она никак не хотела верить, что попавший под машину мужчина умер.

— Откуда ты знаешь? Ты что, врач?

— Я же пульс щупал, — доказывал Колокольников. — Переворачивал мужика.

— Не смейся. Кровь из пальца боишься дать, а тут — мертвеца переворачивал! Наверняка человек очутился под дождем и ушел. Не переживай зря!

— Нет, — мотал головой Колокольников. — Это видеть надо. Раз увидеть — и никаких сомнений. — Он уже согрелся, выпитая водка теплом разлилась по телу, слегка кружила голову. — С этим мужиком все ясно. Но милиция! Милиция меня удивила! Даже протокола не оформили. Им подавай мертвеца в натуре.

— И хорошо, что не оформили, — успокоила его жена. — Составили бы протокол — по следователям

бы месяц ходил, доказывал, что не приснилось. Лень! — вдруг словно что-то вспомнив, сказала она. — Какие у тебя весла пропали?

— Как какие? Мои.

— Их же у тебя на прошлой неделе украли. Сам вчера сказал, что с камней ловить будешь.

— Сказал, сказал... — нахмурился Колокольников. Весла у него действительно украли. Прямо из сарайчика. Но он попросил плотника из поселка, и тот за червонец выстругал ему новые. Жена он до поры до времени в эту операцию не посвящал, чтоб не ругала за непредвиденный расход. Валентина и так считала, что он тратит на свои рыбацкие прихоти слишком много денег.

— А я-то, дура, уши развесила, — засмеялась жена.

— А я-то, а я-то! — передразнил жену Колокольников. — Я-то тебе дело говорю. Такое не придумаешь...

— Не расходишь, не расходишь, — попробовала успокоить его жена. — В следующий раз поскладнее придумай. А то — человека машина сбила! Удочки и весла украли! В огороде бузина... — Валентина улыбнулась. — Этот твой мертвец, небось, и прихватил удочки с веслами.

— Тьфу! — зло бросил Колокольников, вышел из комнаты и лег на веранде, на стареньком скрипучем диванчике. Но заснуть так и не смог.

Поднялся Колокольников часа в два. Они словно сговорились с женой и об утреннем происшествии даже не упоминали. Сыну, поинтересовавшемуся рыбалкой, Колокольников сказал, что удочки украли.

Они мирно пообедали, разговаривая о всякой всячине: о том, что отпуск кончается, не за горами сентябрь, сыну Володьке в школу, нужна новая форма — из старой вырос. После обеда втроем сходили на залив, выкупались. Переходя шоссе, Леонид Иванович хотел было показать Валентине место, где машина сбила человека, но удержался, подумал: опять с веслами привяжется. Да и Володьке незачем об этом знать. Он парень впечатлительный. От взгляда на асфальт, где еще совсем недавно лежал сбитый мужчина, у Колокольникова опять сделалось беспокойно на душе. «Нет, этого дела я просто так не оставлю», — подумал он.

Ближе к вечеру он сходил к своему соседу по даче, режиссеру драматического театра Грановскому. Леонид Иванович знал, что Грановский дружит с одним из работников милиции. Он даже видел пару раз этого высокого, хмуроватого человека, когда тот приезжал на воскресенье к Грановскому. Звали его Игорь Васильевич, а фамилии Колокольников не помнил.

— Так дорожные происшествия не по его части, — сказал Грановский, выслушав рассказ Леонида Ивановича. — Корнилов в уголовном розыске работает, воров да убийц ловит!

— Вот и хорошо, — кивнул Колокольников. — Тут тоже убийца...

Грановский хотел возразить, но Леонид Иванович засмеялся и, положив руку ему на плечо, сказал: — Все понимаю. Не его епархия. Но я у тебя видел этого Корнилова, он мне понравился — серьезный

мужик. На него, видать, положиться можно. Вот ты меня и сведи с ним. Завтра же.

— Это правда,— согласился Грановский.— Положиться на него можно. Отвезу тебя завтра к нему, а там сами разбирайтесь.

Возвращаясь от Грановского, Леонид Иванович подумал, что неплохо бы изложить все, что он видел, письменно и идти к Корнилову с готовой бумагой.

Силу бумаги Колокольников знал хорошо. Он работал в патентном бюро научно-исследовательского института и почти все свое рабочее время отдавал изучению всяческих проектов, присланных в бюро, и ответов на письма. А уж если какой-нибудь изобретатель сам приходил в бюро, то с ним всегда было проще.

Во-первых, за долгие годы Леонид Иванович уже мог безошибочно отличить серьезного изобретателя от настырного прожектера. А, во-вторых, отделяться от рискнувшего заявиться в патентное бюро человека было, как говорится, делом техники. Поговорили, разошлись, и не надо ломать голову над отбитаемыми формулировками письменного отказа. Отказывать же приходилось многим.

Дома Колокольникову не сиделось. Хотелось пройтись по дюнам вдоль залива, посмотреть, много ли рыбаков выехало на вечерний лов. В стороне Кронштадта на позолоченной ряби залива и впрямь темнело десятка полтора темных точек. «На Восточной банке ловят,— с завистью подумал Колокольников, прикрывая глаза от закатного солнца.— Кучно встали. Наверное, клев хороший». Свежий ветерок наносил от воды запах водорослей, рыбы. К этому примешивался легкий привкус дымка— мальчишки жгли костер из сухого плавника.

«Эх, сорвалась моя рыбалка, сорвалась!»— шептал Леонид Иванович. Вид спокойного залива, легкое шипение волны, окутывающей гранитные валуны, всегда действовали на него умиротворяюще.

«Нет, Валентина не права,— думал он.— Удочки мои и весла «жигулевец» прихватил. Тот, кто наехал. Решил, что они принадлежат попавшему под машину мужику. Ну, и чтобы уж никаких следов, тоже в машину закинул. Вот ведь как все продумал, подлец!— Колокольников даже покачал головой, дивясь тому, какая стройная картина складывается в его голове.— Дождина хлещет, на шоссе ни машин, ни людей... Решил, наверное, что потерпевший на рыбалку шел, а раз с веслами, значит, на лодке, значит, в залив собирался податься. В залив на час не ходят. Считай, что целый день человека могут не хватиться. Да... Ловко, ловко все сложилось. Ловко. А когда встает, что пропал человек, никому и в голову не придет, что его машина сбита. И может гулять подлец спокойно и ничего не бояться».

От сознания того, что где-то по белу свету будет гулять безнаказанно преступник, у Колокольникова испортилось настроение. Как и большинство скромных, простых людей, он всегда очень остро чувствовал несправедливость, был чуток к чужому горю, неделю мог ходить расстроенным из-за того, что увидел по телевизору какой-нибудь кошмарный несчастный случай или очередную жертву итальянских террористов.

По песчаным дюнам Леонид Иванович дошагал до большой гряды валунов, уходящей метров на сто в залив. Здесь, в маленьком затончике, ютилось несколько лодок, в том числе и крашенная в голубой цвет плоскодонка Колокольникова. Лодки были прикованы цепями к огромному старому бую, на три четверти занесенному песком. Но это не спасало от того, что время от времени какая-то из них бесследно пропадала. Или транзитные хулиганы, сделав ночью привал у гряды, выламывали из лодок сиденья на костер, а то и сжигали всю лодку. Убедившись, что на этот раз никакое стихийное бедствие не постигло тихую гавань, Колокольников вышел на шоссе.

Молодой крупный мужчина в потертом кожаном пиджаке разгребал на обочине гравий и сухие листья толстой палкой. Леонид Иванович остановился— мужчина рылся как раз на том месте, где произошло несчастье. «Из милиции, что ли, прислали?»— подумал Колокольников. Его голова сейчас работала в детективном направлении.— Если так, то молодцы. Зря я о них плохо подумал». Он подошел к мужчине и поздоровался. Увлеченный своими поисками, тот вздрогнул от неожиданности и резко обернулся к Колокольникову. Круглое его лицо было испуганное и злое.

— Чего надо?— спросил он недружелюбно.

— Ничего,— пожал плечами Колокольников.— Я просто хотел предложить вам свою помощь. Вы ведь из милиции?

— Иди ты!— Глаза у мужчины стали белые от злости. Леонид Иванович отпрянул. Ему показалось, что человек этот сейчас размахнется и ударит его палкой.— Придурок! Я здесь деньги потерял,— прошипел он и, повернувшись к Колокольникову спиной, быстрыми шагами пошел прочь.

«Никакой он не милиционер,— приходя в себя, с опозданием догадался Колокольников.— А если нет, то чего он тут искал?»

— Эй! Пойдите!— крикнул Леонид Иванович. От волнения голос у него сорвался на фальцет.— Пойдите!— Он пошел следом, но мужчина вдруг круто свернул в лес.

«Там он меня и прирежет,— подумал Колокольников и остановился.— Да и как я его один задержу?! Может, он снова придет?»

Колокольников вернулся к тому месту, где рылся мужчина, и спрятался в кустах.

«Здесь он меня не заметит,— решил он.— А мне все видно. Надо его хорошенько запомнить». Наблюдая за дорогой, он стал вспоминать мужчину, его лицо, волосы, костюм. И ужаснулся оттого, что ничего не мог вспомнить. Только белые от ярости глаза и толстую палку.

По шоссе пронеслись машины, с веселым гомоном прошла большая группа молодежи.

— А я буду купаться!— упрямо бубнила высокая стройная девушка.— Все равно буду!— Колокольников не слышал, что говорила ей подруга, но девушка все твердила:— Буду, буду! Буду купаться!

У тропинки, ведущей к поселку, остановилась черная «Волга». Из машины вышел еще один сосед Колокольникова, профессор Пашаев. У Леонида Ивановича мелькнула мысль— позвать Пашаева и вместе догнать того мужика с палкой. Но тут же он подумал, что мужика давно и след простыл, а Пашаеву надо будет объяснять все сначала, а объяснять Колокольникову не хотелось.

— Завтра в восемь, дорогой!— сказал Пашаев шоферу.

Хлопнула дверца. Заиграла музыка. Наверное, шофер включил радиоприемник. Машина развернулась и, набирая скорость, помчалась к Ленинграду. Пашаев прошел совсем рядом с Колокольниковым— можно было протянуть руку и схватить его за широкую штанину.

— Тыфу, забыл в кабинете сейф закрыть!— неожиданно выругался профессор и остановился в нерешительности. Но машина уже ушла. А Пашаев, похрапывая— ишиас, видать, разгулялся,— пошел к даче.

«Я тебе про сейф когда-нибудь напомню»,— усмехнулся Колокольников.

Мужчина не приходил. «И не придет!»— решил наконец Леонид Иванович.— Наверняка шофер. Тот, что сбил человека. А я его милицией спугнул,— сердито подумал Леонид Иванович.— Он тут искал что-то. Проверить хотел, не забыл ли чего влопыхах утром».

Уже не таясь, Колокольников выломал ольховую палку и вышел на дорогу. Но палка не пригодилась— солнце ушло за вершины сосен, на дорогу легла сиреневая тень, и он с трудом разбирал, что там выгребается из-под палки на еще не просохшем песке обочины. Колокольников положил палку рядом— на всякий случай— и, став на корточки, принял метр за метром разглядывать песок. Иногда он просто ощупывал землю, отбрасывая жухлые листья, окурки, пробки от бутылки. Он даже нашел три копейки, но монета была старая и позеленевшая. Наконец на песке что-то тускло блеснуло. Колокольников протянул руку и поднял новенькое сверло. «На эту штуку я наступил утром,— обрадовался он.— Конечно! И чуть не растянулся! Вот вам и подтверждение. Сверла— не пробки от бутылки, просто так на дорогах не валяются».

Он повертел сверло в руках— оно было совсем новое— и, спохватившись, положил во внутренний карман пиджака. «Зря я его полупал, может, следователь там какие-нибудь следы рассмотрит»,— подумал Колокольников и пошагал к дому.

2

В городе уже несколько недель стояла теплая дождливая погода. Ночью с залива ветер таптал низкие рваные тучи. Косой дождь стремительно стегал по нагретым за день крышам, по размякшему асфальту и тут же испарялся. Сизый туман смешивался с дымами ТЭЦ, с бензиновыми парами и плавал над улицами, пока раннее солнце не осаживало его мелкими капельками на неуклюжих скамейках в парке, на гранитных парапетах набережных. Капельки тут же высыхали, и вместе с ними исчезало всякое воспоминание о короткой ночной прохладе.

Никогда еще за последние дни Евгений Жогин не чувствовал себя настолько свободно и беззаботно, как сейчас. Но это субботнее утро показалось ему особенным. Проснувшись, он долго лежал, не открывая глаз, сладко потягиваясь, ощущая всем телом, как чисты крахмальные простыни, как податлива и пружиниста широкая постель. Из кухни доносился приглушенный дверями шум воды, позвякивание посуды— Люба готовила завтрак, стараясь не потревожить мужа раньше времени.

Уже месяц, как он вернулся из заключения. Все это время Евгений радовался вольной своей жизни, наслаждался возможностью в любой момент, хлопнув дверью, выскочить на шумную улицу, пройтись, беззаботно подставив лицо солнцу в толпе, не обращая на него никакого внимания и потому так приятной ему. Но где-то в подсознании, независимо от него самого и даже большую часть времени никак себя не прояв-

ляя, гнезился ледяной мокрый страх. Да, да, именно мокрый, потому что, просыпаясь вдруг среди ночи, Евгений покрывался ледяной испариной. Так же бывало, когда, оставшись один дома, он ложился на диван, включал старенький телевизор и, забыв все на свете, переживал чужие актерские страсти на экране, и в это время раздавался резкий, пронзительно резкий телефонный звонок. Телефон успевал прозвонить несколько раз, прежде чем Евгений понимал, что это не сигнал подъема или тревоги, и хватался за трубку, выдавливая из себя хриплое «слушаю».

Сегодня он проснулся оттого, что солнечный зайчик, отраженный большим старинным трюмо, прочертив свой утренний путь по давно выцветшим обоям, скользнул по подушке и остановился на лице. Тяжелый трамвай, противно скрипя на повороте, прополз мимо дома. Трюмо задрожало, чуть слышно звеня. Слово подхваченный сквозняком, заметался и солнечный лучик. Жогин открыл глаза и тут же зажмурился. «Ну и спал я сегодня!»— подумал он с удовлетворением и улыбнулся.— Ни одного сна не видел». И, подумав так, вдруг понял, что не будет больше ледяного сковывающего страха, когда среди ночи он вскакивал в холодном поту, потревоженный кошмарными снами из той, тюремной жизни.

Лучик наконец переместился с его лица на подушку, потом на темную спинку деревянной кровати. И снова затрепетал, как желтый березовый листочек на ветру,— мимо дома грохотал очередной трамвай.

«Дрожи, дрожи,— снисходительно усмехаясь, подумал Евгений.— Мы свое отдрожали. Нам теперь конвойный не указ. И пахан нас не пошлет вместо себя парашу выносить!»

Он отсидел три года— шесть месяцев, пока шло следствие и суд в «Крестах» на Арсенальной набережной, два с половиной— в колонии на севере. Отсидел ровно половину того срока, который определил народный суд, и освобожден, как было написано в выданной ему справке, «за примерное поведение и хорошую работу».

Спроси его сегодня, жалел ли он, что, поддавшись уговорам одного из дружков по веселым выпивкам на стадионе— они оба «болели» за одну и ту же команду,— по долгим сидениям после матчей в шумной, пропахшей кислотным запахом пива и неистребимым духом вяленой рыбы пивной, он взял из изготовить инструмент для вскрытия сейфа, Женя не задумываясь ответил бы: «Да». Но не потому, что горько раскаивался, став соучастником ограбления заводской кассы. Это понял всю трагедию превращения честного человека в преступника. Жогин не научился еще задумываться над такими истинами. Как маленький ребенок, схватившийся за горячий утюг, усваивает, что делать этого больше нельзя— будет больно,— но объяснить почему еще не в силах, так и он каждой клеточкой своего существа, навсегда, на всю жизнь понял, что годы, проведенные в тюрьме и в колонии,— вычеркнутые из жизни годы. Жогин вернулся из колонии с твердым убеждением больше уже никогда назад не возвращаться. Не последним аргументом в этом решении стала и жена его Люба, все три года ожидавшая его и поддерживавшая письмами и передачами.

...За завтраком Люба спросила:

— Женя, тебе в понедельник когда выходить?

— Во вторую смену.— Он улыбнулся.— Понедельник— день тяжелый. С утра лучше послать...

Жена задумалась, смешно шевеля пухлыми губами,— подсчитала, сколько дней осталось до вторника.

— Давай съездим к маме,— закончив свои подсчеты, сказала Люба.— Я возьму на понедельник отгул, у нас получается три дня.

Теща Жогина, Анна Васильевна, жила в маленькой деревушке в Псковской области. Ехать к ней надо было автобусом всего часа три с половиной, да потом километром семь шоссе или пешком, или попутной машиной.

— Нет, Люба, — мотнул головой Жогин.— Не поедем.

— Почему? Время есть. Она тебя так давно не видела.

— Вот пару месяцев на заводе повкалываю, тогда и поедем,— сказал он ласково, но твердо.

Люба хотела что-то возразить, но вдруг смутилась и посмотрела на мужа долгим, задумчивым взглядом, порозовела.

— Ну, конечно, Женя! Конечно, так лучше. Я-то, дура, не сообразила...

Выходные дни они провели весело и беззаботно. Встав пораньше, отправились гулять по городу, ездили на Острова, пили пиво и ели шпикачки в чешском баре. Сходили в кино. Бродили по набережным Невы без всякой цели. И Евгений все рассказывал и рассказывал жене, как он жил «там», рассказывал без утайки, подробно, освобождаясь от прошлого, словно нарочно забывал его, выкидывал из головы.

Но так уж устроена жизнь, что счастье и радость никогда не бывают безоблачными. Стоит только забыться, как судьба тут же напоминает тебе о том,

что день сменяется вечером, что, кроме света, есть и тень, а течение жизни подвержено своим закономерностям, когда за полосой везения следует серия неудач. И потому-то нередко перед тем, как предпослать человеку горькую пилюлю, судьба посылает ему знак — у него вдруг появляется чаще всего неосознанная мысль: как здорово все у меня складывается! Увы, все меньше и меньше людей умеют почувствовать этот намек судьбы. Так же, как до поры до времени не чувствует человек, что вдруг в повседневной сутюлке появляется первый сбой в ритме еще совсем здорового сердца. Но если бы люди всегда были счастливыми, человечество, возможно, могло и поглупеть.

...Однажды вечером, когда Люба ушла на смену, а Жогин лежал на диване с книжкой, зазвонил телефон. Евгений спокойно отложил книгу в сторону, не спеша всунул ноги в шлепанцы, подошел к телефону, стоявшему в прихожей, и, сняв трубку, привычно спросил:

— Але?

— Евгения Афанасьевича, — спросил молодой мужской голос.

— У телефона, — лениво ответил Жогин.

— Жека, привет тебе от Левы Бур, — весело сказал звонивший.

И спина у Жогина сразу покрылась ледяным потом. Лева Бур, пожилой «специалист» по сейфам, признанный пахан, сидел с ним в одной колонии.

— От Левы Бур! — повторил мужчина, не дожидаясь ответа Жогина, и Евгений понял, что говорит не Бур, а кто-то другой, значительно моложе. Да сам Лева и не мог говорить: когда они вместе вышли из колонии, Бур оставил на три года на поселении в Архангельской области. Таким был приговор суда. Евгений это хорошо помнил. Бур сказал ему на прощание: «Не вороти нос от старых друзей, салага. Может, еще и сведет судьба».

Жогин тогда промолчал, а Лева усмехнулся и, наклонившись к уху, прошептал, чтобы не слышали другие заключенные: «Таких, как мы с тобой, умельцев — на всю Европу не больше пяти сыщется. Без нас, кирюха, ни одно крупное дело не обойдется...»

— Спасибочки за добрую весть, — выдал накопец из себя Жогин. — С прибытием его...

— С прибытием... — ворчливо сказал собеседник. — Для его встречи еще оркестр не готов! Не знаешь, что ли? — И без всякого перехода спросил: — Ты один? Говорить можешь?

— Один. А с кем говорить-то? С телефоном-автоматом? — сдержал, приходя в себя от первого испуга, Евгений.

— Будет время, познакомимся. Коля меня зовут, — друшительным голосом сказал мужчина. — Коля, Коля, Николай, сиди дома не гуляй... Знаешь такого? — И зашептал: — Дело есть. Клевое. Некогда Леву дожидаться, такой случай раз в три года выпадает. Инструмент нужен. Ты ведь уже пахать начал.

— Нет, — твердо ответил Жогин. — Не могу. Сейчас занят. Опоздал ты с заказом... — Он не мог, просто испугался, вот так прямо взять и сказать, что не хочет знать никаких Буров. Что он завязал, завязал навечно со всей этой кодлой, со всеми их делами.

Его собеседник по-своему понял намек на «занятость» и разочарованно протянул:

— Жа-а-ль... А мы-то рассчитывали. Может, через неделю?

— Не могу. В цеху недавно. Мастер все время над душой стоит. Не знаю, как первый-то «заказ» выполню.

— Ну, бывай, — быстро сказал собеседник. — Позвоню еще. Может, надумаешь? — И повесил трубку.

Настроение у Жогина испортилось надолго. «Разыскали, суки! — думал Жогин зло. — Хотя в другой город уезжай. Это, небось, Левина работа. Он меня запродал. — Потом Жогин вспомнил веселый, молодой голос звонившего. — Не похож он на урку. Не похож! Не тот разговор. Может, милиция проверяет? А я, дурак, уши развесил. Про «заказ» баки забивать стал! Нет, только не милиция, — тут же успокоил себя Евгений. — Небось, какой-нибудь фрайер».

Когда пришла жена, он, по традиции пригласив к ее приходу ужин и сидя напротив нее за маленьким кухонным столом, рассказал о звонке.

Люба сначала нахмурилась, а потом махнула рукой: — Ничего! Позвонили и умылись. Еще позвонят — отбрысьешься. — Она подошла к мужу, села к нему на колени и обняла за шею: — Мы с тобой теперь, Женечка, вдвоем. Отобьемся.

— Раз уж они знают, что я на завод пошел, кто-то им сообщил. Может, и у нас в цеху какая шпана околочивается. Рано или поздно узнают, что ни на кого я не работаю.

— К тому времени и Бур этот растреклятый выедет. О тебе и думать забудут.

3

Еще с утра Борис Дмитриевич Осокин сказал жене, что после работы он поедет на дачу. Следующий день был у него свободен от консультаций и экзаменов в

институте, и Осокин решил провести его на природе: сходить за грибами, собрать на участке поспевающую клубнику. Он любил, когда выдавалась возможность побыть в одиночестве, без суеты, без пустых ненужных разговоров, зная, что не услышит телефонных звонков.

Жене он говорил шутя: короткая разлука — лучший тоник для супружеской жизни.

Последняя консультация у вечерников закончилась в десять. Осокин позвонил домой, но жены не было — зная, что муж едет на дачу, она поехала на Васильевский навестить мать и еще не вернулась. Осокин поговорил с дочерью. Алене было шестнадцать, она перешла в десятый класс музыкальной школы, прекрасно играла на рояле, знала французский и вообще постоянно радовала родителей.

— Мама сказала, чтобы ты привез банку варенья, — сказала Алена. — Черничного. Там на крышке написано. И не забыл собрать клубнику.

Осокин хмыкнул:

— Вы бы с мамой о ней так помнили, как я!

Он повесил трубку, спустился по широкой институтской лестнице вниз, сел в машину и тоже, как и жена, поехал на Васильевский остров, но только не к теще, а к своему приятелю Коле Рогову, такому же одержимому страстью к собирательству человеку, как и он сам.

Борис Дмитриевич, несмотря на свой далеко не юношеский возраст, коллекционировал значки. Их у Осокина было уже за шесть тысяч, но стоило ему услышать про какой-то новый значок, Борис Дмитриевич мог мчаться не только на окраину города, в Гавань, как он поступил сейчас, а даже на край света. Относился он к собиранию значков со всей серьезностью и основательностью. Собрание Осокина хорошо знали в кругах городских коллекционеров и считали одним из самых основательных. Когда устраивались какие-нибудь выставки — а они в наше время устраиваются очень часто, — Бориса Дмитриевича всегда приглашали выставиться, и он делал это с большим удовольствием. Экспонировал самые редкие значки, в свободное время постоянно дежурил у стенда, давал объяснения и консультации. Даже тому, что он хорошо знал французский язык и помог овладеть им своей дочери, Осокин был обязан значкам. Когда у тебя такая богатая коллекция, поневоле возникают связи и с иностранными собирателями. То интуристы придут на выставку, то кто-то из знакомых приведет приехавшего в командировку иностранца поглазеть на огромную стену в квартире Осокина, сплошь завешанную значками. Потом завязываются переписка, обмен дубликатами. Короче, без языка не обойтись.

Даже в институте, где Борис Дмитриевич преподавал политэкономии, собирательство создало ему некий ореол, потому что время от времени о коллекции Осокина писали то в «Вечерке», то в молодежной газете, а один раз даже в журнале «Наука и жизнь». И в этих заметках о его собрании употреблялись ласкающие слух эпитеты: «строго систематизированная», «научная», «глубокая» и прочие другие.

Кто в детские и юношеские годы не был коллекционером? Не собирал марки, монеты, открытки, маленькие календари, минералы или даже складные ножи? Трудно представить себе не переболевшего этой детской болезнью мальчишку. Страсть эта могла не коснуться разве уж какого-нибудь заядлого шалопая, предпочитавшего стрелять из рогатки по воробьям и играть в пристенок, чем охотиться за новой маркой. Но проходят годы, и по разным причинам во взрослетье собиратели чаще всего забывают о своих коллекциях. Лишь немногие, не лишенные, наверное, известного педантизма и одержимости, остаются верны им всю жизнь.

Николай Петрович Рогов, к которому заехал Осокин, посулил ему в обмен на три значка с изображением животных — а Рогов именно такие значки собирал, только с козлами, собаками и прочими представителями фауны — значок добровольного пожарного общества Сейшельских островов.

Обмен состоялся к обоюдной радости, потом Азалия Васильевна, жена Рогова, поила их прекрасным цейлонским чаем.

— Вы слышали, Борис Дмитриевич, что обокрали Завьялова? — спросила Азалия Васильевна у Осокина.

Завьялов, директор ресторана «Западный», тоже коллекционировал значки. Но его собрание было хоть и большим, но малоинтересным. Он собирал значки без разбора, все подряд. Зато славился единственным в своем роде собранием альбомов художников-сюрреалистов.

Реакция Бориса Дмитриевича была однозначной — он сразу же подумал о библиотеке.

— Да! — подтвердил Рогов. — Все альбомы свистнули. А в придачу разные мелочи, — он ехидно усмехнулся, — вроде драгоценностей и мехов жены, магнитофона и прочей ерундистики.

— А значки?

— Значки не взяли.

У Бориса Дмитриевича отлегло от сердца.

— Не успокаивайся, не успокаивайся! — сказал Рогов. — Залезли опытные воры. Знали, что брать. Кому нужны завьяловские значки? Только дилетантам, мальчишкам, начинающим собирательству.

— Ты не прав, — не согласился Осокин. — У него много хороших значков.

— Ну и что? Нет системы, нет научной основы. Если хочешь — вся коллекция его значков для отвода глаз. Чтобы создать репутацию коллекционера. Главное — альбомы и книги. Знаешь, сколько он в них вложил?

— Дураки воры, — сказал Борис Дмитриевич. — Книжки почти все на иностранных языках. Они не смогут продать эти книги. Сразу попадутся.

— Да они и не будут продавать. Оставят себе и будут любоваться картинками.

Даже Азалия Васильевна рассмеялась.

— Коля! Что ты говоришь — воры оставят книги себе! Пополнят свою библиотеку! Где ты видел таких воров?

— Мама, я, слава богу, еще ни разу не видел ни одного настоящего вора. Ходить в суды у меня нет времени, но я же не в безвоздушном пространстве живу?! Читаю, слышу, что говорят! Вся беда в том, что воров развелось слишком много...

— Да уж, — кивнул Осокин, — что ни день — кого-нибудь обворовали. А милиция...

— Прости, Боря, — перебил его Рогов. — Я не закончил мысль. Так вот, воров слишком много, и воруют теперь не только для того, чтобы потом продать украденное скупщику и недолго жировать в малине. Воруют — и пользуются ворованным сами...

Они еще поговорили на эту острую тему, а потом уединились на кухне за шахматами.

Когда Борис Дмитриевич взглянул на часы, было уже два. Рогов осторожно, чтобы не разбудить давно уснувшее семейство, проводил Осокина до дверей и подождал, пока тот спустится по темной лестнице вниз. Разговор о ворах придал мыслям определенное направление.

— Коля, привет! — негромко крикнул Осокин, благополучно миновавший три темных этажа.

Рогов закрыл на все запоры дверь и пошел в спальню к своей Азалии. А Борис Дмитриевич сел в машину, минуты две прогрел мотор и поехал к Приморскому шоссе.

Осокин любил ездить по ночному городу. Прямые, свободные улицы, спокойное, без дерганья движение. Без заторов, без нервотрепки. Из-за чуть приспущенного бокового стекла в лицо задувает свежий ветерок. Лишь изредка на проезжей части возникает одинокая фигура с протянутой рукой или даже заглянувшая парочка, сильнее всего в этот момент мечтающая о домашнем уюте, а потому готовая заплатить любые деньги, только бы их доставили по назначению. Борис Дмитриевич редко останавливался. Подрабатывать таким путем он считал неприличным да, по правде говоря, и побаивался.

Во время ночных поездок его никогда не покидало чувство уюта, чувство удовлетворенности, что ли. Если холодно — можно пустить в салон чуть-чуть теплого воздуха. Ровно шумит мотор, зеленым спокойным светом освещена приборная панель, а запоздалые неприкаянные пешеходы только придают твоему комфорту определенную остроту...

Борис Дмитриевич выехал на Кировский. Впереди сомкнутым строем медленно шли поливалки, пришлось сбросить скорость. За Ушаковским мостом поливалки поехали прямо, а Осокин, дождавшись, когда загорится зеленая стрелка светофора, свернул налево, на Приморское шоссе. Из-за поливалок машин на шоссе поднакопилось, и к Лахте неслась уже целая колонна. Какой-то лихач на светлой «Волге», вырвавшись на левую сторону, обогнал колонну, но когда Осокин проезжал пост ГАИ при въезде в Лахту, с этим лихачом уже беседовал инспектор. «Ну что, братец, съел? — усмехнулся Борис Дмитриевич. — Не считай себя самым умным!»

За Солнечным он ехал один. Неожиданно хлынул дождь. Остро запахло хвоей, свежестью, начинающими вяннуть травами. Мысли у Бориса Дмитриевича разбегались — он с удовольствием думал о том, что день у него свободный, есть время пойти за грибами. Потом ему вспомнилась украденная коллекция Завьялова, и он покачал головой. От Завьялова почему-то проложился в сознании мостик к одной симпатичной девушке, с которой он познакомился недавно на выставке. Звали девушку Тамарой, они уже дважды встречались, даже ужинали как-то в ресторане «Горка», и Борис Дмитриевич подумал о том, что пора ускорить события. Судя по всему, Тамара отнеслась бы к этому благосклонно. «Вот была бы сейчас со мной Тома...» — мечтательно подумал Осокин, и в это время из кустов на шоссе, в двух метрах от радиатора, выскочил человек. Глухой удар багнера о живое тело раздался раньше, чем нога надавила на тормоз. Осокин почувствовал, что машину заносит на мокром асфальте, и инстинктивно стал отпускать тормоз, чтобы не перевернуться.

Продолжение следует.

НАУКА ПОБЕЖДАТЬ

Предлагаем вашему вниманию своего рода диалог известных спортсменов с читателями «Смены», которые откликнулись на наше приглашение (№№ 1 и 3 журнала) и обратились к чемпионам с вопросами. Ждем, дорогие читатели, новых писем и предложений.

«Очень люблю спортивную гимнастику и с особым интересом слежу за выступлениями Ольги Бичеровой. Узнала, что Оля и в школе отличница. Я на год ее моложе, мне 15 лет, и тоже занимаюсь гимнастикой (правда, пока только кандидат в мастера). Хочу стать мастером спорта, но для этого нужно еще больше тренироваться, а в школе нагрузка серьезная. Откуда на все взять время?»

В. ЛОГИНОВА,
Свердловск».

Ольга БИЧЕРОВА,
заслуженный мастер спорта, абсолютная чемпионка мира, обладательница Кубка мира:

— Когда у человека есть любимое занятие, он, конечно же, старается уделить ему как можно больше сил и времени. В этом году мне пришлось труднее, чем прежде: раньше тренировалась один раз в день, сейчас — два: утром, перед школой, и вечером. Из-за этого перешла в другую школу, где есть спортивный класс и занятия начинаются позднее, с половины двенадцатого. Сначала никак не могла привыкнуть. За день так уставала, что утром иногда проснуться не могла. Будильник прозвенит, а я прошу маму стрелки переставить еще минут на десять, потом вскакиваю и мчусь в зал ЦСКА. Постепенно привыкла к этому режиму, и мне кажется, что можно успевать везде. Нужно только правильно использовать время, себя организовать.

Единственный свободный день у меня — суббота. Тренировок нет, и мы с мамой ходим в кино, в театр или, например, просто катаемся на лыжах. Обязательно стараемся куда-нибудь выбраться, ведь так обидно, когда день пропадает.

Спорт занятиям в школе не мешает. Уезжая на сборы, я все учебники обязательно беру с собой и потом привожу в школу выполненные задания. Знаю: то, что пропустила, все равно спросят, и никаких поблажек мне не будет. Иногда бывает, что-то не успеешь сделать, и тогда об этом честно признаюсь учителю, а на следующий день уже привожу два задания. Стараюсь быть внимательнее на уроке, успевать все записать. Так время на домашнее задание экономлю. Нередко спрашивают, что бы я делала, если б меня на три дня освободили от всего — от школы, от тренировок. Читала бы книги, ходила в гости, в кино... Ну, неделю бы так смогла прожить. Не больше. А потом? Потом снова вернулась бы к тому, с чем рассталась. К своим тренировкам, к своему девятому «А».

«Пишут вам ученики 10 «А» класса школы имени В.И. Ленина, что в селе Георгиевка Джамбулской области. Каждый из нас занимается каким-то видом спорта, но больше всего мы любим футбол, болеем за московский «Спартак». Очень радуемся его успехам. Когда спартаковцы побеждают, у нас даже успеваемость повышается. Желаем «Спартаку» выигрывать как можно больше.

В. ГЕПП, И. СОКОЛОВА, И. МАТВЕЕВА,
В. ГРОЦ, А. РЫБЕНКО и другие,
всего 30 подписей,
Джамбулская обл.».

«Нередко приходится читать и слышать о том, что командам необходима поддержка своих

болельщиков. Хотелось бы узнать мнение на этот счет многолетнего капитана московского «Спартака» и сборной СССР Игоря Нетто. Тем более что о поклонниках спартаковцев в последние годы говорят немало неслестного.

В. САВЕЛЬЕВ,
Московская обл.».

Игорь НЕТТО,
заслуженный мастер спорта, олимпийский чемпион, обладатель Кубка Европы, пятикратный чемпион страны:

— В футбол играют для зрителей, и, конечно, хорошо, когда у команды есть верные поклонники, способные поддержать, ободрить. Футболисты, находясь на поле, чувствуют настроение трибун, которое нередко передается команде.

Я всегда ценил в каждом болельщике умение понимать, видеть игру. Это тоже своего рода мастерство. Тот любитель футбола, который пришел на трибуны не просто отдохнуть, насладиться игрой, но и познать для себя еще что-то новое в игре, достоин всяческого уважения.

Однако важно, чтобы болельщики вели себя достойно, отдавая дань мастерству и своим любимцам и их соперникам. Отвратительно, когда «болевание» превращается в самоцель. Можно прокричать всю игру и не увидеть ее самой. К сожалению, такая категория горе-болельщиков существует, они портят настроение окружающим и футболистам. Словом, «болеть», как и играть, нужно уметь.

Вот ребята пишут, что у них успеваемость повышается, если «Спартак» победил. Ну, а если проиграл раз-другой? От неудач ведь никто не застрахован. Значит, что же — все учиться перестали? Спорт — это эмоции, всплески страстей, радостей и огорчений. Но эмоциями нужно управлять.

Ребята, написавшие письмо из села Георгиевка, еще только делают первые шаги в спорте, и у них все впереди. Поэтому воспитывать характер нужно сейчас. Потом будет поздно. Хорошо, когда тебе сопутствует удача, но в жизни случаются и поражения. К этому нужно быть готовым. С тем, чтобы их побеждать.

«Мне всегда нравился хоккей, а в последнее время большое удовольствие доставляет игра нападающего команды ЦСКА Игоря Ларионова. Как он пришел в хоккей, каковы наиболее памятные события его спортивной биографии?»

И. ЮДИНА, Воркута».

Игорь ЛАРИОНОВ,
заслуженный мастер спорта, чемпион мира и Европы:

— Мне 23. Второй сезон я игрок ЦСКА — лучшей хоккейной команды. Обычно, если сложится хоккейная судьба, вспоминая, говорят: об этом думал, мечтал...

Я жил и вырос в Воскресенске, подмосковном городке, где для мальчишек и взрослых кумиром был Николай Семенович Эпштейн. Семеныч — так называли его в городе все. Многолетний тренер «Химика», от азов до высот понимающий все в хоккее. Я и сейчас очень дорожу встречами с ним.

Вот в его команде я хотел бы играть всегда. В такой, когда тренер вместе с командой не только в «звездный час», но и делит невезение, боль...

Когда я был мальчишкой, умной игрой мне нравился центральный нападающий «Спартака» Шадрин. Его, мне кажется, не всегда понимали трибуны: тихиход! Но в каждом его движении на льду была мысль.

Когда же назрел вопрос о моем переходе из «Химика», где уже Эпштейна не было, я долго колебался. Бескомпромиссной игрой нравился «Спартак», а в ЦСКА идти побаивался. Ведь это команда, где истина одна — безоговорочность побед. Но в сборной юниоров играл с Касатоновым, Крутовым, Макаровым. Это и определило выбор. С ребятами из тройки уже дружил — это было главным. Отношения из жизни переносятся в игру: когда трудно и надо внести перелом в матче, друзьям легче понять друг друга. Вот если дружбы нет, каждый снимает с себя вину.

Два матча в своей жизни я сыграл с Валерием Харламовым. Это было перед Кубком Канады в товарищеских играх в Швеции. Заболел Крутов, и на левом краю в нашей тройке играл Харламов. До сих пор помнится восторг и чувство полета от тех матчей, когда получалось все. Партнерам рядом с ним казалось — это я понял по себе, — что они в хоккее умеют и могут все. И никогда не услышать было от него упрека, назидательных слов.

Мы стремимся, чтобы меньше было «прямолинейного» хоккея, так называемых «рабочих шайб» из наигранных комбинаций, а больше импровизации. Чтобы скорость не убивала мысль, чтобы хоккей не стал работой, а был всегда желанной игрой для нас и праздником для зрителя.

«Сейчас много говорят и спорят о различных направлениях в фигурном катании, в частности о нашей замечательной танцевальной паре Наталье Бестемьяновой и Андрее Букине. А как они относятся к своему стилю танца? Почему выбрали именно его?»

М. ПОЛЕЦУК, Т. ПЕТРОВА, М. ШЕЛОПУТОВА,
Н. КОЗАРЦЕВА, Воронежская обл.».

Наталья БЕСТЕМЬЯНОВА
и Андрей БУКИН,
мастера спорта международного класса, чемпионы Европы:

Андрей. Стиль? Я недоверчиво отношусь к этому слову. И не принимаю определений типа «романтический» или, как про нас иногда говорят, «экстравагантный»... По-моему, стиль — это уже направление. Право на такое надо заслужить и долгими победами доказать, что он «самый-самый». Про нас еще рано так...

Мы пока просто катаемся по-своему. Если у английских танцоров почти совершенная техника, то у нас эмоциональности больше, в каждый элемент хотим душу вложить, настроение. Главное в нашей паре — это взаимопонимание.

Идеала в фигурном катании у меня не было. Когда в танцах начинал с Олей Абанкиной, старался подсмотреть у других то, что они умели, а я нет.

Наталья. Может, потому сложилась наша пара, что встретились мы с Андреем тогда, когда обоим грозил уход со льда. У него менялись партнерши, я почти утонула в свой «потолок» в одиночном катании.

И здесь такое счастье — Татьяна Анатольевна Тарасова! Она угадала в нас что-то такое, чего и сам про себя не знаешь. Это так важно, когда тренер помогает тебе самого себя постичь. Тогда до осмысления далеко было. Какое «новое слово» в танцах? Ряды были, что не расстались со льдом, и интуитивно потянулись за нашим тренером. Мы с Андреем стараемся на каждой тренировке, даже в каждом обязательном танце новый штрих придумать к элементу и с настроением кататься всегда, не только на соревнованиях.

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

ЯДЕРНОМУ ОРУЖИЮ — НЕТ!

В массовом движении противников ядерного оружия, охватившем ФРГ, самое активное участие принимает молодежь. В школах и университетах, в цехах предприятий, где трудятся молодые рабочие, и в молодежных центрах все чаще можно встретить плакат: «Зона, свободная от ядерного оружия». Это значит, что те, кто учится или работает здесь, высказались против размещения в Федеративной Республике Германии американских ядерных ракет. Прогрессив-

**ATOMWAFFEN
FREIE
ZONE**

ное издательство «Вельткрай-Ферлаг» выпустило целую серию плакатов и наклеек с антивоенной символикой — некоторые из них мы воспроизводим. Они пользуются огромным спросом у молодых западных немцев.

«ЭЛАН», ФРГ

Эрцгебирге в миниатюре

Возле города Эдеран, на юге ГДР, расположен один из популярных музеев под открытым небом. Его экспонаты, выполненные участниками художественных кружков, воспроизводят архитектурные достопримечательности Эрцгебирге, района живописного и известного давними традициями умелых ремесленников. На снимке: Августусбург, «Замок Августа», воспроизведенный в масштабе 1:25.

«ДДР — РЕВЮ», ГДР

МАРИХУАНА В ТОПКАХ ТЭС

На тепловой электростанции, расположенной в Порт-Эверлей (штат Флорида, США), в качестве топлива используется не мазут и не каменный уголь, а... марихуана, конфискованная таможенными властями. В прошлом году, например, в печах ТЭС было сожжено 800 тонн этого наркотика. Отмечается ежегодное увеличение контрабанды, и, как следствие, поступление ее из таможенных пунктов на электростанцию также возрастает.

«НЬЮСУИК», США

Прабабушка почтового цеха

Эльза Хиллер, которой исполнилось 102 года, долгое время была старейшим шефом почтового отделения в Англии и, вероятно, во всем мире. Недавно почтенная дама решила все же оставить работу: возраст есть возраст...

«ТАЙМС»,
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Асфальтовое озеро

Такое озеро существует на острове Тринидад. Его площадь равна 40 гектарам, а наибольшая глубина — 80 метрам. Озеро было известно еще в XVI веке. Первыми полезные свойства этого природного образования оценили местные жители, а пираты, находившие убежище в уютных лагунах, готовились здесь к очередному разбою, обмазывая днища своих судов природным асфальтом. Ежегодно из озера извлекаются тысячи тонн ценного строительного материала, однако оно не мелеет: биологические процессы настолько активны, что восстановление утраченных ресурсов идет практически непрерывно.

«ЭПОКА», ИТАЛИЯ

Наемники готовятся в Гондурасе

Американское оружие, американские инструкторы... Против революционного правительства Никарагуа с помощью США готовится путч — его основной силой должны стать наемники, которых вы видите на снимке. Их готовят в двадцати военных лагерях, расположенных на территории Гондураса. Банды контрреволюционеров возглавляет некий Энрике Бермудес, бывший полковник кровавой «национальной гвардии» Сомосы и военный атташе посольства Никарагуа в Вашингтоне во времена диктатора. «Мы пользуемся политической поддержкой многих членов конгресса США», — похвастается он. Шеф ЦРУ Уильям Кэйси официально подтвердил, что мятежники осуществляют акты саботажа и диверсий на территории Никарагуа с помощью специалистов из его ведомства. Газета «Нью-Йорк таймс» считает, что в лагерях путчистов не менее 150 «экспертов» ЦРУ. 1600 солдат армии США принимали участие в маневрах в Гондурасе — тоже «политическая» поддержка?

«ШТЕРН», ФРГ

МЕДИЦИНА С ТЫСЯЧЕЛЕТНИМ СТАЖЕМ

Айurveda — древнеиндийская терапевтическая практика, насчитывающая три тысячи лет, на санскритском языке означает «наука жизни». Дошедшие до нас санскритские тексты содержат свыше восьми тысяч препаратов, из которых в Индии используется около 1000. Для приготовления нужного лекарства применяются различные растения, а также корни, листья и кора деревьев. Кроме того, лечебные средства включают смесь из минеральных веществ, благородных металлов и драгоценных камней. Медики-айurvedы имели обширные познания в области анатомии и психологии, а одним из основных критериев их практики являлся тесный контакт между пациентом и врачом, то есть воздействие не только на болезнь, но и на человека. Путем комбинирования этих методов достигались поразительные результаты в лечении кожных заболеваний, аллергии, при нарушении деятельности желез внутренней секреции, системы кровообращения и т. д.

«ПАРИ-МАТЧ», ФРАНЦИЯ

Самородки- рекордсмены

Два золотых самородка, весящих соответственно 32,9 кг и 25,9 кг, найдены на известном прииске Сьерра-Пелада в бразильской Амазонии. Они оцениваются в миллион сто тысяч долларов. Один из самородков является самым большим из найденных в нашем столетии. По размерам он превосходит прежнего «рекордсмена» из австралийской провинции Виктория, вес которого равняется 27,1 кг. Абсолютный мировой рекорд принадлежит самородку, найденному на прииске Хилл Энд в Австралии: «Золотой Геркулес» весит 214,3 кг.

«БОЭМИЯ»,
КУБА

Карандаш длиной в 518 метров

Карандашная фабрика в западно-германском городе Висбаден изготовила самый длинный в мире карандаш. Его размер — 518 метров. Толщина карандаша соответствует принятым стандартам, однако графитовый стержень заключен в легкую пластмассовую оболочку. В магазине школьных принадлежностей гигант хранится в мотке, подобно проволоке. По желанию покупателя продавец может отрезать карандаш любой длины.

«ПАРАЛЕЛИ», БОЛГАРИЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ «БОРОДАТЫХ ОРЛОВ»

В последний раз птицу этой редкой породы видели в Альпах около ста лет назад — она была найдена отравленной на территории швейцарского кантона Граубюнден. С 1984 года Международный союз охраны природы намеревается начать эксперимент: в различных горных районах ФРГ, Австрии, Франции, Швейцарии будут выпущены на волю выращенные в зоопарках Западной Европы «бородатые орлы». Приживутся ли они в Альпах вновь, как в давние времена?

«ШВАЙЦЕР ИЛЛУСТРИРТЕ»,
ШВЕЙЦАРИЯ

«Смена» стремится не только в публицистике, но и в прозе выступать против безразличности и мещанства, его оголтелых форм, против социального изживенчества. Важно замечать и обсуждать обывательство, в какие бы суперсовременные одежды оно ни рядилось. Вот еще один рассказ, где предстают современные мещане. Ситуация, описанная автором, не проста и неоднозначна, тут есть над чем поразмышлять. Ну, например, как зарождаются в людях прагматичные до цинизма, извращенные понятия о цели в жизни, преуспевании? Где корни духовного падения? Откуда берутся современные «герои» — молодые и не очень, — желающие не быть ни за что в ответе? В том числе — и за себя.

Происшедшее в рассказе законом не наказуемо и вряд ли типично, но место, вы, имеет. И мы выносим житейскую эту ситуацию на читательский суд.

Олег МИХАЙЛОВ

РАССКАЗ

1

Тридцатилетний человек, самоуверенный и тощий, выйдя на улицу в декабрьскую сизую стужу, толкнул дверь подъезда с той молодой беспечностью, когда еще не думаешь о других — кому эта дверь может подарить ушиб или увечье.

Он был физически силен от природы, и пахло от него особенно: здоровьем, несмотря на крепкий польский одеколон «Варз», и острым мускусным запахом нерастрченных желаний. О таких в старину говорили: «Руку пожмет, словно дверью защемит...» Он был ярк — черные волосы и брови, смуглое лицо с отливающими синевой щеками и турецки-цыганской резкостью черт. Как человек деловой хватки, обладал завидной осведомленностью обо всем дефицитном, что выбрасывалось на прилавок. Знал, где и когда купить западногерманский костюм «Райне шурволе» — из чистой шерсти; нарочито грубые, на умеренно солидной каучуковой платформе финские ботинки и перепечатку по «полидоровской» лицензии дисков Демиса Руссо или ансамбля «Смоки». Он был доволен собой, своей работой в НИИ (который размещался вместе с полдюжиной таких же солидных учреждений в коробке из-под веселого ресторана «Спорт») и имел визитную карточку: «Андрей Ильич Растворов. Кандидат технических наук».

И он был свободен, свободен на целую неделю, поощренный за досрочное выполнение конструкторски каверзного проекта.

— Счастье — это когда тебе тридцать лет, когда ты холост и когда у тебя новый красный автомобиль! — шутя и не шутя воскликнул Андрей Ильич, подходя к подземному кооперативному гаражу, в котором его ожидал вымытый и сверкающий «ВАЗ-21011» цвета «коррида».

Андрей Ильич любил свой отлаженный до мелочей быт — любил старый с лепниной дом возле главной городской площади, свою большую уютную комнату, где имелись и солидная музыкальная система «Панасоник», и неплохая библиотека, составленная исключительно из дефицитных книг, и даже перешедшее по наследству полотно неизвестного голландского мастера XVII века, изображающее пасущихся на лужайке коров (для сохранности оно всегда было завешено). Был и мощный холодильник «Розенлев», хранящий бастурму, дешевое и вкусное розовое вино «Арагац» Арташатского завода, нежные венгерские консервированные шампиньоны, острый маринованный грузинский перец (благо, что и гастроном и рынок всего в двух шагах).

Ожидая, пока прогреется мотор, Андрей Ильич включил японский кассетник с реверсом и, постукивая по оплетке руля в такт негритянски темпераментным, под гром барабанов вскрикам Боба Марлея, подумал о том, что ему порядком поднадоела его старая, еще со школьной скамьи, подруга Верочка.

Он ходил в восьмой класс — она уже окончила школу и поступила в педучилище, а когда стал студентом Автодорожного института и владельцем отдельной комнаты в большой коммунальной квартире, начала забегать к нему на правах давней знакомой и соседки, все больше мимоходом. Садилась на тахту возле килы тетрадок с лекциями и спрашивала: «Дрюшка! Неужели тебе не хочется, чтобы тебя приласкали?..» «Вот чего-чего, а этого совершенно не хочется», — резко от невинности говорил он. «Хо-хо-хо-хо-хо...» — смеялась она и убогала. «Почему ты так странно смеешься: «хо-хо-хо-хо-хо»? — однажды поинтересовался он. «Как ты не понимаешь? Когда смешно, надо открывать ротик вот так, колечком. Тогда не будет морщинок. Хо-хо-хо-хо-хо...»

— Она смеется так уже пятнадцать лет, но избежать морщин ей не удалось, — проворчал Андрей Ильич, выжал сцепление и плавно повел машину.

Верочка — примерная жена, домовитая хозяйка, чистооплотна и кулинарка. У нее двое детишек и муж-экономист, однако они для Андрея Ильича как бы не существуют. Только раз решился он спросить Верочку, как она может так спокойно жить двойной жизнью. «Ах, Дрюшка! — просто объяснила она. — Вы, мужчины, слишком толстокожи, чтобы постигнуть это. Каждой женщине хочется, чтобы у нее была пусть маленькая, но сказка...» Крупная, сильная, в последние годы она поплыла — фигуру стало размывать, на шее обозначились складки. А вот голосок остался прежним, совершенно детским. Так же, как и смех: «хо-хо-хо-хо-хо...». С регулярностью, не реже чем раз в два месяца, Андрей Ильич рвет с ней навсегда. Но потом лень, нелюбовь к случайным знакомствам и, конечно, привычка возвращают ему Верочку...

Растворов повернул на проспект, бесстрашно глядя на толстого от полушубка постового. В удостоверении водителя у него лежал столь неудобный для ГАИ талон общественного предупреждения. Вместо штрафа или просечки ему могли сделать лишь отметку, после чего все решала первичная организация общества автомобилистов, председателем которой был близкий друг Андрея Ильича, маг фотоискусства и глава гаражного кооператива Виктор Васильевич Круподер. Впрочем, Растворов был крайне аккуратен: не превышал положенной скорости, следил за коварно меняющимися дорожными знаками и не позволял себе за рулем ни капли спиртного.

Андрей Ильич, ловко лавируя среди МАЗов и трейлеров, спустился к мосту и мимо вокзала на неспешной третьей скорости направился переулком к новому двенадцатиэтажному дому, остекленный верх которого был отдан под мастерские художников. Исключение сделали лишь для Круподера. По авторитетным отзывам, он был одним из тех немногих, кто вернул фотографии ее изначальное значение — светоспис: живопись с помощью света.

Еще через минуту Растворов стоял в теплом подъезде, наблюдая за спускающимся лифтом. Дама в летях с вишневым сочным ртом охорашивалась перед зеркалом и вдрог поцеловала собственное отражение, не подозревая, что ящик уже на виду. И едва Андрей Ильич вошел в кабину, как задохнулся от густого пряного аромата помады, духов и с омерзением определил: «Клема»... Вылиты не менее половины унции...

На панели имелось лишь одиннадцать кнопок, зато сверху был прикреплен

НЕ ОТПУСКАЙ

круглый, с пупочкой дверной звонок. Растворов надавил пупочку, и лифт вознес его выше простых смертных, пайчиков жилищного кооператива, в царство жрецов искусства.

2

— Ну вот, опять приперся срывать мои творческие планы, — гудел Круподер, мокро целуя Андрея Ильича в губы посреди просторной, светлой и совершенно пустой, если не считать нелепой деревянной коробки старомодного фотографического аппарата, мастерской с видом на остуженную реку.

Ощувив слабый вкус губной помады, Растворов покачал головой:

— Ты верен себе, дедуля Круподер!.. Однако и вкус у тебя...

О нем шла слава знаменитого женолюбца, к которой оставалась совершенно равнодушной жена, дочь известного оперного сопрано, сугубая гипотоничка с неподвижным греческим лицом. Правда обростала небыллицами, в скучной повседневности пайчиков гаража превращая Круподера в Синюю Бороду, Дон-Гуана, князя Потемкина. Из-под огромных и как бы чужих бровей, за дымчатыми стеклами очков «Цейсс-Йена» укрывались маленькие пронизывающие глазки, нос был несколько бутафорен, зато рот — мясистый и волевой — выявлял правду неудержимой жажды жизни.

Круподер, ревниво относившийся к своей славе, густо захохотал, накрывшись бровями, и ответил дурашливым басом:

— Не бывает некрасивых женщин, а бывает мало водки! Абзац!..

В отличие от Круподера Андрей Ильич при всем старании не мог блеснуть опытом по части прекрасного пола и поэтому всячески критиковал и третировал женщин. Когда в мастерской появлялась новая модель и Виктор Васильевич спрашивал у Растворова: «Ну как? — то слышал презрительное: «Буфетчица» или: «Бессмысленная плюшка», «Креветка», «Овечья смерть»...

— Здесь мы никогда не пойдем друг друга, — сказал Андрей Ильич, проходя за Круподером в соседнюю крошечную комнатку, которая громко именовалась «кабинет-бар». — Держи. Список должников по гаражу за полугодие.

Кабинет-бар не имел окон и был украшен продавленной тахтой, облупленным торшером и шатким столиком. Зато все стены были оклеены фотографиями, каждая из которых могла претендовать на конкурсную премию «Редкий кадр». А в углу, у трехстворчатого платяного шкафа, стоял пластмассовый ящик из-под пива с торчащими горлышками более крепких напитков.

— Никаких че-пэ? — осведомился Виктор Васильевич, принимая бумаги.

«Эх, моя бы власть да твои возможности, какой здем сотворил бы я вместо этого безобразия!» — как всегда, подумал аккуратный Растворов, присаживаясь на край тахты, и ответил:

— Так, пустяки. Накрыли ночного сторожа Маркизова. В дежурство отсасывал из бака у машин литра по два бензина. Ну, а утром продавал кому-нибудь из пострадавших канистру...

— Знаю его. Жулик и плут. Давно пора гнать... Моя-то тачка цела?

— Ты же месяц не брался за руль! Давно предлагаю, дедуля. Давай приглашу ребят из НИИ. Пусть ее вылижут.

Круподер беспечно махнул рукой.

— Для чего? На ходу — и абзац!

— У тебя что, денег без счета? Сделаю бесплатно. А если откажет что-нибудь серьезное? Будешь трясти бумажником?

— Да нет, денег всегда не хватает, — ухмыльнулся Виктор Васильевич. — Просто я завел машину, чтобы ею пользоваться всюю. Как любимой женой. Да где тебе, холостяку, это уразуметь! Может, по рюмочке?

— Смеешься, дедуля. Я же за рулем...

— Вольному воля, спасенному рай. А я глотну чуток. Тогда, коли желаешь, погляди мою новую модель. Вот-вот зайвится. Только что звонила. Как раз после... м-м-м... сеанса той дамы, которую ты встретил.

— Очередной монстр? — не удержался Растворов.

— Я ее не видел. Но таким нежным голосом может обладать только Дюймовочка. А мне давно нужна безотказная рабочая лошадка. Эдакая хорошенькая пони. Вот хотя бы наша реклама. Ты посмотри, она же гибнет, она кричит нам: «Помогите! Тону!» И откуда, скажи на милость, в рекламу берут этих увядших, тусклых женщин? Не иначе, как фотографируют собственных тещ. Кому это вкусно? Неудивительно, что торговые склады забиты неликвидами. Настоящее искусство требует жертв! Гляди, в чем я хожу. — Круподер хлопнул себя по полам облезлого, когда-то вельветового пиджака. — А вот на гардероб для моделей потратил целое состояние.

— Ты романтик, дедуля, — с ощущением внушительного превосходства остудил его пылкий монолог Андрей Ильич. — А я сторонник точного расчета: черт же на ватмане, ясная формула, простейший путь к решению задачки. Такие затраты во имя какого-то промтовара. Нет, не окупается.

— Да не в этом дело. Как ты не понимаешь... Я же художник, артизан, черт же тебя слопал! — пробасил Виктор Васильевич и значительно поднял палец: — Чу! Звонок.

Дверь в мастерскую днем не заперлась, и, выйдя из кабинета-бара с Растворовым, Круподер зычно пригласил:

— Да входите же!..

И нерешительно, словно желая в любую секунду передумать, убежать, в комнату вошло маленькое невзрачное существо с очень светлыми, выбивающимися из-под вязаной лыжной шапочки волосами и пуговкой-носом, одетое, несмотря на декабрь, в тонкое черное, с пролысынами плюшевое пальтецо.

— Я разговаривала с вами по телефону, — обратилась существо к Андрею Ильичу. — По поводу объявления...

Тот оглядел гостью и шутовски поклонился:

— Вы ошиблись адресом. Хозяин не я.

Она, кажется, была разочарована и, пока Круподер помогал ей снять пальто, пробормотала:

— Я шла не очень долго? От вокзала... Так холодно...

Виктор Васильевич, похоже, был тоже разочарован ее внешностью и официальным тоном объявил:

ЕЕ В СТУЖУ

— Итак, необходимые анкетные данные. Прежде всего: как вас зовут и сколько вам лет. Для несовершеннолетних вход в мастерскую воспрещен.

— Нет-нет! — испугалась она, показавшись в желтой мадаполамовой кофте и вылинявших мальчишеских джинсах еще более юной и жалко засинев гусиной кожей на тоненьких, открытых по локти руках. — Вы не подумайте! Я уже старая. Мне пошел двадцать второй год. А зовут Таней...

— Отлично. — Виктор Васильевич подошел к скрытому в углу умывальнику, засучил рукава и, отвернувшись, тоном врача, начинающего осмотр, приказал: — Тогда раздевайтесь!

— Как? — Она сделала движение, собираясь выскочить мимо него прямо на мороз в своем мадаполаме.

— Очень просто. Идите вон в ту комнату. Где горит свет. В шкафу найдете свой сорок второй размер. Подберите костюм. Тема... м-м-м... курортная: «Лучше гор могут быть только горы...» И начнем пробу. Абзац!

Она затворилась в кабинете-баре. А Круподер, намылив руки, уже готовился к священнодействию съёмки, прикидывая, какие фоны опустит и какие модули сварьирует. И все же тон его был неуверенным, когда он спросил:

— Что скажешь?

— Знаешь, дедуля, — отозвался Растворов, радуясь возможности побольше поддеть Дон-Гуана. — Эта Таня больше всего походит на бройлера, подготовленного на конвейере. Цыпленок!..

Заиграв бровями, Круподер тихо зарычал. Однако профессиональные навыки были превыше эмоций. Он подошел к допотопному ящику на треноге, который на самом деле представлял собой последний крик, верх технического совершенства знаменитой японской фирмы «Никон». Потом начал колдовать у голой стены, приведя в движение невидимые, собранные под потолком фоны, похожие на театральные задники. Зажглись мощные тысячеваттные светильники. Непроницаемая штора пала, закрыв окно. И дивно преобразилась мастерская: белая стена, словно по колдовству, делалась то пунцовой, то лиловой, то иссиня-черной; менялись пейзажи — бешеный ручей на дне глубокого ущелья; площадка с видом на двуглавый Эльбрус; сочные альпийские луга, усыянные бело-войлочными звездочками здельвейсов; слепящий под солнцем безжизненный ледник...

Мастерская была главной гордостью Круподера и предметом зависти его коллег.

— Я готова... — прозвело неожиданно быстро. Андрей Ильич с Круподером обернулись и оцепенели.

Совсем другая — маленькая красивая женщина в столпе света предстала перед ними. В ярко-голубой, с огромным козырьком жокейской кепке и распушенными по плечам светлыми волосами. В очень длинном, свободно ниспадающем мохеровом свитере серебристо-белого цвета и черных, похожих на колготки рейтузах. В белых плоских, с перепонками туфлях, напоминающих греческие сандалии. Под кепкой сияли счастливые и, как теперь оказалось, тоже ярко-голубые глаза.

— Ах, какая хорошая девочка! — простонал Круподер и от удовольствия страшно накрылся бровями. — А волосы, волосы... Слово солома на снегу! Нет, не могу, подкреплюсь перед съёмкой!..

Молча глядел на Таню Андрей Ильич, и так же молча, но с каким-то вызовом смотрела она на него, не отводя сияющих глаз. «Ну, не будь чистоплюем! Воспользуйся неожиданной возможностью, пока не вернулся Круподер!» — толкнулось у него в голове. Чужим голосом он сказал:

— Быть может, Таня, вам небесполезна и моя помощь... Как работодателя... — И подал ей визитку.

Она взяла белый твердый квадратик, прочла текст и по-новому, благоговейно взглянула на Растворова.

— К работе! Немедленно к работе! — повлажневшим голосом закричал Круподер, появляясь из кабинета-бара.

— Не буду вам мешать, — понял намек Андрей Ильич.

И, подталкиваемый Круподером к выходу, на ходу надел короткую дубленку, нахлобучил ондатровую шапку и сам затворил за собой дверь, в которой тотчас же щелкнул замок.

3

Дома Растворов взялся было за нашумевший переводной роман, но странные мифы и легенды колумбийских крестьян-индейцев не трогали его. Андрей Ильич все время с ревнивой неприязнью думал о Круподере и этой маленькой Тане: «Проклятый бабник! Везет же этому лавиану!»

Под вечер, когда зависть сделалась невыносимой, он заставил себя сесть за стол и вернуться к давно задуманной рекомендации автозаводу. Речь шла о некоторых мелких, но важных конструкторских изменениях в автомобиле применительно к тропикам. Но скоро за дверью пропел приторный голос соседки, молодящейся и патологически любопытной парикмахерши:

— Андрей Ильич! Голубчик, вас к телефону...

«Кого еще черт несет!» — наморщился Растворов, войдя в работу, словно в глубокий, ровный сон.

Трубка долго молчала — он переспрашивал, кричал, уже собирался бросить ее на рычаг и вдруг услышал голос Тани.

— Андрей Ильич... Вы меня простите за звонок... Но я убежала от вашего фотографа...

— Таня, милая, — обрадовался Растворов. — Немедленно приезжайте ко мне. Мы тут все-все обмозгуем. В трех шагах от мастерской, у гостиницы есть маршрутка. Она довезет вас прямо до моего дома...

В трубке опять возникла долгая пауза. Затем Таня тихо сказала:

— Я звоню из вашего подъезда...

Конечно, вид у Двоймочки в ее лысой шубке был совсем не тот, что в дорогом наряде у Круподера. И все же Андрей Ильич так волновался, помогая ей, что никак не мог найти вешалку.

— Да ее нет, не ищите, — грустно улыбнулась Таня. — Она порвалась еще вчера... Мне пришлось переночевать на вокзале...

— Тогда идите прямо по коридорчику, вон туда, и смойте вокзальную пыль, — бодро сказал Растворов. — Мое полотенце желтое, в красную полоску.

Он не глядя нашел среди шести вывешенных на двери картонок свою и надел ее на гвоздик оборотной стороной:

РАСТВОРОВА НЕТ ДОМА

4

С добродушным самодовольством наблюдал Андрей Ильич за тем, как ведет себя Таня в его апартаментах: чувствовалось, все нравится ей здесь. Она ходила, осторожно прикасаясь к книгам, бумагам на письменном столе, к чертежной доске, японскому проигрывателю, разглядывала его фотографии: в солдатской форме на сборах, за веселым студенческим столом, на трибуне в день защиты диссертации.

— Андрей Ильич! Голубчик, вас к телефону,— вдруг услышал Растворов приторный и особенно противный сейчас голос.

— Меня же нет дома, Розалия Марковна!— простонал он, думая: «Верочка? Вот некстати! Надо на ходу изобрести неотразимую причину, чтобы уклониться от встречи...»

Но трубка проревела страшным голосом Круподера:

— Ты что же это, Андрей, себе позволяешь?

Растворов решил было солгать, но тут же вычислил, что парикмахерша по свойственному ей особенному благородству души уже выдала его, и ответил неопределенным мычанием.

— Я хаживал в тот дом, где ты теперь портишь ватман, когда тебя и на свете не было!— кричал Виктор Васильевич.— И слушал там божественного Лаца Олаха. Ты, небось, даже не знаешь, что за гениальный ударник это был. Но что ты знаешь вообще? Ты, мальчишка! И так поступить! Со старшим другом...

— Да я-то в чем виноват?— удивился Растворов.

— Послушай, Андрей, отдай девушку! Добром прошу,— не унимался Круподер.

Растворову стало смешно.

— Что ты мне можешь сделать, дедуля?

— Из гаража выкину, и абзац!— рывкнула трубка и зашлась гневными бульками.

Перебранка с Круподером несколько не отразилась на превосходном настроении Андрея Ильича. Стол он накрыл быстро и красиво, выставил даже заветную бутылку дорогого армянского коньяка «Айни», не переставая говорить о своей библиотеке, о собрании дисков, о голландском полотне (с которого снял покрывало). А за столом после первой же рюмки заставил ее рассказывать о себе.

Запнаясь и краснея, Таня говорила, медленно избавляясь от мучающей ее скованности.

— Работала ученицей продавца. Конец квартала. Ну, и списали на меня какую-то недостачу... Потом училась в ПТУ на маляра. Было очень тяжело. На стройке холодно, раздевалка не отапливалась, подъемник не работал. Мешки с известью мы вчетвером таскали наверх, на четвертый, пятый этаж...

— А где же техника безопасности?— возмутился Андрей Ильич.

— Я эту технику не видела. Приезжал какой-то. Когда произошел несчастный случай. Выпивали с прорабом. А мне было трудно. Я не выдержала. А тут еще Игорь...

— Какой Игорь?— оживился Растворов, уже начавший томиться от наметившегося производственного романа, которых он не терпел ни в жизни, ни в искусстве.

— Очень симпатичный. И самостоятельный: у него мать— директор института питания. Придумал игру в «житии». Понарошку, конечно. Мы с ним весной ушли в Ботанический сад. Знаете, за университетом? И там устроили шалаш на баобабе.

— Где?— изумился Андрей Ильич.

— Дерево такое. Очень-очень толстое. Там на ветках можно целый панельный дом поставить...

— Твой Игорь— типичная плесень. Накиль большого города,— перебил ее Растворов.

— Нет-нет! Он добрый. Да вы не подумайте, у нас ничего плохого с ним не было. У него был транзистор, мы целовались, слушали музыку. А мой брат приносил еду...

Ее сумбурные истории Андрей Ильич вспоминал уже потом, лежа на жесткой раскладушке, одолженной у соседней. Таня безмятежно спала на тахте, вызывая легкое раздражение свистящей бронхиальной хрипотцой. «Как будто ребенок играет за стенкой на губной гармонике»,— подумал он. Таня нарасказала много всякой всячины.

«Конечно, она многое нафантазировала,— думалось Растворову,— например, этот баобаба... Да, но почему я так уж благоволею относиться к этой замарашке? Ведь она ничего не поймет и не оценит...»

5

Растворов даже не мог предположить, как хорошо и покойно будет ему с Таней. Она с наслаждением бегала к открытию гастронома, когда Андрей Ильич спал, чтобы достать его любимого швейцарского сыра, покупала на рынке кинзу: «Тебе нужны витамины»,— готовила завтрак, варила кофе. Он подолгу нежился в постели, не торопясь, подымался, делал зарядку и садился за стол, из-за газеты, вполуха внимая ее торопливо-счастливой речи.

Правда, приглядевшись к Тане поближе, Растворов нашел, что в его собственных словах о бройлере кое-что было верно. Что же так поразило их потом с Круподером? Или то было минутное наваждение, колдовство, волшебное превращение замарашки в принцессу? Честно сказать, обычная девочка из толпы на пригородном перроне. Очень маленькая, излишне худая— полная противоположность его Верочке. А ее наивность? Вряд ли она могла сохранить ее, получив жизненные ожоги. Скорее всего это хитрая женская игра.

Дня через два, будя его быстрыми прохладными поцелуями— еще с мороза, с авоськой, отянувшейся от покупок,— она радостно сказала:

— Представляешь, Андрюшенька, в нашем холодильнике ничего нет! Мне пришлось совершить кросс по всем магазинам...

«В нашем холодильнике!»— это пробудило Андрея Ильича быстрее поцелуев. Что же, выходит, все, что он так заботливо и долго собирал, уже не его, а не ш е? И «Розенлев», и «Панасоник», и библиотека? А может быть, и старый голландец (которого Растворов вновь тщательно занавесил)? С того утра Андрей Ильич не раз с острой неприязнью вспоминал Танины слова.

А она— она с упоением хлопотала на кухне, убирала комнату, перестирала Растворову все рубашки и белье, нашла метки на простыни и наволочки, отдала в химчистку старые костюмы и старалась угадать каждое его желание, каприз, прихоть.

Несколько раз они ходили в кино, но в свой любимый ресторан в Доме техники, где у Андрея Ильича был даже знакомый метрдотель, он привести ее стеснялся. Слишком уж нищенски выглядела Танина лысая шубка.

После одного из таких кинопоходов их встретила Розалия Марковна— моложавая от новой прически, в обольстительном розовом халатике с разрезами по бокам.

— А к вам приходили,— как всегда сладко, пропела она.

— Ко мне? Кто?— спросил Растворов, понимая, что это, конечно, Верочка и что она не простит ему нового увлечения.

— Думаю, что не к вам, Андрей Ильич... А к вашей подруге...

— К Тане?

— Да-да... Немолодой, но очень обаятельный... Наверное, Танечка, ваш папа... Он оставил вот это.— И она подала плотный сверток.

Растворов, не снимая дубленки, прошел в комнату, на ходу разрывая бумагу.

— Этого еще не хватало!— зло сказал он.— Вспомнило о тебе твое старое шпанье?

Она глядела на него остекленелыми глазами, а он с мстительным наслаждением вытаскивал записку и громко прочел:

«Андрей! Видел на улице твою Таню. Как ты отпускаешь ее в эдакий мороз? В ее-то ветоши! Хотя ты и негодяй, но в гараже я тебя оставляю. Передай пакет крошке. Не целую. Круподер».

В пакете лежал знакомый мохеровый свитер. Андрею Ильичу стало совестно, и он пробормотал, пряча глаза:

— Ты меня извини... Я погорячился и сказал глупость...

А она, перебирая серебристо-белый мохер, медленно и словно заученно ответила:

— Я думаю, тебе не понравится, если я это оставлю. Отшли свитер назад своему другу...

— Ты умница, ты молодец!— обнял ее Растворов, прикидывая, что свитер стоит не меньше сотни и уж ей можно было бы от него не отказываться.

Прошло еще два безмятежных дня. Но на третий Андрей Ильич стал просыпаться ночью, тревожно думая о том, что вот-вот закончится отпуск, начнутся трудовые будни. А что же Таня?

Утром в воскресенье, когда Таня бегала по дежурным магазинам, он вошел на кухню и застал там Розалию Марковну. Стоя к нему спиной в своем обольстительном халатике, она ласково говорила двум соседкам:

— Я думаю, пора поздравить Андрея Ильича с тем, что у него появилась мадам Растворова...

Это было уже невыносимо. Андрей Ильич резко повернулся и затворился в комнате, твердо решив объясниться с Таней.

Странно, но предложение расстаться на время она восприняла спокойно, без слез, которых Растворов не выносил. Слово знала все наперед. Только низко наклонила голову, вызвав на мгновение у Андрея Ильича жалость. Он стал целовать ее в шею, в щеки, в губы, в нос, торопливо приговаривая:

— Танюшка, миленькая! Мне бы только поработать без помех несколько дней! А там позвони, и мы тутчас увидимся...— Он замылся.— Вот тебе немного денег. На всякий пожарный...

Она взяла две десятки, положила в кармашек своей плюшевой шубки и просто отлетела:

— Спасибо, Андрюшенька... Спасибо тебе за все...

6

Таксист был стар, опытен и так багроволиц, словно его щеки выпекли из красного зельца. Таня назвала далекий адрес— где-то, как понял Андрей Ильич, на окраине. Сам Растворов после прощального ужина с шампанским чувствовал себя бодро, даже излишне оживленно и то и дело одергивал себя.

В долгой дороге она молчала. Он порывался шутить, рассмешить ее, но скоро замолчал сам. Да и мысли его были уже далеко отсюда, в институте, в завтрашних заботах.

Через пять лет Колобашкину, его научному руководителю и заведующему сектором по автоэкспорту в страны Азии и Африки, стукнет семьдесят. Долгожитель! А он защитит к той поре, если, конечно, повезет, докторскую и уж как-нибудь да убедит дирекцию в устарелости этой рухляди... Андрей Ильич сладко мечтал, не чувствуя слабой тяжести прижавшегося к нему Таниного тела.

Машина мчалась. Шофер, привыкший работать в ночной смене, не поворачивал головы. Растворов уже начинал сердиться— не оттого, что счетчик наматывал рубли, а потому, что отодвигалось осуществление желания— поскорее вернуться в свою комнату, поставить на вертушку какой-нибудь теплый диск, ну, хоть сладкое «Дождь в моем сердце», и после рюмочки португальского портвейна уютно, без помех и отвлечений, улечься спать, готовясь к завтрашнему трудовому дню. Его тряхнуло: такси остановилось.

— Здесь не проедешь. Линия метро,— бросил водитель.— Только пешеходный мостик.

Андрей Ильич легонько потрепал по щеке задремавшую Таню.

— Может, ты дальше потопавешь сама?

Она растерянно забормотала, почувствовав, что он опять чем-то недоволен:

— Сейчас-сейчас... Я одну варежку потеряла... Но я пойду...— и снова прижалась к нему:— Только ты не бросай меня... не бросай...

— Да-да,— ответил он.— Позвони на той неделе.

— Есть выход, товарищ начальник,— вмешался таксист.— Совсем небольшой крюк. Тут рядом объезд...

— Валяй,— механически разрешил Растворов, снова уходя в свои мечтания. За линией метро, в отдалении, на краю голого поля бесконечной чередой побежали панельные двенадцатизэтажные корпуса. Ни один огонь не светился в них, и оттого, белые на белом, они казались гигантскими пустыми холодильниками.

— Вот здесь!— вдруг сказала Таня.— Мне отсюда совсем близко.

— Ну и чудесно,— не скрывая облегчения, ответил Андрей Ильич.

Он вышел из машины в стужу и ветер, с привычно затверженной учтивостью подал руку девушке и, чувствуя, как схватывает на морозе губы, быстро поцеловал ее в щеку. Не оборачиваясь, Таня побежала напрямик через поле, словно унесенная ветром, стала уже на снегу черной точкой.

Растворов постоял, успокаивая себя тем, что женщины всегда излишне нервозны, закурил хорошую сигарету и с наслаждением вернулся в теплую кабинку, на этот раз сев рядом с офицером.

— А ведь домики-то не заселены, товарищ начальник,— без интонации сказал таксист и так резко дал газ, что машина с ревом дернулась и словно оторвалась колесами от шоссе.

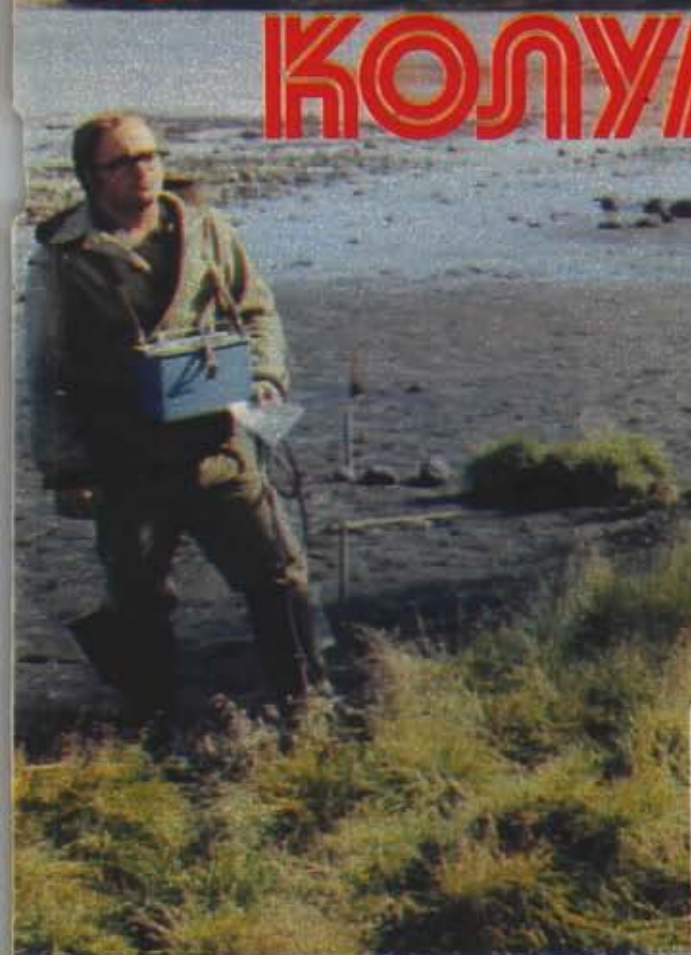
— Вот как?— удивился Андрей Ильич.— У вас клапан, между прочим, барахлит... По-моему, в третьем цилиндре.

Шофер словно не слышал его, а только прибавлял и прибавлял газ. Сквозь приспущенные веки Растворов с неодобрением следил, как стрелка спидометра подходила к 120. Все летело навстречу, рвалось на куски и рассыпалось, только машина, казалось, оставалась на месте, будто обдуваемая бешеным ветром в аэродинамической трубе. Лишь редкие удары колес о промерзшую бетонку возвращали реальность движения по земле, а не полета. Андрей Ильич думал о том, что через пару дней даст знать о себе Верочке и предупредит Розалию Марковну не подзывать его, если позвонит Таня.

А она бежала вдоль бесконечных домов, не чувствуя холода и ветра. И над вымерзшими блочными айсбергами, над огромным, арктически пустым городом криком неслось:

— Не бросай меня! Только не бросай!..

КАМЧАДАЛЫ ОПЕРЕДИЛИ КОЛУМБА?

Олег ДЗЮБА.
Фото автора

БЕРЕГА ЗНАМИТОГО УШКОВСКОГО ОЗЕРА
ТАЯТ ЕЩЕ НЕМАЛО ЗАГАДОК.

КАМЧАТСКИЕ САМОЦВЕТЫ.

Я провел рукой по земляной стене раскопа. Ладонь почернела и тут же поглубела от пепла. Время показалось осязаемым, как эта камчатская земля.

— Вы уже в ледниковом периоде, — улыбнулся Николай Николаевич Диков, отвлекшийся на несколько минут от раскопок. — Попали в эпоху мамонтов. А костер... Его разводили наши далекие предки.

Он отошел к раскопу, где помощники археологов, студенты-историки, осторожно — где скребком, а где и кистью — расчищали стоянку древних камчадалов.

Неподалеку от раскопа за желтыми кронами береговых ив виднелось озеро. Вода вскипала бурунами родниковых струй. Благодаря им озеро никогда не замерзает полностью, потому и прилетают сюда на зимовку белые лебеди.

Но не только этим знаменито Ушковское озеро. Член-корреспондент АН СССР Н. Н. Диков назвал его археологическим раем.

Все началось с монет. Еще бы, Хорезм, Боспор — Черноморье и Средняя Азия, как далеко они отсюда, и вдруг хорезмские и боспорские монеты на Камчатке! Неужели были какие-то связи между этими регионами в древности?

После войны монеты попали в ленинградский Эрмитаж. В 1961 году Диков, впервые приехав на Камчатку, раздобыл в селе Мильково два бата — так называют выдолбленные из ствола тополя лодки, — соорудил из них катамаран и отправился вниз по Камчатке-реке, по «белому пятну» в археологии. Ни новых монет, ни каких-либо иных следов торговых обменов знойного юга с пуржливой Камчаткой ему обнаружить на Ушковском озере, правда, не довелось.

— А может ли вообще появиться правдоподобная гипотеза о появлении здесь античных монет? — спросил я.

— Объяснение, по всей видимости, одно, — ответил Диков. — В прошлом веке на озере побывал путеше-

ственник и ученый Карл Дитмар, сам страстный нумизмат. Резонно предположить, что в путешествии он взял с собой часть своей коллекции и обронил несколько монет на берегу озера. Надо строго придерживаться фактов, иначе фантазия далеко завести может. Вот, скажем, на реке Анадырь мы нашли кресало, очень похожее на бытовавшие во времена Киевской Руси и новгородских ушкуйников. Неужели ватага новгородцев добралась до Чукотки? В принципе это могло произойти. В XI—XII веках льды отступали на север, океан приоткрылся, а суда на Руси уже были. Но основывать такую версию на одной-единственной находке все же нельзя.

В одной из своих книг Диков приводит географическую карту, на которой материи Азии и Америки слиты воедино. Да, да, когда-то, давным-давно, на месте сегодняшних Чукотского и Берингова морей была земля. По суше переходили древние камчадалы из Азии в Америку, задолго до Колумба открывая для себя этот континент. Рядом с древними путешественниками бежали собаки, к тому времени ставшие уже прирученными друзьями человека. Догадка? Фантазия? Нет, это неоспоримо подтверждают археологические раскопки.

Одна из первых экспедиций Дикова обнаружила на Ушковском озере древнейшее в мире захоронение собаки, которой, как показали сложнейшие анализы, около одиннадцати тысяч лет, а захоронению собаки из Палестины, долгое время считавшемуся старейшим на свете, примерно на полторы тысячи лет меньше. Таким образом, есть все основания утверждать, что именно здесь, на Камчатке, человек раньше, чем где-либо, обрел четвероногого друга.

... — Савелий, — окликнул сына археолог Валерий Шубин. — Принеси блокнот.

Мальчик, заглядевшийся было на радугу, достал из отцовской куртки записную книжку и осторожно — все-таки он четвертый год бывает с родителями в экспедициях по всему Дальнему Востоку — обошел очаг из семи камней. От березки, подле которой он стоял, до раскопа было не больше десяти метров. Десять метров — и много тысяч лет!

**ДИКОВ ПО-ПРЕЖНЕМУ ВЕРЕН СВОЕМУ
«АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ РАЮ».**

Наша эпоха научно-технической революции ставит перед человечеством и серьезные социальные задачи. Восторг перед возможностями науки и техники Запада зачастую переходит в глубокий пессимизм, когда начинают размышлять, какие беды могут сотворить чудеса XX века в руках людей нравственно ущербных. Как организовать общество, как интегрировать величайшие научно-технические свершения в жизнь человечества, не лишив его жизни? На этой почве расцветают различные теории «технократии», когда ставится знак равенства между знанием техники и способностью управлять обществом.

Безмерные претензии сторонников «технократии» — предмет исследования футурологов и объект постоянных насмешек подлинной научной фантастики. Один из основоположников этого жанра, итальянский писатель Лино Альдони, вложил в уста героя маленького рассказа «Абсолютная технократия» поучительные рассуждения:

«Стив предался размышлениям о технократии... Во время оно человеческое общество было крайне неорганизовано, на руководящие посты назначали самых неопытных, в то время как люди высокого интеллекта всю свою жизнь могли занимать весьма жалкое положение. Так, во всяком случае,

список № 1 (кадетов, или партии Народной свободы). Стандартный текст под плакатом-обращением тех времен гласил: «Партия Народной свободы всегда требовала власти народа... Партия свободы всегда выдвигала людей государственных и житейского опыта и знаний». Известно, что в России тогда прекрасно разобрались в намерениях причисливших себя к самым умным. Воззрения Сахарова, вне всякого сомнения, — рецидив кадетских взглядов с поправкой на научно-техническую революцию. Ибо он единодушен с кадетами в главном — власть должна принадлежать капиталу.

Загвоздка одна — как же распространить великодушный строй на все человечество? На помощь, конечно, придет наука, «международная политика должна быть всецело пропитана научной методологией». Нужно только покончить с малым — марксизмом, встать на позиции «реализма», и вот оно, чудо из чудес, — к 2000 году на земле возникнет мировое правительство! О нем давно тоскуют все «технократы».

Идея мирового правительства одно время овладела и великим физиком А. Эйнштейном. Когда после второй мировой войны он заговорил об этом, советские ученые сочли необходимым откровенно высказать свое мнение по поводу этого. В письме академиком Вавилова, Иоффе, Семенова, Фрумкина «О некоторых заблуждениях профессора Альберта Эйнштей-

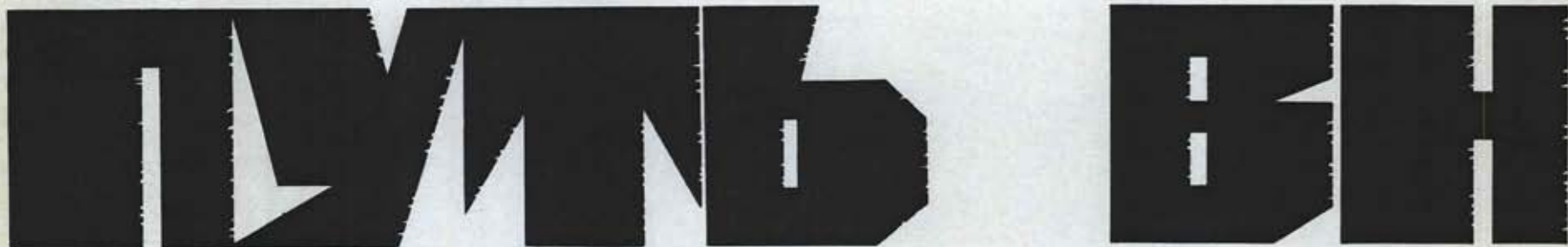
ли выиграла бы каждая семья. Вот как оборачивается забота «радетелей» о народе.

Имperialизм наращивает вооруженную мощь, военный бюджет США стремительно растет. Это неизбежно отвлекает и средства Советского государства на цели обороны. Крайние сторонники этого образа действия на Западе, который можно именовать теорией «изматывания», надеются затруднить созидательное строительство в нашей стране, вызвав определенные нехватки, что окажет свое воздействие на моральный дух советского народа.

Еще в конце пятидесятых годов в Англии вышла книга военного теоретика У. Джэксона «Семь дорог в Москву». Он дал обзор нашествий на Россию с древнейших времен, насчитал их семь и заключил:

«Вооруженные походы на нее всегда терпели неудачу, как доказали вторжения шведов, французов и немцев. Больше того, размеры катастроф прогрессивно увеличивались с каждым последующим нашествием. Единственная надежная дорога в Москву — путь викингов, давших конструктивные услуги, которые хотел и просил сам русский народ. Будем надеяться же, что никто никогда не соблазнится имитировать Карла XII, Наполеона или Гитлера, попытавшись осуществить вооруженное решение, которое, как учит история, потерпит неудачу и может повлечь за собой ядерное уничтожение человечества».

К этому, в сущности, зовут «диссиденты» — приходят, владейте нами, мы, по крайней мере, поможем. Параноидный характер этих замыслов, как и самой

было написано в учебниках. В двадцатом веке все еще процветал варварский строй. У власти стояли не техники-специалисты, а политики; эта порода людей, страдающих манией величия и излишней горячностью, исчезла с наступлением эры технократии... Стив даже не понимал толком, что так ценно в этой абсолютной технократии. Он знал лишь одно — абсолютная технократия считается настоящим благом для всего человечества. Он рос в религиозном почитании социальных законов, принимая их с той же непосредственностью, с какой в детстве учатся говорить».

Вымышленный человек будущего, Стив думает об этом в драматически-юмористической ситуации — при сдаче экзаменов, включающих неевклидову геометрию и теорию относительности, для занятия должности подметальщика улиц второго разряда. Альдони приглашает читателей своего рассказа посмеяться над эксцессами логического завершения теорий «технократии». Действительно смешно, хотя не очень весело.

Герой нашего рассказа — человек куда как серьезный: в отличие от простака Стива он точно знает, в чем состоит блага «технократии». Правда, физик Сахаров принимает свою неосведомленность за уровень развития гуманитарных наук. Не знает он и о другом: в свое время промышленная революция породила анархизм, а научно-техническая революция также имеет свои издержки — иные никак не могут подыскать себе подобающего, по их мнению, места в обществе. Но это его не смущает. В развязном письме на имя руководителей партии и правительства от 19 марта 1970 года Сахаров, коснувшись сложнейших вопросов общественной жизни, пытается анализировать их, по его профессиональному выражению, «в первом приближении» или, оговаривая: «важно, как говорят математики, доказать «теорему существования решения».

Академик похвально лаконичен. Брошюра в 38 страниц «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» вобрала без остатка все идеи Сахарова. Отправляясь в незнакомую для него страну, Сахаров, как и подобает ученому, естественно, помянул того, кто служит ему маяком, — «выдающегося писателя А. Солженицына». Почерпнув «мудрость» в этом зловонном источнике, академик понес околесицу и суицид вздор, занявшись описанием идеального, на его взгляд, общества, ибо Советское государство Сахарова не устраивает.

Эпитет «позор» Сахаров без конца применяет к нашей стране. Почему, собственно? Вот почему, разъясняет Сахаров: нет «демократизации» и не учитывается мнение умников (нетрудно догадаться — академика и его единомышленников). Назойливые рассуждения на эту тему у Сахарова — целлофановая упаковка сути его взглядов. Походя заметим — упаковка, порядком поношенная. В ней в свое время пытались всучить простакам свое кредо кадеты.

Это они именovali себя «мозгом нации» и на этом основании взывали к поддержке масс. Это они бурной осенью 1917 года оклеили города России призывами голосовать на выборах в Учредительное собрание за

на» («Новое время», 26 ноября 1947 года) воздавалось должное деятельности Эйнштейна, который «неоднократно поднимал голос против гитлеровских варваров, а в послевоенный период против опасности новой войны, против стремления американских монополистов полностью подчинить себе американскую политику. Советские ученые, как и вся советская общественность, приветствуют эту деятельность ученого, движимую искренним гуманизмом».

Но разговоры о мировом правительстве, констатировали Вавилов, Иоффе, Семенов и Фрумкин, «представляются нам не только неверными, но и опасными для дела мира, за которое хочет бороться Эйнштейн». И далее объяснялось, что означает лозунг мирового правительства в современных условиях: «Лозунг наднационального сверхгосударства прикрывает громко звучащей вывеской мировое господство капиталистических монополий... Ирония судьбы привела Эйнштейна к фактической поддержке планов и устремлений злейших врагов мира и международного сотрудничества. Именно потому, что мы так высоко ценим Эйнштейна и как крупнейшего ученого и как общественного деятеля, мы считаем своим долгом сказать это с полной откровенностью, без всяких дипломатических прикрас...»

В самом деле, какие же блага принесет «мировое правительство» человечеству, помимо железной пяты монополистического капитала США? Очень многое, заверяет Сахаров. Сославшись на опасности «технократии», о которой упоминает Н. Винер в книге «Кибернетика», и помянув его книгу, откестившись от желания превращать людей «в куриц или крыс» с вживленными в мозг электродами для контроля над их поведением, Сахаров открывает именно такие перспективы перед всеми людьми. Вот как сказано черным по белому: у мирового правительства будет множество возможностей, ибо с момента его создания «успехи биологических наук (в этот и последующие периоды) дадут возможность эффективно контролировать и направлять все жизненные процессы на биохимическом, клеточном, организменном, экологическом и социальном уровнях, от рождаемости и старения до психических процессов и наследственности включительно».

Веселенькую перспективу готовят «технократы»! Вот куда выводит кадетская идеология в эпоху научно-технической революции! Мир живых роботов под бдительным оком и надзором олигархии денежного мешка...

Описанное теоретическое кредо «диссидентов» лежит в основе их практики — подрывной работы против Родины. Приемы и методы ее разнообразны, но превалируют в последнее время прямые обращения к руководящим кругам Запада с почтительной просьбой усилить давление на Советскую страну. Сахаров, как и другие, просит Вашингтон «давить» на СССР по всем линиям.

«Диссиденты» воюют против «коммунизма», но наносят ущерб всем нам, до последнего человека. Ибо от разрядки напряженности, расширения торгов-

концепции о «викингах», у нас, советских людей, сомнений не вызывает. Но работа «диссидентов» очень ободряет определенные круги на Западе; в великой стране якобы существуют внутренние разногласия, СССР-де — колосс на глиняных ногах. Значит, наконец достигнуто то, на что веками надеялись враги нашей страны: подорвано единство народа. Разве не учил К. Клаузевиц на примере похода Наполеона на Россию:

«Россия не такая страна, которую можно действительно завоевать, т. е. оккупировать; по крайней мере этого нельзя сделать ни силами современных европейских государств, ни теми 500 000 человек, которых для этого привел Бонапарт. Такая страна может быть побеждена лишь собственной слабостью и действием внутренних раздоров. Достигнуть же этих слабых мест политического бытия можно лишь путем потрясения, которое проникло бы до самого сердца страны... Поход 1812 г. не удался потому, что неприятельское правительство оказалось твердым, а народ остался верным и стойким, т. е. потому, что он не мог утаться».

Стратеги Пентагона в обучении американского офицерского корпуса на опыте второй мировой войны постоянно цитируют это место из трудов Клаузевица, не уставая повторять: «Поймите, как дорого заплатили немцы за игнорирование этого ключевого совета Клаузевица».

Деятельность «диссидентов» в современных условиях — явная попытка исправить промахи врагов нашей страны, приглашение проводить самый жесткий курс против Советского Союза.

Какие бы гневные слова ни произносили, и вполне заслуженно, в адрес Сахарова, по-человечески его жалко. Он нанес и продолжает наносить ущерб нашему народу и государству. Но далеко не все следует относить за счет только его злой воли, хотя она налицо. Сахаров и жертва тех интриг, которые сплели и плетут вокруг его имени западные спецслужбы. Используя особенности его личной жизни примерно за полтора десятка последних лет (о чем дальше), провокаторы из подрывных ведомств толкнули и толкают этого душевно не уравновешенного человека на поступки, противоречащие облику Сахарова-ученого.

Мы видели, какой ослепительный ореол создала западная пропаганда по указке спецслужб Сахарову. В тысячах и тысячах материалов внушается, что он-де лучше понимает проблемы современного мира и учит, как нужно Западу вести себя в отношении Советского Союза. Попытаемся, однако, выяснить, как смотрят на Сахарова «изнутри», то есть какую оценку его концепциям общественного устройства, ведения политики дают в служебных целях те же люди, что и руководят пропагандистской кампанией по его возвеличению.

В 1981 году американский профессор Р. Пайпс издал сборник своих статей, относящихся к 1976—1980 годам. Пайпс напечатал в этом сборнике и свое интервью 1976 года, которое тогда не было опубликовано. Теперь Пайпс как бы говорит: смотрите, уже в 1976 году, когда о Сахарове говорили в захлеб, я среди своих указывал — его концепции

вздор и серьезно к нему относиться нельзя. Так вот что говорил Папс в этом интервью:

«Технари не ученые, хотя Сахаров уникален... Такие люди либо аполитичны, либо послушны в политическом отношении, и, несмотря на весь шум, поднятый нашими интеллектуалами в США, я не нахожу, чтобы они были даже мужественными... На мой взгляд, единственный результат перенесения научной методологии из науки в дела человеческие — высокомерие. Большинство ученых, которых я знаю, а среди них были и нобелевские лауреаты, получившие отличие за исследования в своих областях, сумев строжайшим образом соотносить выводы с фактами, отступают от этого принципа, стоит им вторгнуться в иные сферы. Они вламываются в политику и экономику, пребывая в жалком невежестве о сути вещей, о которых берутся рассуждать. Какова психология этого высокомерия? Случается следующее: ученые, разрешив проблему в какой-нибудь очень сложной области науки, приходят к мысли, что они способны в мгновение ока разрешить, на их взгляд, другие, куда более простые проблемы. «Дела человеческие», — заявляют они, — ничто по сравнению, скажем, с молекулами и генетическими структурами, тут все просто». Ученые считают, что мы шайка юристов, которые надумывают проблемы, где их нет. Вне всяких сомнений, я не знаю ни одного случая, когда бы ученый, экстраполировав научную методологию в философию дел человеческих, преуспел в создании таковой».

Хотя и с пропагандистскими реверансами в сторону Сахарова, Папс не исключил его из этой общей оценки роли ученого в политике, как понимают ее в Вашингтоне. Вот такой аттестат и выдан «мыслителю» Сахарову теми, кто сумел объективно поставить

чонка оказалась смысленной не по-детски и никогда не огорчала ни одного из отцов сообщением, что есть другой. Надо думать, слушалась прежде всего маму.

В 1955 году «героиня» нашего рассказа, назовем наконец ее — Елена Боннэр, родила сына Алешу. Так и существовала в те времена гражданка Киссельман-Семенова-Боннэр, ведя развеселую жизнь и попутно воспитывая себе подобных — Татьяну и Алексея. Злополучный Моисей Злотник, отбывший заключение, терзаемый угрызениями совести, вернулся в середине пятидесятых годов в Москву. Встретив как-то случайно ту, кого считал виновницей своей страшной судьбы, он в ужасе отшатнулся, она гордо молча прошла мимо — новые знакомые, новые связи, новые надежды...

В конце шестидесятых годов Боннэр наконец вышла на «крупного зверя» — вдовца, академика А. Д. Сахарова. Но, увы, у него трое детей — Татьяна, Люба и Дима. Боннэр поклялась в вечной любви к академику и для начала выбросила из семейного гнезда Таню, Любу и Диму, куда водворила собственных — Татьяну и Алексея. С изменением семейного положения Сахарова изменился фокус его интересов в жизни. Теоретик по совместительству занялся политикой, стал встречаться с теми, кто скоро получил кличку «правозащитников».

Коль скоро таковых, в общем, оказалось считанные единицы, вновь объявившиеся «дети» академика

без труда сообразили, почему. Боннэр в качестве методы убеждения супруга поступить так-то взяла в обычай бить его чем попало. Затрещинами приучала интеллигентного ученого прибегать к привычному для нее жаргону — проща говоря, вставлять в «обличительные» речи непечатные словечки. Под градом ударов бедняга кое-как научился выговаривать их, хотя так и не поднялся до высот сквернословия Боннэр. Что тут делать! Вмешаться? Нельзя, личная жизнь, ведь жалоб потерпевший не заявляет. С другой стороны, оставить как есть — забьет академика. Теперь ведь речь шла не об обучении брани, а об овладении сахаровскими долларами на Западе. Плюнули и выручили дичавшего на глазах ученого — свободу так свободу «детям».

Янкевич с Татьяной и Алексей Боннэр с Ольгой в 1977 году укатили в Израиль, а затем перебрались в Соединенные Штаты. Янкевич оказался весьма предусмотрительным — у академика он отобрал доверенность на ведение всех его денежных дел на Западе, то есть бесконтрольное распоряжение всем, что платят Сахарову за его антисоветские дела.

Он, лоботряс и недоучка, оказался оборотистым парнем — купил под Бостоном трехэтажный дом, неплохо обставил, обзавелся автомашинами и т. д. Пустил на распыл Нобелевскую премию и гонорары Сахарова. По всей вероятности, прожорливые боннэровские детки быстро подъели сахаровские капита-

Публикация в «Смене» серии очерков известного советского историка Н. Н. Яковлева «ЦРУ против нас» вызвала оживленный читательский отклик. «Узнал много для себя нового о той роли, которую империализм отводит спецслужбам и их агентуре в борьбе против социализма, против нашего государства», — пишет студент из Новосибирска Петр Ромаши. «Статьи в «Смене» помогают разобраться, какие силы стоят за клеветнической пропагандой против Советского Союза, против коммунистического мировоззрения», — отмечает в своем письме строитель из Барнаула Валерий Полуни.

В некоторых из читательских писем повторяется вопрос: а какое место в подрывной деятельности Запада против нашей страны отведено академику Сахарову, известному в прошлом физико, порвавшему с наукой, чтобы посвятить себя «крестовому походу» против собственной Родины?

Мы попросили профессора Н. Н. Яковлева ответить на этот вопрос.

его на службу интересам империализма. Как? Для этого придется вторгнуться в личную жизнь Сахарова.

...Все старо как мир — в дом Сахарова после смерти жены пришла мачеха и вышвырнула детей. Во все времена и у всех народов деяние никак не похвальное. Устная да и письменная память человечества избобилует страшными сказками на этот счет. Наглое попрание общечеловеческой морали никак нельзя понять в ее рамках, отсюда поиски тусторонних объяснений, обычно говорят о такой мачехе — ведьма.

В свое время вдовец Сахаров познакомился с некой женщиной. В молодости распущенная девица достигла почти профессионализма в соблазнении и последующем обирании пожилых и, следовательно, с положением мужчин. Дело известное, но всегда осложнявшееся тем, что, как правило, у любого мужчины в больших летах есть близкая женщина, обычно жена. Значит, ее нужно убирать. Как? «Героиня» нашего рассказа действовала просто — отбила мужа у больной подруги, доведя ее шантрапом, телефонными сообщениями с гадостными подробностями до смерти. Она получила желанное — почти стала супругой поэта Всеволода Багрицкого. Разочарование — погиб на войне. Девица, однако, никогда не ограничивалась одним направлением, была весьма предприимчива. Одновременно она затеяла роман с крупным инженером Моисеем Злотником. Но опять рядом досадная помеха — жена!

Инженер убрал ее, попросту убил и на долгие годы отправился в заключение. Очень шумное дело побудило известного в те годы советского криминалиста и публициста Льва Шейнина написать рассказ «Исчезновение», в котором сожительница Злотника фигурировала под именем «Люси Б.». Время было военное, и, понятно, напуганная бойкая «Люси Б.» укрывалась санитаркой в госпитальном поезде. На колесах раскручивается знакомая история — связь с начальником поезда Владимиром Дорфманом, которому санитарка годилась разве что в дочери.

В 1948 году еще роман, с крупным хозяйственником Яковом Киссельманом, человеком состоятельным и, естественно, весьма немолодым. «Роковая» женщина, к этому времени вооружившись подложными справками, сумела поступить в медицинский институт в Москве.

Что радости в Киссельмане, жил он на Сахалине и в Москве бывал наездами, а рядом однокурник Иван Семенов, и с ним она вступает в понятные отношения. В марте 1950 года у нее родилась дочь Татьяна. Мать поздравила обоих — Киссельмана и Семенова со счастливым отцовством. На следующий год Киссельман оформил отношения с матерью «дочери», а через два года связался с ней узами брака и Семенов. Последующие девять лет она пребывала в законном браке одновременно с двумя супругами, а Татьяна с младых ногтей имела двух отцов — «папу Якова» и «папу Ивана». Научилась различать их — от «папы Якова» деньги, от «папы Ивана» отеческое внимание. Дев-

Сахарова в числе двух человек, с его точки зрения, оказались неким подкреплением. Громкие стеноания Сахарова по поводу попрания «прав» в СССР, несомненно, по подстрекательству Боннэр, шли, так сказать, на двух уровнях — своего рода «вообще» и конкретно на примере «притеснений» вновь обретенных «детей». Что же с ними случилось? Семейка Боннэр расширила свои ряды — сначала на одну единицу за счет Янкевича, бракосочетавшегося с Татьяной Киссельман-Семеново-Боннэр, а затем еще на одну: Алексей бракосочетался с Ольгой Левшиной. Все они под водительством Боннэр занялись «политикой». И для начала вступили в конфликт с нашей системой образования — проща говоря, оказались лодырями и бездельниками. На этом веском основании они поторопились объявить себя «гонимыми» из-за своего «отца», то есть А. Д. Сахарова.

Настоящие дети академика сделали было попытку защитить свое доброе имя. Татьяна Андреевна Сахарова, узнав о том, что у отца объявилась еще «дочь», которая козыряет им направо и налево, попыталась урезонить самозванку. И вот что произошло, по ее словам: «Однажды я сама услышала, как Семенова представлялась журналистам как Татьяна Сахарова, дочь академика. Я потребовала, чтобы она прекратила это. Вы знаете, что она мне ответила? «Если вы хотите избежать недоразумений между нами, измените свою фамилию»...

Татьяна Боннэр, унаследовавшая отвращение математики к учению, никак не могла осилить науку на факультете журналистики МГУ. Тогда на боннэровской секции семейного совета порешили превратить ее в «производственницу». Мать Янкевича Тамара Самойловна Фейгина, заведующая цехом Мечниковского института в Красногорске, фиктивно приняла ее в конце 1974 года лаборанткой в свой цех. Где она и числилась около двух лет, получая заработную плату и справки «с места работы» для представления на вечернее отделение факультета журналистики МГУ. В конце концов обман раскрылся, и мнимую лаборантку изгнали. Тут и заголосили «дети» академика Сахарова: хотим на «свободу», на Запад!

Почему именно в это время? Мощничество Татьяны Боннэр не все объясняет. Потеря зарплаты лаборантки не бог весть какой ущерб. Все деньги Сахарова в СССР Боннэр давно прибрала. Главное было в другом: Сахаров выдали за антисоветскую работу Нобелевскую премию, на его зарубежных счетах накапливалась валюта за различные пасквили в адрес нашей страны. Доллары! Разве можно их истратить у нас? Жизнь с долларами там, на Западе, представлялась безоблачной, не нужно ни работать, ни, что еще страшнее для тунеядствующих отпрысков Боннэр, учиться. К тому же подоспели новые осложнения. Алексей при жене привел в дом любовницу Елизавету, каковую пристроили прислужой в семье.

Итак, раздался пронзительный визг, положенный различными «радиоголосами» на басовые ноты: свободу «детям академика Сахарова!» Вступился за них и «отец», Сахаров. Близко знавшие «семью»

лы, а жить-то надо! Тут еще инфляция, нравы общества «потребления», деньги так и тают. Где и как заработать? Они и принялись там, на Западе, искать рдетелей, которые помогут горемычным «детям» академика Сахарова. Тамашнему обывателю, разумеется, невдомек, что в СССР спокойно живут, работают и учатся подлинные трое детей А. Д. Сахарова. Со страниц газет, по радио и телевидению бойко вещает фирма «Янкевич и К».

В 1978 году в Венеции — шумный антисоветский спектакль. Униатский кардинал Слипый благословил «внука» академика Сахарова Матвея. Кардинал — военный преступник, отвергнутый верующими в западных областях Украины, палач львовского гетто. Мальчик, голову которого подсунили под благословение палача в сутане, — сын Янкевича и Татьяны Киссельман-Семеново-Боннэр...

Режиссер постановки шумного балагана «Дети академика Сахарова» — Елена Боннэр. Это она объявила своих великовозрастных тунеядцев его «детьми», это она провернула их денежные дела за счет нечистоплотных доходов очередного мужа, а когда средства для разгульной жизни на Западе стали иссякать, подняла вой о «воссоединении» семьи, потребовав отпустить на Запад «невесту» своего сына Елизавету, пребывавшую при Боннэр прислужой. «Невестой» она стала по той простой причине, что Алексей, попав на Запад, расторг брак с женой Ольгой Левшиной, которую с большим скандалом увез в западный «рай».

Газета «Русский голос», выходящая в Нью-Йорке, еще в 1976 году закончила обширную статью «Мадам Боннэр — «злой гений» Сахарова?» ссылкой на «учеников» физика, которые говорили зарубежным корреспондентам: «Он сам лишен самых элементарных прав в своей собственной семье». Один из них, с болью выдавливая слова, добавляет: «Похуже на то, что академик Сахаров стал «заложником» сионистов, которые через посредничество вздорной и неуравновешенной Боннэр диктуют ему свои условия».

Живет нынче в городе Горьком на Волге в четырехкомнатной квартире Сахаров. Замечены регулярные перепады в его настроении. Спокойные периоды, когда Боннэр, оставив его, уезжает в Москву, и депрессивные — когда она наезжает из столицы к супругу. Приезжает, побывав в Москве в посольстве США, встретившись с кем-то, аккуратно получив за него академическую заработную плату. Засим следует коллективное сочинение супругами какого-нибудь пасквиля, иногда прерываемое бурной сценой с побоями. Страдающая сторона — Сахаров. К тому же он понимает, что он боль и горе наше. И куражится.

Вот на этом фоне я бы рассматривал очередные «откровения» от имени Сахарова, передаваемые западными радиоголосами. Почему «от имени»? Подвергнув тщательному, если угодно, текстологическому анализу его статьи и прочее (благо по объему не очень много), не могу избавиться от ощущения, что немало написано под диктовку или под давлением чужой воли...

БОТАНИЧЕСКИЙ САД. ВИД С ВЕРХУ.

ЦВЕТЫ ПОНИМАЮТ,

Елена ГОЛОВАНЬ.
Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

В предзакатных сумерках из лосиного острова леса по дороге в центр Москвы шли лоси. Копыта гулко стучали по пустынному асфальту. Мимо домов и строек, через мосты и перекрестки семья лесных великанов шествовала километром пять. Когда город проснулся, они были у чугунных ворот с вывеской: «Главный ботанический сад Академии наук СССР». Уверенно, как к себе домой, лоси вошли туда и скрылись за деревьями, ничуть не смущаясь, что пришли не в лес, а в крупное научно-исследовательское учреждение. Впрочем, не они одни. Так же по-хозяйски чувствуют себя в искусственном пруду ондатры. Дикие утки даже зимой не хотят улетать отсюда, белки и зайцы — те просто остались тут с той поры, когда ботанический сад был продолжением подмосковного леса.

Первые сотрудники сада появились здесь, на окраине Москвы, весной 1945 года. Пришли с лопатами: предстояло наводить порядок на

заповедной отныне территории. А тут стояли в рощах зенитные пушки, на полянах зеленели грядки деревенских огородов. Шестидесятый по счету новый ботанический сад должен был стать главным центром и координатором научной работы.

Но сначала остальные пятьдесят девять направили сюда посылки с семенами, гербариями, живыми экспонатами и книгами.

Почти двенадцать тысяч видов и разновидностей растений посажено здесь. Весной, когда в ботаническом саду чистят и пропалывают, рабочие то и дело взывают к компетентным сотрудникам: «Скажите — это растение или трава?» Выдернешь ненароком невидный лопушок, а потом окажется, что это был редчайший представитель флоры Дальнего Востока. Рядом с подорожником из земли показывается тугой зеленый крепыш. Пройдет два месяца, и он превратится чуть не в пальму: это сахалинский дудник высотой в три-четыре метра. Вместе с травой из влажной земли проклюнется слабый росточек, пригнет майское солнце — и зажжется на стебельке огонек дикого тюльпана: всего на два месяца позже, чем в родной среднеазиатской пустыне. Многие растения здешний климат и условия принимают легко, иные же

заставить расти, цвести и плодоносить на чужой земле — дело долгое и трудное. Поэтому акклиматизация и интродукция — одна из важнейших задач, поставленных перед Главным ботаническим садом.

Никому сейчас не придет в голову называть экзотичными конские каштаны, которых полно на бульварах всех европейских городов. А когда-то ботанические сады привозили семена только из Греции. Оттуда же родом сирень. Из Италии на газоны всего мира перекочевали гиацинты, из Африки — гладиолусы, из Азии — пионы. Все комнатные растения — из субтропиков, тропиков и пустынь, и переселились они когда-то на новые места благодаря трудам ботаников.

В отделе тропической флоры есть оранжерея, куда имеют доступ всего два-три человека. Один из них — Татьяна Васильевна Якимова. В ее обязанности входит холить и лелеять деревья, полученные из семян. Слово «дерево» чересчур солидно для таких былинки, все равно что по имени-отчеству называть ясельных малышек. Татьяна Васильевна показывает на крошку-баобабчик. В обыкновенном цветочном горшке начинается тысячелетняя биография могучего дерева.

— Араукария араукана, самое высокое в

КРУГЛЫЙ ГОД ПОЛЫХАЮТ ОРАНЖЕРЕЙ БОТАНИЧЕСКОГО САДА ВСЕМИ ЦВЕТАМИ ПРИРОДЫ.

мире дерево. — Татьяна Васильевна останавливается возле растения высотой с куст картошки. — Если соблюдать все условия, то через много лет крона араукарии может сравняться с крышей двенадцатизатяжного дома.

Сажать, рыхлить, пропалывать и удобрять — все это научные сотрудники ботанического сада делают наравне с рабочими.

— Что загрустили? Водички захотелось? Сейчас, погодите... — Голосом старой доброй няни приговаривает над своими нежными питомцами цветовод Ирина Агаджанян. Эта милая молодая женщина может часами вдохновенно рассказывать о своей работе, но в разговоре смущенно прячет руки:

— Понимаете, никак не отмываются. Пробовала в перчатках: не получается, пальцы будто слепые. Пришлось перчатки забросить.

Ирина в ботаническом саду работает больше десяти лет. Первая запись в трудовой книжке — «садовая рабочая». Сдала экзамены на биофак МГУ. Получив диплом, верну-

КТО ИХ ЛЮБИТ

лась на старое место. Сейчас она младший научный сотрудник, готовит кандидатскую диссертацию. Но цветам безразлично, какая у тебя ученая степень, а вот человеческие руки они чувствуют прекрасно. Поэтому стаж работы в ботаническом саду можно определить по рукам, как возраст дерева — по его срезу: узловатые, с грубой кожей, поистине крестьянские руки у этих людей — докторов и кандидатов наук.

ВЫШЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОСТА РАСКРЫЛИСЬ ПАРАШЮТЫ ЗОНТИЧНЫХ.

БЕЛКИ, ЖИВУЩИЕ В САДУ, ДАВНО УЖЕ НЕ БОЯТСЯ ФОТООБЪЕКТИВА.

В НАУЧНЫХ ЛАБОРАТОРИЯХ ГЛАВНОГО БОТАНИЧЕСКОГО САДА АКАДЕМИИ НАУК СССР ИССЛЕДУЮТСЯ ПУТИ АККЛИМАТИЗАЦИИ РАСТЕНИЙ.

ЗНАМЕНИТАЯ ВИКТОРИЯ-КРУСА ПРЕКРАСНО СЕБЯ ЧУВСТВУЕТ В ИСКУССТВЕННЫХ БАССЕЙНАХ.

У ОСЕНИ СВОИ ОТТЕНКИ.

Дикие растения — ценный генофонд для получения гибридов. В ботаническом саду коллекции диких сородичей культурных растений все время пополняются. Тут, кстати, можно познакомиться с вегетарианским меню первобытного человека: на грядке помидоры величиной с горошину, капуста в несколько листиков без кочана и другие щедрые предки огородных культур. А рядом — богатый вид их многочисленных потомки: одной только капусты человечество создало около трехсот сортов.

Лет десять назад, накануне Восьмого марта, в Норильске передача телевидения была прервана экстренным сообщением: «Внимание всех мужчин! К нам из Ботанического сада доставлены гладиолусы». В городе стужа минус 60, полярная ночь, все равно через полчаса у магазинов выстроились очереди из морозоустойчивых норильских рыцарей.

Доброй феей, устроившей норильчанам праздник, был Николай Райков, куратор отдела цветоводства в Ботаническом саду. Внешне он, правда, похож не на фею, а на большого и добродушного медведя. Однако цветы любит, как нежная девушка.

В Заполярье он тогда прилетел не только с укутанными в одеяло цветами. Его команди-

ЗВЕЗДЫ ЦВЕТУЩИХ КАКТУСОВ.

ровали на Норильский металлургический комбинат, чтобы внедрить там новую разработку отдела: светокультуру цветов. Сейчас в Норильске цветы в магазинах — уже не редкость.

Теперь, в общем-то, реклама новому делу не нужна: Ботанический сад получает столько заявок, что с трудом управляется. На очереди — аэропорт в Якутии, машиностроительный завод в Брянске, колхозы и совхозы страны. В отделе цветоводства — методический центр. Тут учат, показывают, советуют.

Есть в Ботаническом саду участок, названный садом непрерывного цветения. Растения здесь подобраны так, что от первых весенних дней до снегопада не прекращается праздник цветов: не успевают завянуть одни, распускаются бутоны других. И то, что создано селекционерами, не просто выставка. Каждый год сотни тысяч саженцев, семян, семян Ботанический сад рассылает по всей стране. Их с нетерпением ждут в озеленительных организациях, цветоводческих совхозах и колхозах, чтобы садом непрерывного цветения сделать города и поселки.

КОНКУРС ЭРУДИТОВ «ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО»

Итоги первого тура

Внимательно изучая почту конкурса, жюри отметило, что многие участники на большинство вопросов дают обстоятельные, глубокие ответы.

Подвести итоги тура было непросто. Восемь читателей правильно ответили на все пятнадцать вопросов, а еще около пятидесяти — на четырнадцать. Жюри пришлось учитывать не только обстоятельность ответов, но и оформление работ. Особенно тщательно были изучены ответы на самые трудные вопросы.

Лучшей жюри признало работу читательницы Г. Гетманской из Омска. Она награждена двухтомником стихов Ф. Тютчева. Е. Федоровой из Днепропетровска присужден альбом «Москва». В. Вахарев из Златоуста, В. Ващенко из Днепропетровска, И. Кутейников из г. Одицова Московской области, С. Лолопуло из г. Калинин, А. Никитина из г. Сосновый Бор Ленинградской области, Е. Онкина из Москвы, А. Романов из Иванова, Л. Романова из г. Шостка Сумской области, А. Русецкий из Минска, В. Самолов из Кишинева, П. Старостин из Тамбова и Я. Сухачевский из Новокузнецка награждены книгой «Сын России». Все победители, кроме того, награждены Почетными дипломами «Смены». Ими отмечены также Л. Артамонова из Ярославля, В. Баканов из Свердловска, В. Власенко из Хабаровска, Е. Бахтин из Пскова, В. Даничек из Днепропетровска, В. Залкинд из Таллина, Н. Квасов из Ленинграда, Е. Краснов из г. Алатыря Чувашской АССР, В. Левинзон из Чернигова, Л. Межевич из Новокуйбышевска, Т. Початкина из Орла, В. Соломахина из Воронежа, Ю. Студенцов из Ленинграда, А. Тункель из Уфы и В. Шкилев из г. Миасса Челябинской области.

Жюри сочло возможным отметить Почетными дипломами также работы супругов А. Замятиной и Г. Пузырева из села Мужы Ямало-Ненецкого национального округа и В. Чунтоновой из Норильска, содержащие по тринадцать полных ответов на вопросы.

Редакция поздравляет победителей первого тура и благодарит всех, кто принял в нем участие.

Итак, ответы на вопросы первого тура конкурса «Литература и искусство»:

1. Назовите известную актрису, чей портрет запечатлели на полотнах такие художники, как И. Е. Репин, И. Н. Крамской, М. В. Добужинский. Она была большевичкой и выполняла ответственные задания. Рекомендацию в партию и партийную кличку «Феномен» ей дал В. И. Ленин.

— Мария Федоровна Андреева, жена и друг А. М. Горького.

2. Все знают слова А. П. Чехова: «Хорошее воспитание не в том, что ты не прольешь соуса на скатерть, а в том, что ты не заметишь, если это сделает кто-нибудь другой...» Из какого произведения эти слова?

— Из популярного рассказа, входящего практически в каждый однотомник писателя, «Дом с мезонином».

3. В Москве, за Заставой Ильича, лежит знаменитый Владимирка — крестный путь Радищева, декабристов, народолюбцев. Ей посвятил картину художник-передвижник. Кто именно?

— И. И. Левитан.

4. Кто и где впервые поставил памятник А. С. Пушкину?

— Его поставила в 1839 году на Аллее воспоминаний своей виллы, близ Рима, известная русская общественная деятельница Зинаида Александровна Волконская. А. С. Пушкин хорошо знал ее и посвятил ей стихотворение «Среди рассеянной Москвы».

5. Академик И. Грабарь хорошо знал и тонко понимал древнерусскую живопись. В рублевской «Троице» он усмотрел народное начало и очень поэтично охарактеризовал ее. Как именно?

— И. Грабарь считал «Троицу» А. Рублева «совершеннейшим из всех произведений древнерусской живописи, довеле нам известных. Стоя перед ней в благоговейном оцепенении, ясно понимаешь, что такая красота подлинно чудотворна, ибо действительна».

«Троица» способна «вызвать у зрителя сладостное воспоминание о зеленом, слегка бурюющем поле ржи, усеянном васильками».

6. Судьба этого писателя схожа с судьбой Николая Островского. Оба учились в одном техническом училище и в те же годы состояли в одной комсомольской организации. Но друг друга они не знали. Этот писатель, как и его знаменитый современник, был прикован к постели тяжелой болезнью и тоже написал известную книгу, за которую ему посмертно была присуждена республиканская премия имени Н. Островского. Назовите писателя и его книгу.

— А. М. Бойченко. Он написал повесть «Молодость».

7. Этому героическому народному эпосу немногим больше тысячи лет. Герой его — сын царя, но ему пришлось жить среди народа, быть пастухом. Возглавив борьбу с завоевателями, он отказывается от сражения с вражеским ополчением и вызывает на поединок его предводителя. Победив его, он обращается к чужеземцам со словами: «Я не хочу чужого добра, я не стремлюсь завоевать чужие земли, вернитесь в свой край и займитесь честным трудом». Назовите этот эпос. Какие известные поэты создали по его мотивам крупные поэмы?

— Армянский героический народный эпос «Давид Сасунский». По его мотивам О. Туманян написал поэму «Сасунци Давид», А. Исаакян — «Мгер из Сасуна».

8. Опера выдающегося композитора была исполнена всего один раз — в 1775 году. Потом она исчезла на два столетия. В одном из музыкальных справочников о ней сказано: «...То ли она сгорела во время пожара, то ли тайно исчезла». Но несколько лет назад ее нашли в ленинградской Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина. В ноябре минувшего года ее поставил один из московских театров. Назовите композитора, оперу и театр, который ее поставил.

— Опера Й. Гайдна «Неожиданная встреча», само название которой в данном случае символично. Ее поставил коллектив Камерного музыкального театра под руководством Б. Покровского.

9. Обладатель докторской степени в четырех областях знаний, музыкант и самый большой в XX веке знаток органов, гуманист, он большую часть жизни посвятил практической помощи людям. На-

зовите этого человека и книгу, в которой он выдвинул этический принцип «благоговения перед жизнью».

— Альберт Швейцер. Принцип «благоговения перед жизнью» он выдвинул в изданной у нас книге «Культура и этика».

10. Какой римский историк и писатель II века и в каком своем сочинении рассказывает историю о Цезаре, который, высаживаясь с корабля на африканский берег, оступился и упал, что у римлян считалось скверным предзнаменованием. Но Цезарь не растерялся. Обхватив землю, на которую упал, он воскликнул: «Ты в моих руках, Африка!»

— Гай Светоний Транквилл в своем главном сочинении «Жизнь двенадцати цезарей» (в другом переводе — «О жизни двенадцати цезарей»).

11. Не секрет, что Мольер некоторые сцены для пьесы «Плутни Скапена» почти целиком взял у своего соотечественника, которому, в свою очередь, посвятил героическую пьесу известный французский драматург XIX—XX веков. Назовите обоих драматургов.

— Сирано де Бержерак и Эдмон Ростан.

12. Название какого древнего города стало символом, означающим красоту? Какой город в нашей стране образно называют его именем?

— Древнего города Пальмиры на территории современной Сирии. Северной Пальмирой образно называют Ленинград.

13. В произведениях мировой литературы и искусства часто упоминаются семь чудес света. Расскажите о них.

— Это египетские пирамиды, храм Артемиды в Эфесе, Мавзолей в Галикарнасе, «висячие сады» Семирамиды в Вавилоне, статуи Зевса в Олимпии и Гелиоса в Родосе (Колосс Родосский), маяк в Александрии.

14. Во многих наших и зарубежных городах есть памятники, посвященные героям литературных произведений. Где и когда установлен памятник героям книги Марка Твена — Тому Сойеру и Геку Финну? Кто его автор? Каким литературным героем и где установлены памятники в нашей стране?

— Памятник Тому Сойеру и Геку Финну поставлен в 1926 году на родине Марка Твена, в городе Ганнибал. Создала памятник скульптор Фредерик Хиббард. В нашей стране памятников литературным героям много. Например, близ Выборга есть статуя Вейнемейнена — героя «Калевалы»; в Ереване стоит памятник Давиду Сасунскому; в Путивле установлен памятник Ярославле — героине «Слова о полку Игореве»; на площади перед Московским дворцом пионеров есть памятник Мальчищу-Кибальчищу.

15. Говорят, в этой стране каждый второй пишет стихи. Уже в X веке здесь была учреждена Академия поэзии. С далекой древности в стране выходят поэтические антологии. Особенно популярны здесь два жанра с точно определенным числом слогов в стихе. Назовите страну и эти жанры.

— Япония. Первая поэтическая антология — «Манъёсю» («Собрание мириад листьев») вышла в VIII веке. В 1971 году она вышла у нас в издательстве «Наука». Самые популярные поэтические жанры в Японии — танка и хокку (хайка). Танка — это пятистишие из 31 слога (5+7+5+7+7), хокку — трехстишие из 17 слогов (5+7+5).

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

Вот и подошла к концу наша юбилейная шахматная олимпиада, длившаяся семь месяцев. Сегодня мы публикуем задания последнего тура. Просим участников олимпиады в своих ответах подчеркнуть главные варианты решения этих заданий.

Напомним читателям «Смены», что в нашем заочном соревновании установлены квалификационные нормы для получения

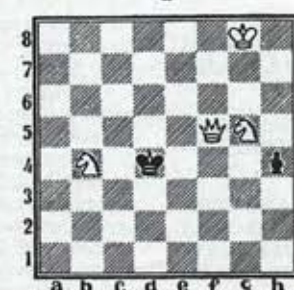
спортивных разрядов по шахматам: 32 балла для получения четвертого, 52 балла — третьего, 92 балла — второго разряда. Справки о присвоении спортивного разряда будут высылаться после подведения итогов олимпиады, которые мы опубликуем в последнем номере журнала «Смена» за 1983 год.

Четырнадцатый тур

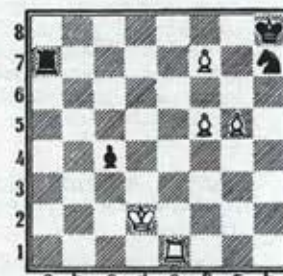
Белые: Kpg8, Фg6, Лd5, Cd7, Kd1, Kd4, п. a3 (7).
Черные: Kрс4, Cf1, Cg1, Ke1, Kh1, пп. a6, b7, e3, e7, g2 (10).
Белые начинают и дают мат в 3 хода (2 балла).

II

Белые: Kpg8, Фf5, Kb4, Kg5 (4).
Черные: Kрд4, п. h4 (2).
Белые начинают и дают мат в 5 ходов (2 балла).

III

Белые: Kpd2, Le1, пп. f5, f7, g5 (5).
Черные: Kрh8, Ла7, Kh7, п. c4 (4).
Белые начинают и выигрывают (2 балла).

IV

Белые: Kрf1, Лd2, Cc2, п. b4 (4).
Черные: Кра2, Cb7, Kd5, пп. a7, d6, d7, f2 (7).

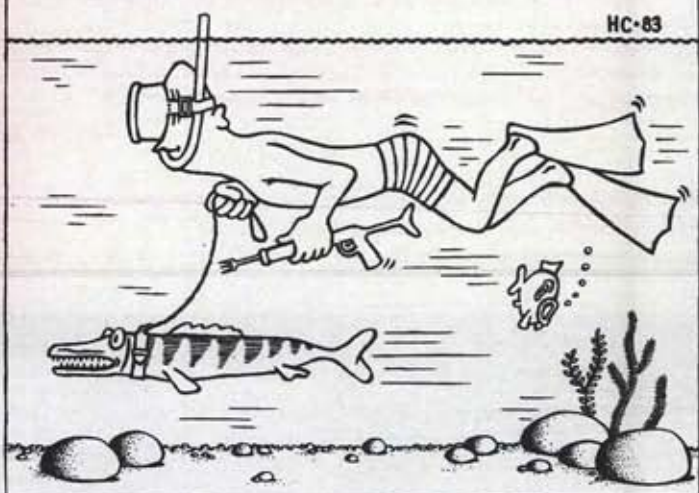
Белые начинают и выигрывают (3 балла).

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов) с пометкой «25-я шахматная олимпиада. 14-й тур». Последний срок присылки ответов — 20 сентября (по почтовому штемпелю). В №15—22 будет проведен шахматный конкурс «Смены». Его условия мы опубликуем вместе с первым заданием в № 15.

Дорогие читатели, ждем ваших рисунков — остроумных, веселых, ироничных. Жюри рассматривает все работы, присланные до 1 ноября 1983 года.

Рисунок Сергея НЕЧАЕВА, Москва

ПРОХОДИТЕ, МЫ ВЧЕРА КУПИЛИ ЕЩЕ ОДНУ КНИЖКУ...

Рисунок Игоря НОРИНСКОГО, Москва

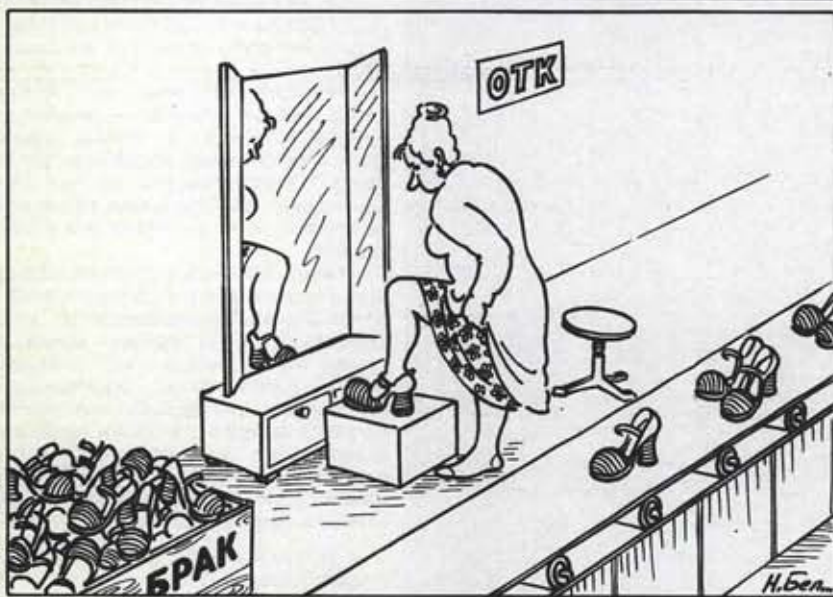
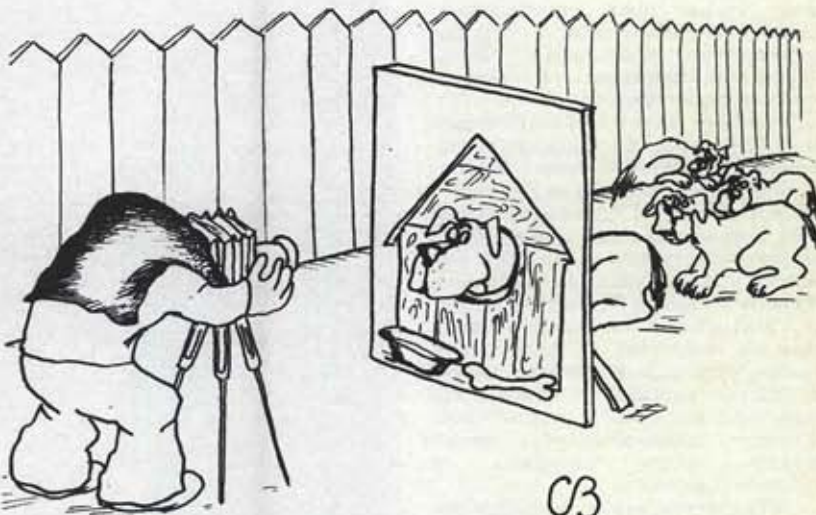

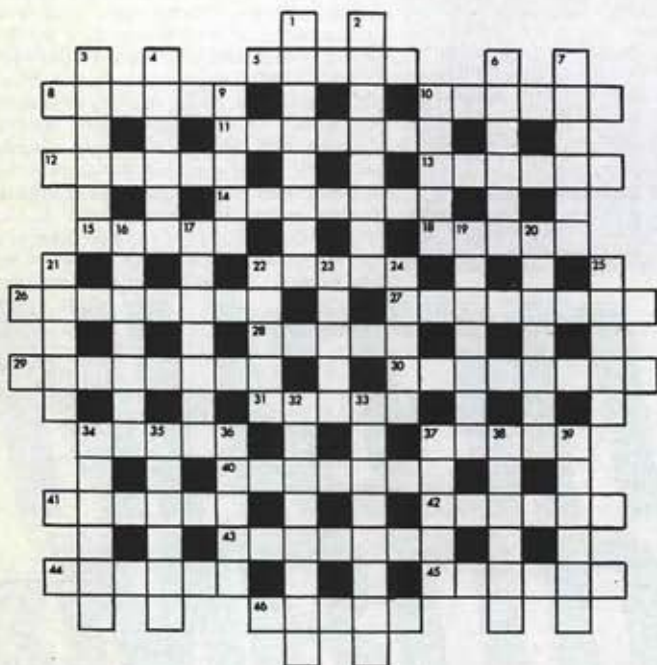
Рисунок Николая БЕЛЕВЦЕВА, Белгород

Рисунок Виктора СКОПИНЦЕВА, Пермь

К Р О С С В О Р Д

Составил Л. БИРЮК, Ленинград

По горизонтали:

5. Мелкие бусы для вышивания. 8. Южное дерево. 10. Повесть Т. Г. Шевченко. 11. Лекарственное растение. 12. Горная цепь. 13. Воин средневековых армий. 14. Озеро в Новгородской области. 15. Популярный советский киноартист. 18. Компонент лакокрасочных материалов. 22. Узкий морской залив. 26. Видный итальянский деятель коммунистического движения. 27. Величина, характеризующая электромагнитное поле. 28. Разность между диаметрами вала и отверстия, в которое он запрессован. 29. Город в Японии. 30. Вступление к опере, оперетте. 31. Сильный порыв ветра. 34. Безворсовый ковер. 37. Персонаж сказки А. Н. Толстого «Приключения Буратино, или Золотой ключик». 40. Тригонометрическая функция. 41. Медленный музыкальный темп. 42. Химический элемент. 43. Итальянский математик, философ и врач XVI века. 44. Геометрическая овальная замкнутая линия. 45. Украинская и русская писательница XIX века. 46. Марка чехословацкого автомобиля.

По вертикали:

1. Итальянский композитор XVIII века. 2. Единица длины. 3. Декоративная композиция из цветного стекла. 4. Закрытая площадка железнодорожного вагона. 6. Советский космонавт. 7. Спортивное оружие. 9. Часть бухгалтерского баланса. 10. Бальный танец. 16. Южноамериканское домашнее животное. 17. Город в Чехословакии. 19. Крупный хищник. 20. Устройство для обнаружения дальнего объекта. 21. Драгоценный камень. 22. Заключительная часть спортивного соревнования. 23. Опорная часть сооружения. 24. Река на острове Новая Гвинея. 25. Струнный музыкальный инструмент. 32. Договор, соглашение. 33. Старинное рубящее оружие. 34. Порода комнатных собак. 35. Спортсмен. 36. Единица кинематической вязкости. 37. Областной центр РСФСР. 38. Древнерусский сосуд для меда и других напитков. 39. Один из первых русских рабочих-революционеров.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПУБЛИКОВАННЫЙ В № 13

По горизонтали:

1. Рогоз. 4. Нырок. 7. Зимолюбка. 10. Камышовка. 12. Мята. 13. Побег. 14. Хорда. 15. Гнус. 18. Молекула. 20. Ботаника. 21. Аркан. 22. Аргали. 24. Корова. 25. Инкубатор. 27. Мирабилис. 30. Пастер. 31. Колеус. 33. Ливер. 35. Скополия. 36. Саговник. 37. Хлев. 38. Чилим. 39. Цицин. 40. Зона. 44. Бенинказа. 45. Арабиноза. 46. Такса. 47. Коала.

По вертикали:

1. Ризом. 2. Гематома. 3. Зола. 4. Ниша. 5. Равенсара. 6. Класс. 8. Брокколи. 9. Ареола. 10. Кротон. 11. Медiator. 16. Влага. 17. Питон. 19. Араукария. 20. Баланитес. 23. Инжир. 24. Котик. 26. Истод. 27. Мелозира. 28. Соломина. 29. Зерно. 30. Пастернак. 32. Сакколома. 33. Лисица. 34. Ракита. 37. Хобот. 41. Арама. 42. Инка. 43. Цирк.

КЛУБ «Музыка с тобой»

«В апреле были на концерте Джанни Моранди в Лужниках. Наконец-то этот прекрасный певец опять на эстраде. Почему у него был такой большой перерыв в выступлениях? Какие творческие планы у певца на будущее?»

А недавно узнали, что Моранди активно включился в движение сторонников мира, награжден медалью Советского фонда мира. Расскажите подробнее об общественной деятельности певца.

**Супруги ВАНЕЕВЫ,
Москва».**

К этой просьбе присоединяются еще свыше шестидесяти читателей клуба «Музыка с тобой».

Гаснет свет прожекторов на сцене, остается только островок света. И—Джанни Моранди. Тишина, слышно, как он перебирает струны гитары. «Я один на балконе последнего этажа,—начинается песня.—Как грустно чувствовать себя таким неподвижным и потерянным перед маленьким цветным экраном телевизора... Тебе хочется летать, а ты сидишь неподвижно...»

Первая песня Моранди, вернувшегося в конце 1982 года на эстрадную сцену Италии после шестилетнего «молчания». «Ты—поэт?»—спросил корреспондент итальянской газеты «Унита» у Моранди. «Я—коммунист»,—ответил Джанни.

«Ему всегда было что сказать людям как в 60-е годы, так и сейчас, этому «парню с открытым сердцем». Лучшему другу всех итальянцев...»—замечает журналист. И соотечественники певца подтвердили эти слова. После недавнего фестиваля в Сан-Ремо они послали в жюри конкурса миллионы открыток с именем Моранди. Его песню «Мой самый любимый недруг» жюри не включило в число шести лучших, протащив в «звезды» песенки, угодные дельцам от музыки. Но итальянцы, как писали газеты, «восстановили справедливость»: песню Моранди жюри поставило на «звездное» место.

— Лирические песни, которые издавна поют в Италии,—размышляет Моранди о «своем самом любимом недруге»,—необходимы людям. Особенно сейчас, когда существует опасность войны против человечества. Они делают людей добрее и мудрее. Человек, поющий о любви, о дружбе, не будет убивать... Музыка, песни должны служить идеалам гуманизма.

— Джанни, а какая ваша самая любимая песня?—спрашиваем мы певца в антракте концерта в Лужниках, когда он согласился ответить «только на один вопрос».

— Моя самая любимая и самая главная песня «Жил-был парень»,—говорит Моранди и добавляет:—Я пою ее много лет. Но в декабре прошлого года в Риме, участвуя в Марше мира и протестуя вместе с его многочисленными участниками против планов Рейгана превратить Италию в базу для своих ядерных ракет, я особенно почувствовал, что эта песня—мое оружие. С какой радостью я исполнил ее на Марше мира в Риме, а потом здесь, в Москве...

Фото Леониды ПАЗАРЕВА

Жил-был парень,
Который, как и я,
Любил песни «Битлз»
И «Роллинг стоунз».
Он пел: «Да здравствует свобода!»
Но его отправили воевать
Во Вьетнам...
Он сменил гитару на автомат.
Но его убили...
И только гитара поет о нем—
О парне, который, как и я,
Любил петь...—

пел Джанни Моранди на главной площади Рима—Пьяцца дель Попполо. И в центре древней и вечно молодой столицы словно проснулся вулкан. И взметнул в зимнее потемневшее небо Италии сотни голубей.

Джанни Моранди повторит ее на «бис» в переполненном зале Дворца спорта советской столицы в апреле, в мае—уже в Милане, на самой большой площади города—Пьяцца дель Дуома, перед знаменитым собором Ла Скала, на концерте в пользу Итальянского фонда мира. Словно продолжая Марш народов, вставших на защиту мира.

— Спасибо. Я всех вас люблю! «Мир, любовь, дружба!»—говорит по-русски Моранди со сцены Дворца спорта, отбрасывая падающую на лоб челку. Алый галстук на его груди—словно язык пламени, правая рука крепко сжата в интернациональном салюте...

Джанни Моранди родился в маленьком итальянском городишке близ Болоньи в семье сапожника в год, когда кончилась вторая мировая война. «В нашей семье любили петь народные песни,—рассказывает Джанни.—Когда я подросток, отец посылал меня петь на местных праздниках. Там и кормили и давали денег. В 13 лет начал «гастролировать» по области Эмилья-Романья со «своим» оркестриком, зарабатывая деньги для семьи».

— И что привело вас на большую эстраду, Джанни?

— Меня «открыл» поэт Франко Мильяччи. Именно с песней на его слова «Я ехал со скоростью 100 километров в час» состоялся мой дебют. В 1961 году вышла моя первая пластинка, где была эта песня и еще «Гоу-карт твист». То было время мифов, и я был одним из них—«простым итальянским парнем с гитарой».

— Что же произошло шесть лет назад?

— Видите ли, когда в 60-е годы я пел «Глаза девушки», «На коленях перед тобой», «Игрушка», это всех устраивало. И продюсеров, и импресарио, и слушателей. Только давайте оговоримся: каких слушателей? Тех, кто брал за образец чужеземные шлягеры, преимущественно американские, поклонялся в первую очередь им, а от итальянских исполнителей требовал абсолютного копирования. Но не надо забывать, что у нас, итальянцев, есть все основания гордиться своей, национальной песенной традицией. Я был уверен, что эта

Джанни Моранди: «МОИ ПЕСНИ НУЖНЫ ЛЮДЯМ»

традиция жизнеспособна. Требовалось кое-кому доказать прописные истины. Но меня, «деревенского парня», разве слушали бы? Пришлось на время оставить сцену, забыть дорогу в студию грамзаписи и поступить в Римскую музыкальную академию Санта Чечилия. Когда начинала учиться, дал себе слово вернуться на сцену, ибо без нее уже не мог. И вот «парень с гитарой» перед вами.

А хочу быть «классическим» певцом эстрады, неподвластным моде и вкусу. Я стремлюсь отойти от чуждых итальянской народной песни шлягеров. Сейчас вместе с поэтом Джулио Моголом, который пишет слова к моим песням, я работаю над созданием репертуара «классического певца», которого ни с кем не перепутаешь и который действительно нужен людям.

Джанни Моранди относится к песне не только как к развлекательному жанру. В ней он видит действенное средство политической борьбы. В его маленьких рассказах под гитару — радость, печаль и надежды простых итальянцев. Они словно калейдоскоп, картинка повседневной жизни с ее радостями и заботами, проблемами и противоречиями. «Если после моего концерта люди узнают нечто новое об Италии и итальянцах, значит, сделан еще один шаг по пути достижения взаимопонимания между народами», — считает певец. Тысячу раз он прав, когда утверждает, что человек, поющий о любви и дружбе, никогда не возьмет в руки оружие и не пойдет убивать.

Моранди мог бы еще рассказать, как травил его пресса за то, что он «связался с коммунистами». После того, как в 60-е годы в репертуаре певца появилась песня «Мир переменится», его прозвали «мафиозо» и «коммунист-миллионер». Импресарио старался до минимума свести контакты своего подопечного с желавшими написать правду о нем журналистами. Но интервью, где Моранди недоумевал, «почему у нас, в Италии, люди так беспечно относятся к своим политическим обязанностям?», появлялись. И тогда его, что называется, «спрятали за высокой стеной» в доме на фешенебельной Виа Номентана под Римом.

— Однажды, кажется, в 1971 году, должны были состояться мои концерты в театре Вигорелли. Наверное, организаторы решили подстраховаться, но скорее они решили одним выстрелом убить двух зайцев: «совместили» меня с группой «Лед

Зеппелин», суперзвездами «тяжелого рока», — вспоминает Моранди. — Это был драматический вечер. Выйдя на сцену, я почувствовал безумство зала, оглушенного роком. Какое дело было этим юнцам до своего соотечественника, поющего на родном итальянском. Я именно тогда понял: надо бежать...

Он не бросил сцену именно тогда, хотя мог это сделать немедленно. «Не хотел огорчать своих родителей, которые научили меня петь, вывели в люди и мечтали о славе своего сына», — признавался Джанни. Ушел в театр, начал сниматься в кино у Пьетро Джерми, всерьез увлекся бельканто, музыкой Мусоргского, Вивальди, Россини. Словом, всем тем, что впоследствии сослужило добрую славу при поступлении в консерваторию и во время учебы в ней.

Мы напомнили Джанни Моранди о его первом приезде в Советский Союз в 1965 году. Не забыл ли он то выступление на эстраде Зеленого театра Парка культуры и отдыха имени Горького?

— Памятный день не только для меня, но и для всех моих товарищей — участников популярного у нас песенного фестиваля «Кантаджиро». Тогда мы дали всего один концерт перед москвичами, и они очень тепло нас принимали, очень. Если говорить честно, идея приехать в вашу страну с большими гастролями зародилась у меня именно тогда. И разве мог я мечтать, что почти двадцать лет спустя это станет возможным! Кажется, из всех наград и отличий как самую ценную я буду хранить Золотую медаль Советского фонда мира, врученную мне космонавтом Влади-

миром Аксеновым после концерта Мира в Лужниках.

Недавно из Италии пришло сообщение о выступлении певца на концерте в Праге во время Всемирной ассамблеи «За мир и жизнь, против ядерной войны». Его сильный голос вновь подхватили тысячи людей. Потом мы позвонили в Рим, пытаюсь застать Джанни дома. Удалось только однажды, поздним вечером. «Москва? О, моя любовь меня не забывает! — раздался знакомый голос. — Сегодня один день отдыха, послезавтра снова выступления... Перед каждым своим концертом я рассказываю всем о своем путешествии в Советский Союз. Приеду к вам еще? Конечно! Это будет совсем скоро!»

Владимир КОВАЛЕВ,
Сергей СЕРГЕЕВ

СТРАННО...

Минувшей весной я был на VII Всесоюзном конкурсе артистов эстрады в Москве. На нем были представлены разные жанры. И я не берусь судить обо всем. Но хочу сказать о конкурсе песенном. Тут зрителей, на мой взгляд, ждало разочарование. Ярких открытий, оригинальных талантов лично я не увидел. Но особенно меня насторожил репертуар исполнителей. Если не ошибаюсь, за весь конкурс было исполнено по одной песне Пахмутовой, Фрадкина, Френкеля, а ведь это наши крупнейшие мастера песни. Может быть, пели песни композиторов более молодого поколения? Та же картина. А что же вообще пели конкурсанты? Конечно, наша жизнь весьма многообразна, и отражать ее однобоко нельзя. Но и замыкаться в рамках любовной, интимной лирики тоже неправильно. По всей планете проходят митинги и манифестации с требованием запретить войну, уничтожить ядерные арсеналы; знаменитые певцы и ансамбли поют песни о мире, о справедливости и социальном прогрессе, а на Всесоюзном конкурсе почти сотня певцов распевают не только на русском, но и на английском, французском и итальянском языках лирические песенки о неразделенной или разделенной, о несчастной или счастливой любви. Мелковато! И, как следствие, VII Всесоюзный конкурс не дал ни одного певца-исполнителя (а вернее, исполнительницы, ибо певцы вообще не попали на III, заключительный тур) гражданских песен. Тревожный симптом!

Павел ЕРМИШЕВ, композитор, Москва

НАРОДНАЯ ПЕСНЯ — МОДА ИЛИ...

Часто ВИА довольно-таки небрежно обращаются со старинной фольклорной песней, аранжируя ее на свой вкус и лад. «Пропускают» ее через динамики, синтезаторы и т. д. В итоге получается, что, допустим, песня-баллада, требующая определенного душевного настроения, уродуется, теряет свой первоначальный вид, и молодежь, которая увлекается только эстрадной песней, зачастую впервые знакомится с ней именно в таком «модерновом» виде. Искаженном до неузнаваемости. А надо бы бережнее относиться к нашему старинному песенному наследию. Как это делает, например, Жанна Бичевская. Как вы думаете, я права?

Валентина ГАРШИНА,
Алушта

УМЕЕМ ЛИ МЫ СЛУШАТЬ?

Какая все-таки разная атмосфера на концерте классической музыки и на выступлении какого-либо рок-ансамбля. Никогда не обращали внимания? Подтянутые музыканты в строгих костюмах, нарядная публика, заранее настроенная на праздник. Прекрасные, одухотворенные лица и в зале и на сцене. И как все бывает, к сожалению, наоборот на концерте «новой волны». Не хочу подробно описывать подобные «концерты», сами, наверное, видели, как вопят, свистят, вскакивают с мест и бегают по проходам молодые люди. Что это? Современная музыка дает освобождение от условностей, от правил поведения в общественных местах? И как к этому относятся сами музыканты, когда голос певца не слышен за криками и воплями слушателей. Кого и что воспитывает такая обстановка?

Павел НОВИКОВ,
Москва

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК
КЛУБА
«МУЗЫКА С ТОБОЙ»

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 06.06.83. Подписано к печати 17.06.83. А 06127. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1170000 экз. Изд. № 1875. Заказ № 844. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ФОРМУЛЫ И КИСТЬ

Что такое творческий процесс: неожиданный всплеск человеческого гения или же постоянное внутреннее состояние человека с определенным, непонятным многим складом души? И одинаков ли этот процесс у ученого, ломающего голову над очередным научным открытием, и, скажем, у поэта, ищущего совершенную рифму, у художника, подбирающего выразительные краски и ракурсы?

Думается, можно с полной уверенностью предположить, что эти или подобные вопросы и мысли возникали у людей, посетивших Центральный выставочный зал Союза художников, где с большим успехом проходила выставка «Ученые рисуют».

И, уверен, многим посетителям вспомнились здесь имена таких гигантов прошлого, как Леонардо да Винчи и Михайло Ломоносов. Разве изобретения великого итальянца не равны по своей мощи и значимости его художественным творениям? А Ломоносов? Занимаясь астрономией, физикой, химией, он еще и создавал живописные мозаичные картины, писал стихи, невольно поставив этим себя у колыбели русской поэзии.

Подобные параллели напрашиваются не случайно. Ведь на выставке представлены полотна таких видных советских ученых, как ныне покойный президент АН СССР академик А. Несмеянов, академик Б. Юрьев, академик Б. Петров, академик О. Антонов; члены-корреспонденты АН СССР: один из пионеров космонавтики, К. Тихонравов, и основатель первой в мире атомной электростанции Д. Блохинцев, пионер авиации К. Арцеулов; знаменитые врачи Н. Филатов, А. Чижевский, генерал-майор Г. Покровский и др.

Среди многочисленных полотен, показанных на этой выставке, можно было увидеть и пейзажи, и натюрморты, и произведения так называемой фантастической живописи. А, к примеру, картины Георгия Покровского, в свое время казавшиеся научной фантастикой, как выяснилось, предшествовали воплощению его научных стремлений.

Так чем же все-таки являются все эти картины для их авторов, людей науки? Только ли отдыхом после научных изысканий или чем-то гораздо большим? Ведь не только отды-

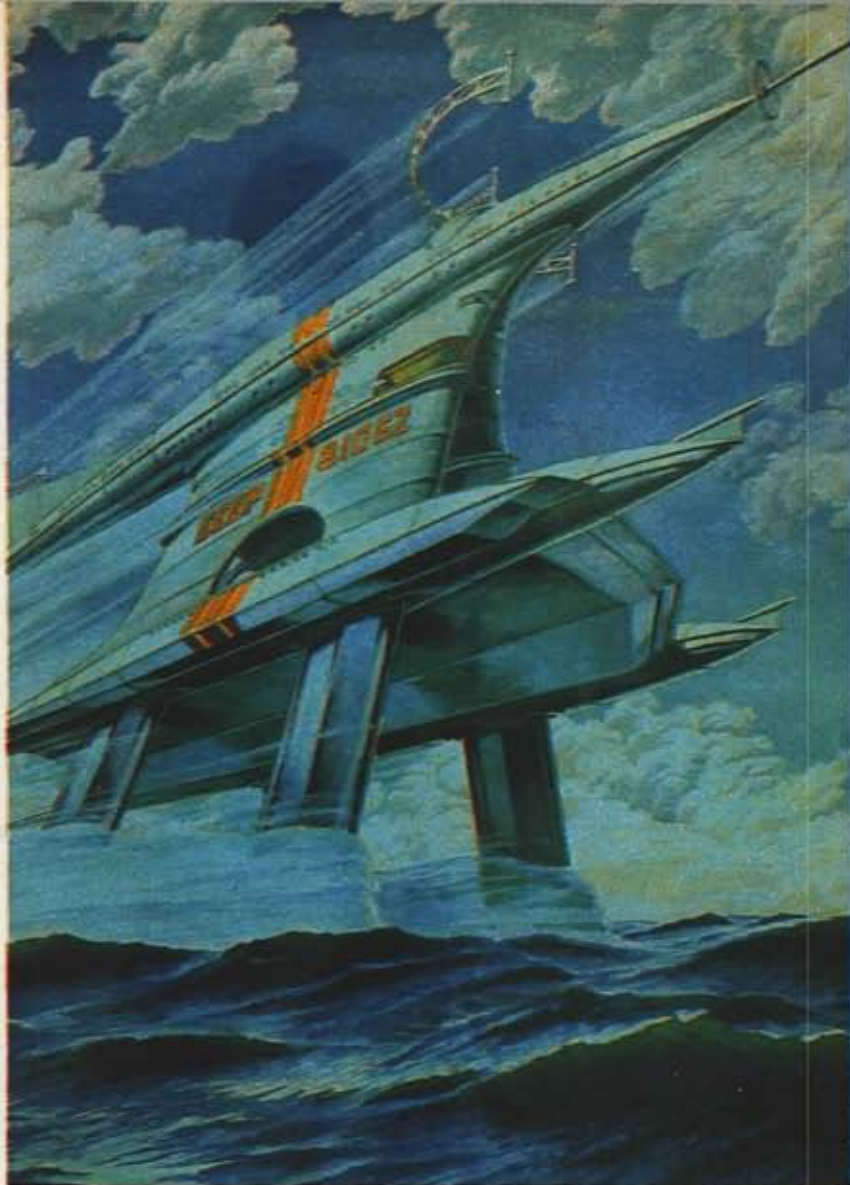
Б. СМІРНОВ-РУСЕЦКИЙ.
ВЕСНА.

Д. БЛОХИНЦЕВ.
ЧЕЛОВЕК И КОСМОС.

Б. СМІРНОВ-РУСЕЦКИЙ.
БОЛЬШАЯ
ТУМАННОСТЬ ОРИОНА.

Г. ПОКРОВСКИЙ.
ИСКУССТВЕННЫЙ СПУТНИК
СЛУЖБЫ СОЛНЦА.

Г. ПОКРОВСКИЙ.
КОРАБЛЬ НА ПОДВОДНЫХ
КРЫЛЬЯХ.

Д. БЛОХИНЦЕВ.
КРАСНЫЙ КОНЬ.

хом было искусство для Леонардо да Винчи и Михайлы Ломоносова. Оно было для них еще и способом самовыражения, еще одним видом творчества, без которого не могли жить их богатые, сильные натуры. Неотделимо было для них творчество научное от творчества художественного.

Позже ученые постепенно перестали быть энциклопедистами, каждый стал замыкаться сначала в своей науке, а потом и даже в ее отдельном узком разделе... И лишь в последние годы начал происходить обратный процесс — ведь всем известно, что сегодня большинство из крупнейших открытий современности происходит именно на стыке наук. Достаточно вспомнить о медицинской кибернетике, химической физике и о физической химии, космонавтике...

Современная наука, пройдя очередной виток в своем развитии, как бы в чем-то стала повторять свои истоки, заставляя ученого значительно расширять области своих познаний. Не в последнем ряду — художественные представления о мире. Уж не этот ли процесс привел некоторых к мольберту, и не он ли побудил людей науки взяться за кисть, как это когда-то делали их далекие предшественники? По крайней мере представленные на выставке «Ученые рисуют» картины невольно наводят на эту мысль.

Геннадий МАКСИМОВИЧ

Цена номера 35 коп.
Индекс 70820